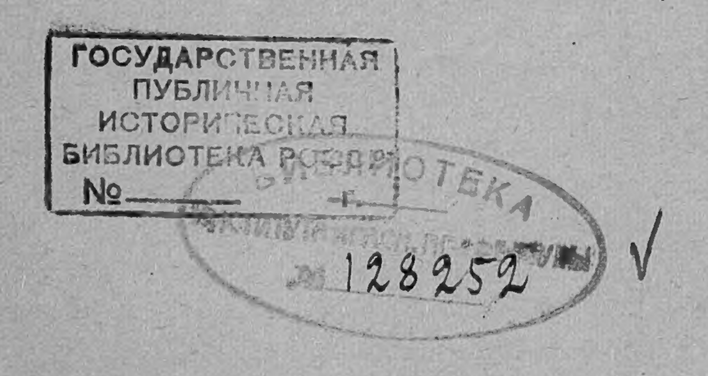

E41 250

Н. И. БУХАРИН

К ВОПРОСУ О ТРОЦКИЗМЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

Гиз № 8845. АП. № 92. Главлит № 30807. Москва. Напеч. 50.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип. Москва, Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей охватывает значительную часть боевых вопросов, выплывавших во время последних — подчас очень острых — партийных дискуссий. Задачей автора был такой анализ этих вопросов, который заставлял бы читателей продумывать их дальше, а с другой стороны, связывал бы каждый данный вопрос с другими и всю совокупность частных вопросов с некоторыми общими проблемами. Центральной проблемой такого рода является проблема рабоче-крестьянского блока, — вопрос, который то в скрытом, то в открытом виде неизменно фигурировал во время наших внутрипартийных споров. Так как очередной спор, поднятый так некстати тов. Троцким, совпал с объективной остротой проблемы рабоче-крестьянского блока, остротой, вызванной особенностями «текущего момента», то мне думается, что сборник настоящих статей, выясняющий опасности троцкизма, как некоторого уклона от ленинизма, уклона, который имеет претензию навязывать себя партии, будет небесполезен для товарищей-читателей.

Некоторые, правда, очень немногочисленные, товарищи думают, что можно «уклоняться» от вопроса об «уклонах», вместо того, чтобы решительно и активно бороться с ними. «Единицы» из критически мыслящих личностей идут еще дальше. Так, например, один старый товарищ заявлял неоднократно, что он «не большевик, не меньшевик, не ленинец, а марксист и потому коммунист» (см. «Вестник Комм. Ак.», № 8, отчет о заседании К. А.) или: «я не старый большевик, я не ленинец» (Протоколы XIII конференции, стр. 120). Это делает честь «независимости мысли» таких товарищей, но отнюдь не свидетельствует о *глубине* этой мысли. За последние годы мы все приобрели такой громадный опыт, партия прошла через такую полосу истори-

ческой проверки, ленинское учение было под таким перекрестным огнем и подверглось такому «божьему суду» со стороны фактов поистине всемирно-исторического значения, что не грех извлечь отсюда ряд общих уроков.

Основной урок, важный для нас и теоретически, и практически, гласит следующее: ленинизм проверен, как правильная, согласующаяся с объективными фактами и поэтому в высочайшей степени пригодная для руководства действием теория пролетарского движения; поэтому нельзя разделять марксизм и ленинизм, *нельзя в тепершнюю эпоху быть марксистом, не будучи ленинцем*. Всякая попытка обойти этот вопрос в высокой степени неуместна: она означает прямую боязнь анализа *действительности*. А «марксизм», который бежит от действительности, не есть марксизм.

Подводя итоги наших теоретических боев с тов. Троцким, нельзя не увидеть, что, если отдавать себе полный отчет во всем значении разногласий, эти споры не суть споры лишь с одним троцкизмом. Автору этих строк особенно ясно видно, напр., что у так-называемого «левого коммунизма» были черты, роднящие его с троцкизмом: та же формальная логика вместо диалектики, то же неуменье выделить специфические особенности момента, то же перепрыгиванье через ряд этапов, та же «фразеология» вместо трезвого анализа действительности, при субъективной яркой революционности.

Но если мы посмотрим на дело и шире, и глубже, то мы сходные элементы найдем и в Западной Европе: не только у «левых коммунистов» типа Гортера (в карикатурном и детски-упрощенном виде, где «детская болезнь» дана в квадрате и в кубе), но и у «левых радикалов» прошлых десятилетий, у спартаковцев, Розы Люксембург, у польской социал-демократии и т. д.

Было бы смешно *отождествлять* все это с троцкизмом. Это значило бы отводить ему место, которого он никогда не имел, и это значило бы выкидывать все меньшевистское прошлое троцкизма. Но если вспомнить, как обстояло дело с организационным вопросом, с вопросом национальным, с аграрным и крестьянским вопросами, то можно разглядеть и здесь черты, против которых так страстно боролся тов. Ленин. И что же, мы можем сказать при этом: это все для нас неважно? Так сказать нельзя. Мы должны с величайшей честностью, с величайшим объективизмом

продумать уроки, которые мы получили от жизни. Не бояться признавать свои ошибки, искать их корни, проверять еще и еще раз свою линию — наша всенепременная задача.

Если ленинизм проверен многими годами борьбы, богатство опыта которой уж никак нельзя переоценить, то понятен поэтому лозунг «большевизации» компартий. Когда нет прямых гражданских боев, необходимо особенно усиленно оттачивать свою общую «линию». Пропаганда ленинизма является одной из настоятельнейших задач времени. На критике уклонов от ленинизма очень хорошо выяснять и особенность этого учения, последователями которого мы себя признаем.

Мы думаем, что и с этой точки зрения наш сборник поможет в борьбе ленинской ортодоксии против всех видов оппортунизма, левого ребячества, кичливой, якобы, коммунистической фразы.

Н. Бухарин.

Горки, 1 января 1925 г.

PS. Я должен выразить здесь свою благодарность моим друзьям, товарищам А. Слепкову и И. А. Кравалю, которые помогали мне в моей работе.

Н. Б.

ДОЛОЙ ФРАКЦИОННОСТЬ!

В своей статье «О группировках и фракционных образованиях» тов. Троцкий призывает к тому, чтобы «постараться понять друг-друга», ибо «погорячиться успеем после». Тов. Троцкий придает, по его словам, своей статье «разъяснительный характер» и ждет «спокойного и вдумчивого отношения к теме».

Эти советы сами по себе очень хороши и весьма уместны. Жаль только, что тов. Троцкий не применил их к самому себе в первую голову. Ибо, если бы тов. Троцкий не выступил сперва со своим знаменитым письмом (т.-е. не горячился бы), если бы тов. Троцкий постарался «вдумчиво и спокойно» *понять* позицию ЦК, тогда ему, быть-может, не пришлось бы задним числом «разъяснять» свои собственные выступления, а партия, возможно, была бы предохранена от той дискуссионной лихорадки, которая треплет ее и подрывает ее силы. Тов. Троцкий «горячится» (вопреки своим собственным советам) не в первый раз и не в первый раз «по горячности» *противопоставляет* себя ЦК партии.

Тов. Ленин в своей брошюре «Еще раз о профсоюзах» и т. д. выдвинул специальный пункт: «Партийная опасность фракционных выступлений».

Тов. Ленин писал про тогдашнее выступление тов. Троцкого:

> «Подумайте только: после двух пленумов ЦК (9-го ноября и 7-го декабря), посвященных неслыханно подробному, долгому, горячему обсуждению первоначального наброска тезисов тов. Троцкого... один член ЦК остается *одним из 19*, который подбирает себе группу вне ЦК и с «коллективным» «трудом» этой группы выступает как с «платформой», предлагая съезду выбирать между *двумя* тенденциями!».

История повторяется, но, к сожалению, не всегда трагедия сменяется фарсом. Тов. Троцкий заставляет партию переживать снова критические времена.

«Подумайте только»: после ряда совещаний, после *единогласно* принятой резолюции политбюро, — после всего этого *«один член ЦК» выступает* со статьей о «новом курсе», которая выдвигает и против ЦК, и против всей старой большевистской гвардии неслыханнейшие обвинения! Эти обвинения подхватываются всей оппозицией (в том числе и теми «вульгарными демократами», о которых говорит т. Троцкий), ведется планомерная атака на ЦК, а после всего этого тов. Троцкий вежливо приглашает «не горячиться». «Горячиться», конечно, не годится. Но именно тов. Троцкому, более чем кому бы то ни было другому, следует помнить об этом мудром правиле. Ибо выступление его, тов. Троцкого, со статьей, вызвавшей взрыв негодования среди испытанных большевистских рядов, — выступление через *два дня* после единогласного решения, не может быть истолковано иначе, как продукт *фракционной горячности* тов. Троцкого.

Кстати. На многочисленных дискуссионных собраниях представители оппозиции (т. Преображенский и другие) не раз заявляли, что ЦК мешает перевести дискуссию на деловые рельсы, на обсуждение вопросов экономической политики и т. д. Теперь, *после* опубликования резолюции ЦК по хозяйственным вопросам, мы имеем новые выступления тов. Троцкого по *старой* резолюции. Лишнее доказательство того, кто же, в конце-концов, — ЦК или кто другой, — «мешает» *деловой* дискуссии. *ЦК оказывается вынужденным* смотреть назад: ему мешает фракционная горячность тов. Троцкого.

*

1. СУТЬ РАЗНОГЛАСИЙ. ЛЕНИНИЗМ И УКЛОНЫ ОТ НЕГО.

В происходящей на наших глазах дискуссии поражает одна черта: многие члены партии, в особенности из молодых ее членов, смотрят с недоумением на выплывшие неожиданно разногласия. В значительной мере это объясняется тем обстоятельством, что многие из этих разногласий не выносились ранее наружу. И при тов. Ленине, и позднее те разногласия, которые бывали не раз между большинством ЦК и тов. Троцким, преодолевались в рамках самого ЦК. ЦК обязан был это делать и поступал

вполне правильно, ибо таким путем партия оберегалась от излишних фракционных потрясений. С другой стороны, те разногласия, которые выходили за пределы ЦК (Брест, дискуссия о профсоюзах), не вспоминались впоследствии, и ошибки ряда товарищей, в том числе тов. Троцкого, не подвергались критическому анализу. Несомненно, что такое положение вещей имело и свой минус: этот минус теперь, когда тов. Троцкий вынес разногласия на широкую арену партийной массовой дискуссии, становится особенно ясным. Многие не понимают *сути* спора. И потому здесь необходимо терпеливое разъяснение, с одной стороны, «спокойное и вдумчивое отношение к теме»—с другой.

После Октября наша партия переживала три крупных кризиса: брестский, профсоюзный и теперешний. На всех этих ступенях партийного развития тов. Троцкий *ошибался*. Нужно, «спокойно и вдумчиво» «отнесясь к теме», постараться понять, в чем же лежит *корень* этих ошибок. Только если мы до конца прощупаем этот корень, мы в состоянии будем своевременно *исправлять* те уклоны, которые являются неизбежным продолжением прежних.

Брестский мир. В чем состояла ошибка тов. Троцкого (и левых коммунистов)? Она состояла в увлечении революционной фразой, чертежом, красивым *бумажным планом*. Противники Брестского мира имели такой чертеж, но они не видели проклятой *реальности*, которую так чудесно видел гений Ленина. И, в первую очередь, они не видели *крестьянства*, которое не хотело, не могло, не желало воевать.

Профсоюзы. Что было здесь основой ошибок тов. Троцкого и ряда других товарищей? Опять то же самое. У них был прекрасный производственный чертеж на предмет сращивания профсоюзов, их чистки («перетряхивания»), их приспособления к «производственной демократии». Но этот чертеж оказался *утопическим*, несмотря на очень большую точность и ясность формулировок. Почему? Опять-таки потому, что эта политическая линия шла вразрез с действительностью.

Во время Бреста основная группа населения, крестьянство, кричала: мира во что бы то ни стало! Нужно отдохнуть, передохнуть какой-угодно ценой. А тов. Троцкий и «левые коммунисты» проповедывали либо революционную войну, либо навязывали никчемную формулу: ни мира, ни войны.

Во время профсоюзовской дискуссии страна требовала удаления оков военного коммунизма, стеснявшего рост производительных сил, а ей по линии профсоюзов предлагали покрепче завинтить гайку. Следовательно, и тут речь шла о непонимании *реальности* и, в первую очередь, о неучете массовой психологии *крестьянства*. Без учета же этой психологии пролетариат не в состоянии править в нашей стране.

Теперешние разногласия с тов. Троцким имеют ту же самую подоснову. Они, эти разногласия, были и тогда, когда работой непосредственно руководил тов. Ленин, они были и после. Тов. Троцкий все беды сваливал на недостаточность плановой работы. Именно эта недостаточность и привела, по мнению тов. Троцкого, к «гибели» всю страну. И именно в этом тов. Троцкий и обвинял — упорно, систематически — весь ЦК.

Само собой разумеется, что «гибель» находится лишь в горячем фракционном воображении тов. Троцкого. Само собой разумеется, что никто из членов ЦК не может возражать против роста порядка и плана в работе. Но ЦК считал, что у тов. Троцкого есть страшнейший *перегиб* в этом вопросе. ЦК полагал, что план нашей экономической политики, чтобы быть реальным, а не бумажным, чтобы жить, а не разделить судьбу приказа № 1042, должен вырабатываться крайне осторожно. ЦК полагал, что, вопреки тов. Троцкому, мы не можем говорить еще о «диктатуре промышленности», а что нам придется, — как учил Ленин, — еще долгое время ездить на тощей крестьянской лошадке и *только так* спасать нашу промышленность и подводить прочный базис для диктатуры пролетариата.

Вот корень *теперешних* разногласий. Можно спросить себя: не есть ли и здесь — в новой форме — та же ошибка?

Конечно, да. И здесь мы имеем перед собой гипертрофию *плана* без достаточного приспособления этого плана к реальной действительности. И здесь в *основе* лежит недооценка крестьянской действительности.

Вот эта-то основа основ ошибок тов. Троцкого и есть *уклон в сторону от ленинизма.*

Ибо Ленин внес в марксизм то новое слово, что он впервые с замечательной ясностью поставил (теоретически) и решал (практически) вопрос о соединении «пролетарской революции» с «крестьянской войной», о соотношении между рабочим классом и кре-

стьянством, о их блоке, их экономическом и политическом союзе.

Этот уклон тов. Троцкого от ленинизма объясняется всем историческим прошлым тов. Троцкого, своеобразием его взглядов на ход революции. Нечего сердиться за воспоминания об этом прошлом, раз уж начата работа в «разъяснительном» стиле. Нужно «спокойно и вдумчиво отнестись к теме» и действительно постараться выяснить вопрос до конца. Тов. Троцкий не раз открыто и мужественно заявлял, что он пришел к Ленину «с боями». Но он, очевидно, пришел к нему не до конца.

2. ЛЕНИНИЗМ И УКЛОНЫ ОТ НЕГО В ОРГАНИЗАЦИОННОМ ВОПРОСЕ.

В политике обычно бывает так, что уклоны от правильной линии в основных вопросах сопровождаются и соответствующими уклонами в ряде других вопросов, имеющих существеннейшее значение для судеб пролетарской партии.

В нашей теперешней дискуссии, а равно и в последней статье тов. Троцкого, мы ясно видим, как и в вопросах *внутрипартийной политики* фракция тов. Троцкого, Сапронова, Преображенского волей-неволей *отходит от ленинизма*.

Каков был общий *организационный принцип* большевистской партии? Эта партия, наша партия, отличалась всегда своей монолитностью и единством. Была резкая грань между нашей партией и ее организационной природой, с одной стороны, и оппортунистическими партиями — с другой. Наша партия строилась и росла в боях с оппортунизмом, как партия, сделанная из одного куска. Наша партия *никогда не была* и — надеемся — *не будет федерацией договаривающихся между собою групп, группочек, фракций и «течений»*. Наоборот, у меньшевиков, у эсеров, у прочих «мягких», в противоположность «нетерпимым», «твердокаменным» большевикам, была крайняя «свобода мнений», «свобода группировок», «свобода течений». Не так давно, на процессе эсеров, подсудимые эсеры хвастались этой своей «терпимостью»: у них было крыло, прямо поддерживавшее белых, у них был «Административный Центр», у них были левые, у них были центровики и т. д.,—словом, было всякой твари по паре. То же у меньшевиков. Но, ведь, потому отчасти наша партия

и *разбила* своих врагов, что она представляла из себя единую «железную когорту» бойцов, осуществляла и воплощала величайшее единство воли, была построена так, что все оттенки мнений вливались в *единый поток*, а не разделяли партию на борющиеся и взаимно ослабляющие фракции.

И если теперь ряд товарищей, во главе с тов. Троцким, отступает от этой организационной традиции, то они отступают здесь от организационной *традиции ленинизма*. Можно, конечно, высмеивать традиции — в том числе и ленинские, — но тогда это нужно делать прямо и открыто. Конечно, никакие традиции не могут претендовать на абсолютную вечность. Но нужно указать, доказать, *почему* ленинизм «устарел» в этом пункте. Мы думаем, что он не устарел, ибо наша партия стоит еще на боевом посту, окружена врагами, и поэтому должна быть столь же сплоченной и дружной, как и раньше.

Большевизм всегда очень ценил и ценит *партийный аппарат*. Из этого не вытекает, что большевизм должен страдать или страдает куриной слепотой по отношению к *болезням* аппарата (в том числе его бюрократизации). Об этом речь будет итти ниже. Но большевизм (ленинизм) никогда не *противопоставлял* партию аппарату. С большевистской точки зрения, это — элементарная безграмотность, ибо партии *нет* без аппарата. Выдерните из партии ее аппарат, и партия превратится в распыленную массу людей. В противоположность этому, меньшевики, например, всегда относились с якобы «демократическим» презрением к «комитетчине» и «якобинству» большевиков. Под видом защиты «самодеятельности» партийных масс против аппарата меньшевики защищали оппортунистическую расхлябанность мелкобуржуазных «широких» «рабочих политиков» против пролетарской организованности и дисциплины большевизма.

Можно и должно со всей страстностью бороться против болезней аппарата, в которых выражается болезнь партии, но *противопоставлять* партию ее аппарату — это значит и здесь уклоняться в *сторону от ленинизма*.

Во внутрипартийных вопросах всегда играл громадную роль и вопрос о значении *партийного руководства*, вопрос о центральной инстанции партии. Большевики никогда не играли в формальный, *пустой* демократизм, за которым всегда скрывается беспринципность. Ленин учил ценить руководящее начало

основных кадров, накопивших наибольший опыт в борьбе. Правда, он жестоко высмеивал «старых дураков», которые не могли и не умели применять уроков прошлого к *новым* запросам настоящего. Но он всячески предостерегал против «игры» в *формальную* демократию, которая *на словах* требует только регистрирующей роли центра, *а на деле* всегда становится игрушкой демагогов самого худшего сорта. Большевизм выступал здесь как практика, вполне и до конца учитывающая реальность. И если сейчас некоторые товарищи с легким сердцем считают возможным выбрасывать по отношению к руководящему партийному центру весьма странные и прямо смехотворные обвинения, то это происходит только потому, что они не понимают роли и значения руководящего партийного начала. И здесь они идут по дорожке, которая уводит их в сторону от большевизма.

В связи с этим стоит и вопрос о «старой гвардии». Но в данной связи мы хотели только коротко обозначить вехи тех уклонов, которые наметились в позиции тов. Троцкого, Преображенского, Сапронова и других. В последующих строках мы увидим, как эти уклоны проявляются конкретно в выступлениях названных товарищей, в первую очередь тов. Троцкого. Спокойная и внимательная критика его статей сослужит свою службу в нашей дискуссии. Не нужно только «горячиться» по поводу обвинений в антиленинских уклонах. Нужно *доказать*, что их нет. К несчастью, они есть. А вся партия была бы, конечно, только обрадована, если бы в результате «спокойного и внимательного» обмена мнений эти уклоны исчезли и заменились единодушием на основе испытанных, проверенных жизнью политических и организационных воззрений ленинизма.

3. МОНОПОЛИЯ НА ДЕМОКРАТИЮ И ФРАКЦИОННАЯ ОППОЗИЦИЯ.

«Мы присутствуем, — пишет тов. Троцкий в своей последней статье («О группировках» и т. д.), — при новом наступлении партаппарата, который *всякую критику* (курсив наш. *Ред.)* старого, формально осужденного, но еще не ликвидированного курса безапелляционно отводит ссылкой на фракционность». «Надо снова поплотнее привинтить

крышку. Этой коротенькой мудростью проникнуты десятки речей и статей «против фракционности».

«Наиболее боевое крыло старого аппаратного курса глубоко убеждено в ошибочности резолюции ЦК.

«Неистовствующий бюрократизм... Именно из этого лагеря раздавались голоса, которые нельзя иначе назвать, как провокационными. Именно отсюда осмеливались говорить: мы не боимся раскола! Именно представители этого лагеря шарят в прошлом (это, вероятно, намек на Гэдов и Вальянов? *Ред.*), выискивая все, что могло бы внести побольше ожесточения в партийную дискуссию, искусственно оживляя воспоминания о старой борьбе и старых расколах, чтобы незаметно и постепенно приучить мысль партии к возможности такого чудовищного самоубийственного преступления, как новый раскол».

Так характеризует тов. Троцкий — зачем это скрывать и держать в секрете? — официальную линию ЦК. Если ЦК привел к гибели страну, если он идет по дороге Каутских и Бернштейнов, то почему ему уже заодно не заняться коварным планом подготовки *нового* (?) раскола партии? (А старый где? Это с меньшевиками? И было ли это так плохо?).

Тов. Троцкий явно горячится и явно неправильно оценивает факты, вернее, проходит мимо фактов. При этом он снова повторяет ту же самую ошибку, какую он делал уже во время профсоюзовской дискуссии.

Тов. Ленин, в числе прочих фракционных увлечений тов. Троцкого, отмечает и его страсть к легкомысленным обвинениям. Ленин пишет:

«В тезисе 11-м (у тов. Троцкого. *Ред.*) удивительно тактичный, доказательный, деловой... как бы это повежливее выразиться?.. «намек» на то, что «большинство профессионалистов» «формально, т.-е. *на словах*, признают» резолюции IX съезда РКП».

Теперь мы имеем дело уже не с «намеками», а с прямыми обвинениями. Выходит, что ЦК, вопреки своей собственной резолюции, убежден в *ошибочности* нового курса, только и мечтает о том, чтобы «поплотнее привинтить крышку», и т. д., и т. п. А где факты? Где хоть *тень* доказательства кроме сомни-

тельного чтения в чужих сердцах? *Факты* прямо *противоречат* положениям тов. Троцкого и всей оппозиции. Ибо сам тов. Троцкий говорит о взрыве дискуссии, об *излишествах* в этой области и проч. Где, когда, кому было «запрещено» выступать? Где, когда, кому накладывалась узда на рот? Не переживаем ли мы *небывалую* по своей широте и интенсивности дискуссию?

Где это тов. Троцкий видел, чтобы критику старого курса, да еще *«всякую»*, «отводили» «ссылкой на фракционность»?

Ведь, это же поистине чудовищные обвинения! Нам не известен ни один член ЦК, который на дискуссионных собраниях не солидаризировался бы с критикой «старого курса», — критикой, данной в первую очередь в резолюции самого ЦК. Вряд ли и тов. Троцкий укажет нам такого цекиста, который стоял бы за старый «курс». Так в чем же дело? Откуда такой шум?

Дело в том, что тов. Троцкому «демократия» нужна в стратегических целях для того, чтобы порасшатать старые «кадры», для того, чтобы «исправить» *политику* ЦК. *Субъективно*, с точки зрения своих целей, тов. Троцкий вполне прав. *Но объективно* он жестоко ошибается: партия не даст «исправлять» той основной линии, которой учил ее тов. Ленин.

Тов. Троцкий и вся оппозиция любят ссылаться на то, что *они* сказали первое слово о внутрипартийной демократии, за что «неистовствующий бюрократизм» и осудил их. Это прямое *извращение* фактов. Политбюро еще в *сентябре* приняло новый курс, до всяческих выступлений оппозиции. Октябрьский пленум ЦК и ЦКК *подтвердил* это решение Политбюро ЦК. *На основе* этих решений и была выработана единогласно принятая резолюция.

Но эти *факты* тщательно обходятся, скрываются, извращаются, опять-таки, очевидно, из стратегических целей. Ибо нужно представить дело так, что «оппозиция» несет мученический венец и страдает за «демократию».

И тов. Троцкий, и вся оппозиция в целом *хочет бить демократией по «старым кадрам»*. Именно отсюда разговоры о «наступлении аппарата» (Троцкий), о том, что «нельзя наливать новое вино в старые мехи», что «демократия есть организованное недоверие» и проч.

С этой точки зрения весьма любопытно вспомнить, что говорили на X съезде теперешние союзники тов. Троцкого, Преобра-

женского и др. Вот, например, как оценивал тов. *Рафаил* деятельность «новых мехов» — тов. Крестинского, Серебрякова, Преображенского (тогдашние секретари ЦК, теперешние «оппозиционеры»):

«После IX съезда нашей партии, на другой же день, ЦК повел зубодробительную политику по отношению к массе членов партии. Эта зубодробительная политика или «цектранизм» (против Троцкого. *Ред.*)... или... бюрократическое извращение, заключалось в том, что» и т. д. (Протоколы, стр. 52).

Отсюда, по меньшей мере, следует то, что оппозиция плюс тов. Троцкий также влачат традиции бюрократизма. В этом на X съезде партии тов. Ленин особенно обвинял тов. Крестинского и тов. Троцкого. А так как сентябрь по всем правилам астрономии бывает раньше октября, то совершенно ясно, что тов. Троцкий весьма ошибается, надевая на себя белоснежные ризы демократии.

ЦК единогласно принял известную резолюцию «о новом курсе». На этой основе идет широкая партийная дискуссия и готовятся перевыборы. Это известно всем и каждому. В этой дискуссии ЦК занимает определенную *позицию*, как и подобает ЦК большевистской партии. ЦК проведет железной рукой курс на рабочую внутрипартийную демократию, ибо он не хуже других видит, что в складывающейся обстановке только через повышение политического уровня и политической активности всех членов партии эта последняя может решить стоящие перед ней задачи.

При таких условиях монополия на демократию со стороны оппозиции и тов. Троцкого есть лишь фракционный ход, который становится еще более фракционным оттого, что тов. Троцкий и здесь пускает против ЦК голословные и легкомысленные обвинения. *Так* партии не сплачивают. Так партию — вольно или невольно — только *трясут*.

Любопытно отметить следующий характерный факт. После принятия резолюции Политбюро секретариат ЦК разослал и отпечатал в «Правде» циркуляр, вменяющий парторганизациям в обязанность охранять свободу дискуссии. ЦКК разослала и отпечатала в той же «Правде» циркуляр с угрозой привлекать к ответственности лиц, препятствующих правильному и свободному ходу дискуссии. Но об этом никто из «оппозиции» не заикается. Почему? Мудрый Эдип, разреши!

4. ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ТОВ. ТРОЦКОГО (О ФРАКЦИЯХ И ГРУППИРОВКАХ).

Оппозиционные товарищи, во главе с тов. Троцким, очень любят применять один аргумент: «ЦК-де *запугивает* партию расколом». Крики о расколе означают-де попытку сорвать дискуссию («застращивание есть вообще чаще всего продукт испуга», — пишет тов. Троцкий).

И здесь история удивительно повторяется. Не в том дело, дорогие товарищи, что вы, имя рек, *не хотите* раскола. Очень часто бывает, что расколов не делают, а они *делаются*. Есть некая объективная логика борьбы, которая со стихийной силой *влечет* к расколу независимо от субъективных желаний стоящих во главе фракций товарищей. Эта опасность чрезвычайно велика, когда рабочая партия правит в стране, где сам-то рабочий класс— оазис в крестьянской пустыне.

История, говорим мы, повторяется.

Вот что заявляет тов. Ленин на X съезде партии:

> «Обстановка спора (речь шла о профсоюзной дискуссии. *Ред.*) становится в величайшей степени опасной. Некоторые товарищи, с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, — когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса»!,— говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризуете». (Протоколы, стр. 17).

Теперь *то же самое* говорят, адресуясь к нашему ЦК, который ведет ленинскую линию.

Хорошо вспомнить также, что тов. Ленин в своих *последних* статьях точно так же указывал на опасность раскола и всячески обращал внимание на эту опасность. Что же, и здесь тов. Ленин хотел «терроризировать партию»?

Смешное обвинение! А если эта опасность есть, и если она еще усиливается, то что же, руководящее учреждение партии должно *молчать*? Какой же это будет ЦК, который *не указывает* на эту опасность? И чего стоят, в конце-концов, эти старые,

обомшелые обвинения в «запугивании»? Неужели они могут служить украшением для патентованных защитников нового курса?..

В отличие от тов. Преображенского, который утверждает, что никаких фракционных группировок нет и быть не может, что под группировками (конечно, совсем невинными и отнюдь не фракционными) нет никакой социальной подосновы, и что признавать эту подоснову значит отступать от марксизма, — в отличие от всех этих «невинных» рассуждений тов. Троцкий ставит вопрос совершенно иначе. Он не прячет головы под крыло, а прямо заявляет: да, группировки есть, они имеют тенденцию превратиться во фракции, фракции же «представляют величайшее зло в наших условиях».

Это — очень откровенная постановка вопроса, и нужно только благодарить тов. Троцкого за его ценное признание. Здесь он правильно ставит вопрос и не занимается той юридической алхимией, которой обычно занимаются представители оппозиции.

Но тов. Троцкий хочет извлечь из этой правильной постановки вопроса «маленькую пользу» и для своей «нефракционной» фракции.

> «Достаточно вдуматься, как следует быть, — пишет тов. Троцкий,—в историю нашей партии хотя бы за время революции, т.-е. за то именно время, когда фракционная борьба стала особенно опасной, — и станет ясно, что борьба с этой опасностью ни в коем случае не исчерпывается одним только формальным осуждением и запрещением группировок».

Во время Бреста вовсе не было голого «запрета»: «партия применила... более сложные методы: дискуссии, разъяснения, проверки на политическом опыте, мирясь временно с таким ненормальным и угрожающим явлением, как существование внутри партии организованной фракции».

На X съезде партия «покрыла» оппозицию своими хозяйственными решениями. И т. д.

Очень хорошо, тов. Троцкий.

Но примените, пожалуйста, эти же критерии к теперешнему положению вещей.

Первое. Фракционные группировки (или группировки с тенденциями к фракционности) *признаются* самим тов. Троцким. Раз.

Второе. Партия *«покрывает»* фракционность резолюций о внутрипартийной демократии и о хозяйстве. Два.

Третье. Партия применяет, говоря словами самого тов. Троцкого, «более сложные методы: дискуссии (разве этого нет? *Ред.*), разъяснения (и этого нет? *Ред.*), проверки на политическом опыте, *мирясь временно»* (наш курсив. *Ред.*) с фракционными группировками.

Замечательные формулировки! Но, ведь, они целиком говорят *против* тов. Троцкого!

Кстати, они вполне отвечают на вопрос тов. Преображенского, который не устает вопрошать: если мы — фракция, то почему же вы нас сразу не захлопнете? Да потому, любезный тов. Преображенский, что ЦК следует мудрому совету тов. Троцкого и «временно мирится», ведя разъяснительную работу.

А теперь позволительно спросить: входит ли в «разъяснительную работу» указание на то, что отмечает и сам тов. Троцкий, а именно, что фракции опасны и могут быть *гибельны* для революции? Мы полагаем, что да. А по тов. Троцкому, который здесь положительно не сводит концов с концами, это — «запугивание».

Вот тут вы и разберитесь! Некругло выходит у тов. Троцкого. А некруглость вся получается от того, что тов. Троцкий сам стоит на фракционной точке зрения, которую, конечно, уж никак нельзя помирить с указанием на гибельность фракций.

Наконец, приходится отметить еще одну «некруглость» у тов. Троцкого. Он обвиняет ЦК в том, что последний воплощает как-раз *бюрократическую* «фракцию». Что бюрократизация господствующей партии, вообще говоря, таит в себе огромную опасность,— в этом можно только согласиться с тов. Троцким. Но если ЦК воплощает этот бюрократизм, если ЦК есть глава бюрократической фракции, то тогда зачем же его *оставлять?* Почему его не *гнать?* Гибель страны плюс социал-предательство, плюс перерождение в бюрократию — не достаточно ли этого для того, чтобы *прогнать* такой ЦК?

Почему же этого не предлагается? Разве так партию спасают? Разве с таким ЦК принимают единогласно резолюции?

И здесь у тов. Троцкого не связаны концы с концами.

Все дело в том, что тов. Троцкий *не верит* в эти обвинения. Если бы он в них верил, он мужественно сделал бы из них все выводы. А он этих выводов не делает. Почему? Потому, что ему нужно фракционно *потрясти* партию и выдвинуть на место старой ленинской гвардии товарищей, которые хотят *разбольшевичить* нашу большевистскую партию.

Этого партия не позволяла раньше. Этого партия не позволит и теперь.

Первый итог первого «разъяснения» первого письма о «новом курсе»:

Тов. Троцкий только усугубил свои ошибки, только обострил разногласия, только подчеркнул свою фракционную позицию.

Постскриптум. Попутно тов. Троцкий затрагивает посторонние, но важные вопросы:

1) По поводу «нефракционных» намеков тов. Троцкого на ошибки группы старых большевиков в октябре 1917 г. полезно вспомнить оценку тов. Ленина, сделанную в 1920 г. (Собр. соч., т. XVII, стр. 373). Вот что писал тов. Ленин:

> «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены... Через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты».

Тов. Троцкий, вопреки совету тов. Ленина, *охотно* вспоминает этот эпизод. Почему? Потому, что ему это выгодно из *фракционных* соображений.

2) Пример питерских разногласий 1921 года притянут за волосы. Никаких фракций там не было. Разногласия были изжиты, как подобает большевикам, организованным путем, при помощи ЦК партии. Обе спорившие стороны давно забыли о бывших разногласиях.

3) «В отличие от редакции «Правды», я не считаю, что с момента опубликования тезисов по экономическим вопросам партия

лишается права (!!) продолжать обсуждение внутрипартийных вопросов», — пишет тов. Троцкий.

Это называется у т. Троцкого «горячиться успеем после». Что же написал бы тов. Троцкий, если бы он решил горячиться сейчас?

Кто, где, кого «лишал права»? Полноте, т. Троцкий! Чем больше вы «разъясняете» свое первое письмо «Новый курс», тем больше вы сами разоблачаете свою фракционность, тем больше девяносто девять сотых всей партии сплачивается против ваших ошибок.

5. СТРАТЕГИЯ ТОВ. ТРОЦКОГО. — ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ ИЛИ ФРАКЦИОННЫЙ ХОД?

Громадная «разъяснительная» статья тов. Троцкого относительно «партийных поколений» и «общественного состава партии» является в некотором роде сенатским разъяснением. То, что тов. Троцкий поставил в своем письме к районным собраниям очень остро, настолько остро, что сразу уже возбудил против своей «линии» громадное недовольство старых партийцев, теперь буквально топится в теоретизирующих рассуждениях общего характера. А так как многие из этих рассуждений, взятые сами по себе, верны, то, естественно, в ватных одеялах этих рассуждений гораздо легче спрятать «иголку», которая была направлена по адресу старых большевистских кадров и ЦК партии в первую голову.

Поэтому приходится раньше всего напомнить ту постановку вопроса, которая была у тов. Троцкого в первом варианте его анализа проблемы («стариков» и «молодых»).

«Намекая» на возможность перерождения «ближайших учеников Ленина», тов. Троцкий писал:

> «*Перерождение «старой гвардии» наблюдалось в истории не раз.* Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы, ведь, знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гэд и другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди, — одни отчасти, другие целиком, — переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодо-

влеющего роста партийного и профессионального аппарата. Мы видим особенно ярко накануне империалистской войны, как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормозом революционного развития. И мы должны сказать, —именно мы, «старики», — что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе, однако, никакой *самодовлеющей* гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, *если допустить, что партия потерпела* бы *дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики*, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми».

И одновременно с этим тов. Троцкий, выдвигая на авансцену «молодежь», предлагал ей «брать революционные формулы с боем», вырабатывать себе «*собственное лицо*» (наш курсив. *Ред.*), очевидно, отличное от *общепартийного* «лица». При этом т. Троцкий совершенно не оговаривал тех опасностей, которые стоят на пути молодежи, не сказал ни слова о возможности ее, молодежи, перерождения, не написал ни строчки о том, что «собственное лицо» может оказаться «лицом», *чужим* для коммунизма. Словом, старым кадрам и ЦК партии (именно ему в первую голову) был сделан «намек» путем исторической аналогии на возможное превращение в социал-предательскую шайку; по отношению к возможному перерождению молодежи имелась фигура умолчания. «Смысл философии сей» был ясен всякому, даже не особенно искушенному в политике: тов. Троцкий начал атаку на ЦК и на старые партийные кадры, стремясь в этой атаке опереться на молодежь, с использованием всех — и сильных, и *слабых* — сторон этой молодежи (недостаточный большевистский закал и т. д.).

Теперь тов. Троцкий делает удивленные глаза по поводу «мнительности» (!) и «аппаратного высокомерия» (!!) тех многочисленных товарищей, которые, очевидно, имеют плохой вкус и не особенно любят, когда их — да еще без приведения каких бы то ни было серьезных доказательств — зачисляют по социал-

предательскому ведомству. И тов. Троцкий изображает дело таким образом, что речь шла об обсуждении теоретической возможности, о процессах, которые «развиваются... почти незаметно», о теоретическом «марксистском предвидении», и т. д., и т. п.

Здесь мы должны решительно протестовать. Можно обсуждать какие угодно теоретические вопросы, в том числе и вопрос о перерождении партии, Совласти, ЦК — кого и чего угодно. Некоторые товарищи ставили эти вопросы давным-давно, задолго до теперешних дискуссий. Но, ведь, тов. Троцкий выступал не с докладом в Соцакадемии, а обратился во время ожесточенной партийной дискуссии через голову ЦК непосредственно к партийным собраниям, дискутирующим актуальнейшие вопросы! В этом *весь гвоздь*.

Тов. Ленин на X съезде говорил по поводу некоторых оппозиционных выступлений:

> «Разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках?..
>
> «Кто интересуется изучением цитат из Энгельса до тонкостей, — пожалуйста! Есть теоретики, которые всегда дадут партии полезный совет. Это необходимо. Но разве это похоже на борьбу платформ, разве это можно смешивать? Этого никто из желающих вникнуть в наше политическое положение не смешает». (Протоколы, стр. 284).

А тов. Троцкий, — может-быть, потому, что не желает «вникнуть в наше политическое положение», — все время тщетно тщится *смешать* эти вещи. Никто ни слова упрека не сказал бы тов. Троцкому за обсуждение «теоретических возможностей». Но суть дела как-раз в том и заключается, что мы имеем резко выраженное, платформенное, *политическое* выступление. Это выступление есть не что иное, как *атака на ЦК при помощи тяжелейших (самых тяжелых для ЦК революционной партии) обвинений при желании опереться на неискушенный молодняк*. Так, и только так, можно расценивать «стратегический план» тов. Троцкого.

6. ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО «НОВОГО КУРСА».

Тов. Троцкий и представители теперешней оппозиции вообще любят изображать дело таким образом, что перед нами целая новая эпоха, новый период, которому и соответствует «новый курс». Новый курс—это курс новой эпохи,—так можно сжато сформулировать основной тезис тов. Троцкого и всей «нефракционной» фракции. Такой постановкой хотят достигнуть вящшей убедительности нового курса и одновременно обнаружить близорукость или слепоту сторонников ЦК.

По сути дела, однако, эта постановка вопроса в корне неверна. Она имела бы смысл лишь в том случае, если бы мы признали верной такую оценку международного положения, которая *хоронила* бы дело международной пролетарской революции, другими словами, если бы мы выступили *оппортунистическими ликвидаторами* этой революции. Что-либо одно из двух: либо у тов. Троцкого и его сторонников словечки об «эпохе», «периоде» и т. д. суть обычные преувеличения, в роде осмеянной тов. Лениным «производственной атмосферы»,—тогда перед нами просто несерьезный подход к делу. Либо эти слова берутся всерьез,—тогда они неизбежно должны опираться на оппортунистическую «переоценку всех ценностей», на ревизию наших представлений о ходе международной революции.

В интересах объективности и действительного выяснения спора мы должны отметить, что незадолго до дискуссии сам тов. Троцкий говорил не раз, что перед нами,—если речь идет об «эпохе», — только передышка, во время которой нужно почистить винтовку и смазать сапоги. Но если тов. Троцкий, по существу дела, остается при старом мнении,—а он, мы уверены, именно так и смотрит на вещи,—то совершенно необоснованным и прямо неверным является взгляд на теперешний отрезок времени, как на какой-то «эпохальный» период. Тов. Троцкому это преувеличение понадобилось лишь для того, чтобы фракционно подчеркнуть всю, якобы, узколобость партийных староверов. Но так можно лишь запутать партию, а не помочь ей разобраться в действительном положении вещей. Ради фракционных целей тов. Троцкий пренебрегает объективным анализом, который в первую очередь необходим для марксиста.

Никогда не следует, с точки зрения реальных политиков революции, обещать то, чего заранее нельзя выполнить. Никогда не нужно вводить в заблуждение партию по основным вопросам ради выигрыша пары шансов во временной фракционной борьбе. Никогда не нужно умалчивать о трудностях, которые стоят на нашем пути.

Если пред нами *только* передышка (хотя, быть-может, сравнительно и длительная), то нет речи о целом «периоде» и тем паче об «эпохе» (Преображенский). А во время *боевых* действий «новый курс» неизбежно должен свернуться. Никто не станет утверждать, за исключением тех «вульгарных демократов» (кстати, почему бы не раскрыть этого псевдонима? Неужел и это «сам» Сапронов?), о которых пишет тов. Троцкий, что в боевое время придется отказаться и от дискуссий, и от многого другого.

Из вышеприведенных соображений отнюдь нельзя делать аргумента *против* «нового курса». Наоборот. *Именно потому, что у нас только передышка, именно поэтому и нужно крайне интенсивно использовать это время* (не «эпоху», не «период», а просто передышку). Перед нами не десятилетия мирного строительства и только культурных задач,—перед нами «период» и «эпоха» ожесточенных «гражданских войн и битв народов» (Маркс). У нас *теперь* именно передышка; так будем же использовать эту передышку со всей энергией, свойственной коммунистам, будем ее использовать изо всех сил, чтобы выйти более вооруженными к бою, ибо, быть-может, часы этой передышки не так уж долги. *Так* должен ставить вопрос революционный марксист-большевик.

Если мы так поставим вопрос, то у нас будет отведено правильное историческое место новому курсу. У нас не будет ни крика об «эпохе», у нас не будет ни организационного фетишизма, у нас не будет «демократических иллюзий», у нас не будет, наконец, неправильных представлений о характере нашего будущего. *Только* «вульгарный демократ» станет оспаривать эти положения. Но мы, к сожалению, видим, что этой,—единственно правильной,—постановки вопроса у тов. Троцкого нет и следа. И здесь «медвежью услугу» ему оказывает его «фракционная горячность».

Необходимость нового курса признается всеми. Доказывать еще и еще раз эту необходимость,—это значило бы ломиться

в открытую дверь. Партия должна использовать передышку для того, чтобы подтянуть партийные резервы, повысить их политическую активность, самодеятельность, инициативу, политическую культурность; чтобы на этой основе поднять на высшую ступень *большевистское* самосознание партии; поднять на высшую ступень ее дисциплину, ее сплоченность, ее единство и т. д. Если мы эту скромную «передышечную» задачу выполним,— а мы ее выполним наверняка,—то в новый *бой* партия вступит не просто со «старым» курсом, а со «старым» курсом, обогащенным всей той работой, которая будет проделана нами теперь, за время «нового» курса. Основной же задачей здесь является не *разбольшевичение* большевистской партии, как того хочет тов. Троцкий, а (через дискуссии, разъяснения, проверку на политическом опыте и т. д.) *«обольшевичивание»* тех молодых партийных резервов, которые пробуждаются к активной партийно-политической жизни.

Нет худа без добра: на разъяснении ошибки тов. Троцкого новые члены партии будут учиться тому, что такое большевизм.

7. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ В РАЗВИТИИ НАШЕЙ ПАРТИИ.

Обосновывая по-своему историческое место нового курса, тов. Троцкий обращается к истории нашей партии.

> «Схематически, — пишет тов. Троцкий, — эту историю можно разбить на 4 периода: а) четвертьвековая дооктябрьская подготовка, единственная в истории; б) Октябрь; в) послеоктябрьский период и г) «новый курс», т. е. открывающийся период».

Уже из этого «схематического изображения» тов. Троцкого видно то самое преувеличение, которое тов. Троцкий делает при оценке «нового курса». Если правильны позабытые теперь тов. Троцким его же собственные рассуждения о «передышке», во время которой нужно «почистить винтовку и смазать сапоги», то совершенно недопустимой является такая схема, *где весь «четвертьвековой» период дооктябрьской подготовки ставится на одну доску с «периодом» нынешнего нового курса.* И здесь, в этой схеме, виден все тот же «стратегический план» тов. Троцкого. В самом деле, что у него получается?

Дооктябрьский период — только подготовка; Октябрь — «проверка великого прошлого партии»; послеоктябрьский период — фактическая диктатура старых кадров при молчаливом послушании остальных. И только «новый период», крестным отцом которого (без всякого на это права) считает себя оппозиция, во главе с тов. Троцким, начинает собой настоящую историю «полумиллионной партии», которая «*впервые* (!) осознала себя как полумиллионный коллектив». Таким образом, все прошлое партии, до манифестов оппозиции, по существу дела зачисляется в «пред'историю» («Vorgeschichte») партии, действительная история которой начинается с начала нового курса. Нечего и говорить: приятно считать себя зачинателем действительной партийной истории, одновременно выступая суровым обвинителем по адресу старых партийных кадров. Беда, однако, в том, что сия партийная «историософия» ни капли не похожа на объективный ход событий. Она есть лишь кривое отображение этого хода событий во фракционном зеркале «нефракционной» фракции. *Если так недооценивать старую историю, то само собой отсюда получается и недооценка старых кадров, старого руководства, старой ленинской традиции. Таков смысл той исторической диспозиции, которую сочинил тов. Троцкий.*

Правда, тов. Троцкий мимоходом говорит о «великом прошлом» партии, о подготовке, «единственной в истории». Но по существу он проходит *мимо* этой «подготовки», ибо здесь партия «готовилась» в борьбе со *всеми* видами оппортунизма и оппортунистических шатаний и половинчатости.

Сравните с этим, как ставил вопрос *тов. Ленин*. В своей поистине гениальной стратегической и тактической работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин пишет:

> «...Опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно... что безусловная централизация и дисциплина (слушайте! *Ред.*) пролетариата является одним из основных условий для победы над буржуазией.
>
> «На этом часто останавливаются. Но далеко не достаточно размышляют о том, что это значит. При каких условиях это возможно? Не следует ли возгласы привет-

ствия по адресу Советской власти и большевиков *почаще* (курсив автора. *Ред.*) сопровождать *серьезнейшим анализом* (курсив автора) причин того, *почему* (авт.) большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?» (Сочинения т. XVII, стр. 118).

И далее:

«Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 г. Только история большевизма за *весь* (курсив тов. Ленина) период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.» (Там же).

Вот именно! *Почаще* нужно обращаться как-раз к подготовке. *Серьезнейшим* образом анализировать прошлое. Рассматривать большевизм за *весь* период его существования. Это совсем, совсем не то, что мы видим у тов. Троцкого.

У Ленина есть и своя «периодизация». В той же работе о «левом ребячестве» мы находим целую главу под названием: «Главные этапы в истории большевизма». Тов. Ленин отмечает следующие семь этапов: годы подготовки революции (1902—1905); годы революции (1905—1907); годы реакции (1907—1910); годы подъема (1910 — 1914); первая всемирная империалистская война (1914—1917); вторая революция (с февраля по октябрь); Октябрьская революция и период господства. В задачу тов. Ленина не входило подробно анализировать этапы после Октября. Но посмотрите, что пишет тов. Ленин уже о *первом* периоде (1902—1905):

«*Все* вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить в зародышевой форме по тогдашней печати» (120).

В целом, тов. Ленин приходит к выводу, что и вопросы внутрипартийного характера (о «вождях», организационных формах и т. д.) не могут быть поняты *без* анализа этих прошлых периодов. На вопрос, «в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм» (гл. IV), тов. Ленин отвечает:

«Во-первых и главным образом, в борьбе с оппортунизмом», во-вторых, с «мелко-буржуазной революционностью». Один пример из области этой борьбы *большевизма* тоже приводится тов. Лениным, пример весьма поучительный и непосредственно для нашего времени:

«Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии *были всегда*: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 г. ...На IX съезде нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция, тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» и т. п.» (136). Тов. Ленин, не считая в то время этого явления «страшным», выступал, однако, против этой мелкобуржуазной тенденции с точки зрения *большевизма*, который «окреп» в борьбе и с такими мелкобуржуазными шатаниями.

Пусть же не сердится тов. Троцкий, когда мы, следуя примеру Ленина, вскрываем в его теперешней позиции отрыжки его давно-прошедшей позиции, тех оттенков «политической мысли», в борьбе с которыми «вырос и окреп большевизм».

Но возвратимся к схеме тов. Троцкого. Оставим в стороне дооктябрьский и октябрьский периоды и посмотрим на характеристику «пооктябрьского» периода, непосредственно предшествующего «новому курсу». Вот как характеризует этот этап тов. Троцкий:

> «После завоевания власти начинается быстрый рост партии и даже нездоровое ее разбухание. К ней, как к могущественному магниту, тяготеют не только малосознательные элементы трудящихся, но и явно чуждые элементы: службисты, карьеристы и политические приживалы. В этот весьма хаотический период партия сохраняется, как большевистская партия, только силой фактической внутренней диктатуры старой гвардии, проверившей себя через Октябрь. В вопросах сколько-нибудь принципиального значения новые члены партии—не только из среды трудящихся, но и чужеродные элементы—почти безапелляционно приемлют руководство старшего поколения».

Правильна ли эта характеристика? Мы думаем, что далеко не совсем. Из этой характеристики вытекает, что в послеоктябрьский период только «старые кадры» командовали, и почти никто

из новых не выдвигался на командные партийно-советские посты. Это явное и весьма крупное преувеличение, преувеличение вредное и объективно совершенно неверное.

В самом деле, из вышеприведенных положений тов. Троцкого вытекает, что партия и ее руководящие круги не сумели ни в малейшей степени не только решать задачу вовлечения в активную политическую и строительную работу новых партийных слоев, но даже и не приступали вовсе к решению этой задачи. Так разве это правда? Разве можно, походя, *так* изображать дело и *так* описывать историю нашей партии? Если бы это было так, если бы «старые кадры» были отгорожены такой китайской стеной от новых членов нашей организации, если бы не происходило никакой внутренней переработки этого молодняка, если бы между ним и «стариками» не было никакой связи, то,—извините, тов. Троцкий,—мы давным-давно были бы разбиты нашим противником в пух и прах. Мы вовлекали и вовлекли в активную жизнь очень многих новых людей и поставили их на командные посты.

Еще на X съезде тов. Ленин заявлял:

> «Когда говорят, что у нас есть недоверие к рабочему классу, что мы не пускаем рабочих в руководящие органы (слушайте, тов. Троцкий! *Ред.*), это сплошная неправда. Всякого сколько-нибудь сносного администратора из рабочих мы ищем и рады взять, мы его испытываем. Я указывал, что противоположное утверждение—неправда, что мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека,—а из рабочих втройне,—мы берем обеими руками». (Протоколы, 65).

Так характеризовал положение вещей тов. Ленин.

Что же, попросту «врал старик»?

Или заявления тов. Троцкого являются неправдой?

По нашему мнению, тов. Троцкий и здесь сильно преувеличил. Можно было бы подсчитать, сколько из новых, послеоктябрьских членов партии занимают у нас руководящие посты в армии, на хозработе, в административно-государственном аппарате, в аппарате партийном. Получилась бы совсем не такая маленькая цифра. Тов. Троцкий смешивает с этим *другой* вопрос, а именно вот такой: за период гражданской войны, а затем

за период громадного поворота и внутрипартийной переброски сил на хозяйственный фронт у нас вообще (и для стариков, и для молодых) сузилось поле специфической *партийно-политической* жизни, ибо силы были отвлечены на «деловую работу». Но, повторяем, это касалось *всех* членов партии. Это—*другой*, очень серьезный вопрос, но *другой*.

Итак, тов. Троцкий явно преувеличил, явно хватил через край. Но это преувеличение точно так же имеет фракционно-стратегическое значение: оно должно служить подчеркиванием большей «принципиальности» нового курса, оно должно сделать из последнего «эпоху», оно должно вогнать больший клин между старыми кадрами и молодняком, оно должно еще больше подчеркнуть *устарелость* этих «старых кадров». И здесь мы видим последовательное проведение того же самого фракционного «плана».

8. «СТАРИКИ» И «НОВЫЙ КУРС».

Наша теперешняя «передышка», которая служит объективным условием и гарантией того, что «новый курс» может быть проведен сполна нашей партией, является передышкой двоякого рода. Во-первых, мы сейчас переживаем такую полосу, когда мы можем пользоваться «благами мира». Мы можем, с другой стороны, гораздо больше внимания уделять «оживлению» внутрипартийной жизни, так как вчерне партия уже подобрала достаточный кадр хозяйственников и администраторов. У нее есть теперь *время*, которого не было раньше. И это время необходимо использовать для самого большого оживления внутренней работы партии, всех ее слоев и прослоек, и стариков, и, в особенности, «молодых». Несомненно,—и в этом вопросе нет разногласий,—что за это время теперешнего нового курса нужно возможно выше поднять политическую активность и работу мысли всех членов партии, что возможно сделать только методами внутрипартийной демократии. Но мы утверждаем, что *не об этом спор*.

Спор идет о том, должно ли это совершаться *таким путем*, что партийный молодняк будет идейно подтягиваться и ассимилироваться старыми партийными кадрами, или же *так*, что у нас создастся *новая* партия, где недостаточно выдержанный в большевистском смысле молодняк, под руководством товарищей,

уклоняющихся от ленинизма, будет пытаться переделать основные большевистские кадры по-своему, то-есть *не* по-ленински.

Вот как стоит вопрос.

Тов. Троцкий, изображая всю историю партии, как приготовительный класс для нового курса, ставит все соотношения по сути дела *на голову. Не старая гвардия должна вести за собой новичков, а новички должны вести за собой старую гвардию.* А так как тов. Троцкий думает именно о том, что из всех «стариков» он один понимает, где раки зимуют, то выходит, что старая гвардия и должна быть «поправлена» им, тов. Троцким, свободным от «фракционности» и «кружковщины», при помощи чуткого партийного молодняка.

Это—точка зрения явно *демагогическая*, которая с ленинизмом имеет весьма мало общего.

Начиная партийное летосчисление с начала «нового курса», тов. Троцкий повторяет одну из своих старых ошибок.

Еще в 1914 г. в своем венском журнале «Борьба» тов. Троцкий писал:

> «Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям *рабочей* партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс.

Тов. Ленин (см. «Просвещение», 1914, № 5, ст. В. Ильина против Троцкого: «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве») обрушился тогда на тов. Троцкого со всей силой своей логики.

Теперь тов. Троцкий точно так же полагает, что полумиллионная партия только сейчас и рождается, а раньше был «один аппарат», который командовал, и за которым молчаливо шли.

Большевизм всегда отличался от формального демократизма меньшевиков тем, что он видел и видит действительные жизненные соотношения внутри партии. Он не скрывает от партии и от рабочего класса, что партию ведут вожди, что эти вожди ведут, в первую голову, наиболее передовых членов партии, эти последние—следующие по сознательности и опытности слои партии и т. д. Это—реальная цепочка, где все звенья связаны воедино;

здесь ставят своей целью поставить дело так, чтобы более сознательные вели менее сознательных, чтобы менее сознательные и *менее активные становились все более сознательными и все более активными*. Эта внутренняя механика и есть *реальный демократизм*. Не-большевистский демократизм об этом не любит говорить, считая это «недемократичным» и вводя в *заблуждение* рабочих, *скрывая* от них правду, *замазывая* все *фразами* о «самоопределении» партии и крича против вождей, в действительности же не обучая *лучшему*, а подыгрываясь под *худшее*.

Вот почему, когда у нас речь идет о том, чтобы при теперешних открывшихся возможностях усилить в несколько раз дело роста всей массы партийных товарищей, мы вовсе не боимся сказать: старая гвардия большевизма есть самый ценный капитал нашей партии, и потому *она*, эта старая гвардия, должна вести за собой молодежь. *Конечно, ей будет грош цена, если она замкнется в себе, если она не поймет задачи привлечения к активной деятельности молодняка, если она будет «фыркать» на молодежь. Но точно так же грош цена и тем «старикам», которые стали бы льстить молодежи, не указывая на ее недостатки.*

Такова *правильная* постановка вопроса о «стариках» и новом курсе.

А у тов. Троцкого?

У тов. Троцкого—«совсем наоборот».

Для того, чтобы проделать это сальто-мортале, тов. Троцкий и предпринимает свой поход на «стариков».

Как это делается?

Разными приемами.

Прием № 1. ЦК и старые кадры привели к гибели страну. Опровергать это теперь уж, повидимому, не приходится. Что это «утка»,—видно и младенцу.

Прием № 2. Старым кадрам грозит участь социал-предателей. На этом приеме мы уже отчасти останавливались. Но здесь нужно сказать все же несколько слов. «Ученики Маркса» выродились вовсе не просто потому, что рос аппарат социал-демократических партий, и только, как это изображает тов. Троцкий. Они выродились потому, что соответствующие государства стали вести империалистскую политику, стали подкупать рабочих «своей» страны подачками за счет колониального грабежа, стали *заинтересовывать* рабочий класс, в особенности его аристокра-

тию, в грабительской политике *буржуазного государства.* Без этих основных экономических фактов не было бы и роста социал-предательства. Не «рост аппарата» послужил причиной его вырождения, а его вырождение было следствем вышеуказанных экономических первопричин. Оно было их выражением и, в свою очередь, лишь *усиливало* общую тенденцию.

Тов. Троцкий пишет:

> «Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением реолюционного чутья, т.-е. большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере, значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то «оскорбление», «покушение» и пр., можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии».

И здесь не все верно. Что процессы оппортунистического вырождения развиваются медленно,—это так. Но что они развиваются почти незаметно,—это сказано слишком поспешно. Разве нельзя было проследить, как марксизм извращался Бернштейнами и «молодыми» (!) ревизионистами? Разве рост ревизионизма шел незаметно и никем не был отмечен? Разве вырождение Каутского не вызвало к жизни «левых радикалов», будущих коммунистов? Параллельно с вырождением аппарата вырождалась и идеология, и *политика* социал-демократических партий в сторону оппортунизма.

Так вот, если бы тов. Троцкий брал всерьез свои обвинения, он должен был бы показать, *где есть в политике* нашей партии уклон к оппортунизму. Где? Ведь, чудовищно предполагать, что *сперва* вырождается весь «аппарат», при чем процесс этого вырождения оставляет в девственной революционной чистоте партийную *политику*, а потом, после вырождения аппарата до конца, начинается *политическая* измена. Оба процесса не могут не итти *параллельно.* Так где же у нас оппортунистические

уклоны? Не в решениях ли в связи с германской революцией? Или где? *Где партия и ее руководящие центры уклонялись в сторону от марксистской революционной линии?*

На этот вопрос у тов. Троцкого нет и не может быть ответа. Ибо таких фактов *нет*. А если их нет, то ясно, как притягивает тов. Троцкий за волосы всю свою аргументацию.

Теоретически опасность будущего вырождения у нас есть. Она дана возможностью постоянной и медленной победы *капиталистической* экономики над *социалистическими* хозяйственными островками и возможным постепенным «сращиванием» наших хозяйственных и административных кадров с новой буржуазией. Но у нас нет ни одного человека, который не видел бы этой опасности. Партия в целом и наша старая гвардия, выросшая на борьбе с оппортунизмом, ведут упорную борьбу с этой опасностью. Мы не знаем ни одного руководящего товарища, который имел бы «уклон» в *сторону* от этой необходимейшей борьбы. И как-раз решения в «германские дни» показали, что руководство партии таково, что оно готово поставить судьбу всех *российских* революционных завоеваний ради *международной* пролетарской революции, разумеется, в тех формах, которые диктовались целесообразностью. Это лучше всего показывает, насколько тов. Троцкий «горячился» и здесь в своем упорном стремлении итти походом на старую большевистскую гвардию.

Наконец, отметим *прием № 3*.

Тов. Троцкий изображает дело так, что *никто*, решительно *никто*, из «стариков» не понимает необходимости «нового курса». Вот что пишет тов. Троцкий:

> «Как это нередко бывало в истории, «старый курс» именно за последние месяцы обнаружил наиболее отрицательные и прямо-таки нестерпимые черты аппаратной замкнутости, бюрократического самодовольства и игнорирования настроений, мыслей и запросов партии. По бюрократической инерции аппарат в целом враждебно столкнулся с первыми попытками поставить в порядок дня вопрос о критическом пересмотре внутрипартийного режима. Это не значит, конечно, что аппарат состоит сплошь из бюрократизированных элементов, а тем более из каких-либо закоренелых и неисправимых бюрократов. Нисколько!

> Подавляющее большинство аппаратных работников, пройдя через нынешний критический период и уяснив себе его смысл, многому научится и от многого откажется».

Итак, лишь пройдя искус критического периода, люди коечему научатся (в будущем времени, заметьте!). А сейчас? Теперь, в *самом начале?* Выходит, что все «старики» *сейчас* ничего не понимают. Позвольте, но кто же их учит? Явное дело: их учит «молодежь», во главе с одним единственным «стариком», но зато не чисто-ленинской пробы, т.-е. тов. Троцким.

Это очень хорошо. Но только и это «немножко» не соответствует действительности. Ибо все-таки тов. Троцкий не может отрицать *фактов*, о которых мы говорили раньше. ЦК партии наметил линию на новый курс. ЦК партии этот курс проводит и проведет его до конца. Старые партийные кадры помогут ему в этом, а кто из них будет этому мешать, тот будет нарушать нашу партийную дисциплину и будет отвечать перед всей партией.

9. МОЛОДЕЖЬ И «НОВЫЙ КУРС».

В своем первом письме о «новом курсе» тов. Троцкий указывал лишь на возможность перерождения «старой гвардии». В «разъяснительном» толковании тов. Троцкий вносит уже некоторые поправки к своей первоначальной, откровенно-стратегической «схеме».

Тов. Троцкий пишет здесь:

> «Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе, как объекту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы, в конце-концов, вызвать перерождение партии, притом одновременно на обоих ее полюсах, т.-е. и в партийном молодняке, и в руководящих кадрах. Относительно пролетарской основы партии, заводских ячеек, учащихся и пр. характер опасности совершенно ясен. Не чувствуя себя активными участниками общепартийной

работы и не получая надлежащего и своевременного ответа на свои партийные запрсссы, значительные круги партии стали бы искать для себя суррогата (фальшивой замены) партийной самодеятельности, в виде всяких группировок и фракционных образований. В этом именно смысле мы и говорим о симптоматическом значении таких группировок, как «рабочая группа».

И в другом месте:

«Особенно остро, как мы видели, реагирует на бюрократизм учащаяся молодежь. Недаром тов. Ленин предлагал для борьбы с бюрократизмом широко привлекать учащихся. По своему составу и связям учащаяся молодежь отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию, и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим настроениям немедленно же придавать активную форму. Как учащаяся молодежь, она стремится объяснять и обобщать. Этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции. Если бы это было так, это означало бы одно из двух: либо в партии все обстоит благополучно, либо молодежь перестала отражать свою партию».

Вот и все. Следовательно, весь вопрос у тов. Троцкого сводится, во-первых, к «ущемлению» молодежи партийным аппаратом; во-вторых, к отраженным нездоровым явлениям внутри партии, каковые, по тов. Троцкому, тоже являются продуктом аппаратного ущемления. «Дышло» обвинения снова направлено по старому адресу — и только. «От него» (от аппарата) «все качества».

Заранее оговоримся. Поскольку аппаратное ущемление *было*, постольку тов. Троцкий прав. Но это вовсе не ново и не оригинально. Об этом говорит и резолюция ЦК.

Ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он не утруждает себя *анализом* внутренних тенденций в развитии молодежи, не видит — или не хочет видеть — ее специфических черт и тех особых *опасностей*, которые стоят на ее пути.

«Фыркать» на молодежь могут только глупцы. Но указывать ей на опасности, заложенные в ее теперешнем бытии, есть *обязанность* партийных руководителей.

Всего удивительнее то, что тов. Троцкий на время партийной дискуссии позабыл свои собственные прежние речи.

Вот как, напр., говорил тов. Троцкий на XI партсъезде (Протоколы, стр. 119—120):

> «Передача опыта, подготовка политического уровня партийной молодежи есть сложнейшая задача, которую можно было бы в значительной мере (господи, страхи-то такие! *Ред.*) разрешить (слушайте! *Ред.*) педагогическим путем: не забудем, что того опыта классовой борьбы, который создал и закалил партию в предшествующий период, т.-е. при буржуазном режиме, сейчас у молодежи нет. Молодежь пробуждается, живет в обстановке сутолоки, неуклюжей постройки будущего социалистического хозяйства, да еще с осложнениями нэп'а и всего прочего... Рабочий не знает, как выразить ему, куда направить свое недовольство. В нашем случае у молодого рабочего не закладывается фундамент классового опыта, борьбы. Как же эту нехватку возместить? Сделать это все искусственными рецептам нельзя; можно возместить только повышением его теоретического уровня в духе марксизма, в духе материализма. Это—важнейшая задача партии».

Тогда тов. Троцкий *видел* основной недостаток молодняка. *Теперь* тов. Троцкий о нем ни слова.

Тогда тов. Троцкий переоценивал значение педагогических методов. *Теперь* тов. Троцкий «фыркает» на эти методы: «школьничество», «наставничество» и т. д. «Старшее поколение», видите ли, выдвигает

> «по отношению к партийной массе на первый план чисто-школьные, педагогические методы приобщения к политической жизни: курсы политграмоты, проверку партийных знаний, партшколы и пр. Отсюда-то и вырастает бюрократизация партаппарата, его замкнутость, его самодовлеющая внутренняя жизнь, словом, все те черты, которые составляют глубоко-отрицательную сторону старого курса».

Так тов. Троцкий из одной крайности бросается в другую.

Но это мимоходом. Вернемся к основной теме.

Итак, первая отрицательная черта современной молодежи, вернее, условий ее бытия, заключается в том, что у *нее нет опыта классовой борьбы, который, выражаясь словами тов. Троцкого «эпохи» XI съезда, «создал и закалил партию»*.

Верно это или нет? Безусловно верно.

Важно это или нет? Безусловно важно.

Теперь спросим себя: а нет ли особых условий в жизни нашего *учащегося* молодняка, — условий, которые еще более усугубляют опасности на этом «полюсе» партии?

Наша учащаяся молодежь — это молодые кадры *новой партийной интеллигенции*, будущие «красные спецы». Это — аксиома, т.-е. истина, «не нуждающаяся в доказательствах». Хорошо. Но вспомним, что *даже для «стариков»* спецовская роль, неизбежная, необходимая, исторически вполне оправдываемая, таит опасности. В этом мы согласны все. Спрашивается, не *больше ли* эти опасности для товарищей, которые отличаются тем, что не имеют опыта классовой борьбы, выдержки, закалки, старого революционного опыта, который накопился и стал, можно сказать, «второй натурой»? Не являются ли для таких товарищей «сутолока», соблазны нэп'а, идеологическое «обволакивание» и т. д. *особенно* опасными? Не меньше ли у них «силы *сопротивления*» тем отрицательным влияниям, которые окружают—и долго еще будут окружать—нас со всех сторон?

Стоит только *так* поставить вопрос, как мы получим совершенно ясные ответы. Ведь, *двух* ответов для марксиста не может быть в данном вопросе. Это ясно, как божий день.

Если ставить вопрос теоретически и попробовать заняться «марксистским предвидением», то можно сказать, что как-раз наша учащаяся молодежь стоит на перепутье, и что, следовательно, именно она в наибольшей степени «угрожаема» со стороны перерождения.

Мы позволим себе процитировать одну брошюру, написанную по поручению Политбюро ЦК (включая и голос тов. Троцкого) в связи с некоторыми идейными извращениями в среде учащейся молодежи.

«Наша молодежь,—читаем мы там,—стоит *на рубеже*. Она—новые люди, с новыми психологическими и физиологическими чертами, *нужными для эпохи*. Но функциональная роль этой молодежи, или, вернее, ее известной части, будет зависеть *от всей судьбы нашей революции*.

Из нее могут выйти *американско-капиталистические дельцы*, полководцы, предприниматели, деляги буржуазной интеллигенции, *если наше развитие пойдет по линии нашего вырождения и нашего превращения в буржуазно-капиталистическую страну*.

Из нее могут выйти (и, надеемся, так именно и будет) крепко сколоченные, смелые, знающие, преданные *рабочему* классу *строители нового общества, если мы будем развиваться на все более и более социалистических рельсах*.

Как может переходить одна перспектива в другую, если рассматривать этот процесс с точки зрения общественно-психологической?

Очень просто.

Жажда *творческой самодеятельности* может превратиться в *индивидуализм*.

Желание *развивать дальше* (вполне законное) марксистскую теорию—в *отказ* от марксизма.

Жажда нового, *энтузиазм* может надеть на себя *религиозную* оболочку (здесь есть *тысячи* ступенек).

Желание «*все понять и все постигнуть*»—в вульгарное упростительство и т. д.». (Н. Бухарин. Енчмениада).

По поводу этой, выполненной по поручению ЦК работы именно в связи с *болезнями* молодежи никто не возражал.

Теперь, однако, времена изменились, и для «эпохи» дискуссий потребовалась некоторая переоценка ценностей.

Между тем, характеристика нашей учащейся молодежи дана была совершенно правильная, т.-е. такая, которая соответствует *объективной действительности*.

Ну, хорошо. Это — область теоретических предвидений в значительной мере. А в ближайшем будущем и в настоящем? Здесь нам важно отметить только одно, *бесспорное:* молодежь *менее устойчива, хотя и более «чутка»*. Одно другому нисколько не противоречит, потому что она «чутка» на *обе* стороны. Это и

нужно иметь прежде всего в виду. Ее, молодежи, «собственное лицо», о котором говорит тов. Троцкий, *может* оказаться настолько «собственным», что будет совсем непохоже на лицо партии, как она сложилась в боях с оппортунизмом. Вот почему нужно быть сугубо осторожным. Задача партийного руководителя заключается не в том, чтобы сеять *недоверие* к старой гвардии и *умалчивать* о недостатках и опасностях, грозящих молодняку, а в том, чтобы приучать молодежь к товарищескому *доверию* по отношению к старым партийным кадрам и безбоязненно, честно, открыто говорить молодежи о том, какие опасности подстерегают ее на грядущем славном пути.

Молодежь чутка. Ее нельзя взять *опекой*; ее нельзя завоевать *нажимом*. Это верно. Молодежь нельзя воспитывать в духе зубрежки и казенщины. Молодежь нельзя учить *одной* школой. Никто больше Ленина не говорил о том, что нужно соединение теории с практикой, в том числе и с практикой хозяйственной, и с практикой партийно-политической.

Трижды верно. Если бюрократизм может душить взрослых, он особенно губительно отражается именно на молодняке.

Но из этих абсолютно верных положений вовсе не вытекает, что излишне руководство старших или более опытных,—руководство, которое *немыслимо* без товарищеского доверия. А этого товарищеского доверия не укрепляют ядовитыми сентенциями, в роде той, которою тов. Троцкий заканчивает свою статью о стариках и молодых:

> «Нужно, чтобы старшее поколение рассматривало новый курс не как маневр, не как дипломатический прием, не как временную уступку, а как новый этап в политическом развитии партии».

Тов. Троцкий! «Дипломатический маневр» существует, к счастью, только в вашем воображении!

10. СТАРЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВЫЙ КУРС.

Мы все время стремились показать, что у тов. Троцкого в ряде вопросов — и хозяйственных, и общеполитических, и внутрипартийных — есть уклон в сторону от большевистской системы взглядов. Следует ли из этого, что мы, как хотят изобразить дело

некоторые товарищи, слепы и глухи по отношению ко всему новому, по отношению к новым запросам жизни?

Делать такой вывод могут только люди, не знающие азбуки большевизма.

Забывать о *новом, о своеобразном* значило бы,—как писал тов. Ленин, —«уподобляться тем «старым большевикам», которые не раз уже играли печальную роль в нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности» (Ленин, т. XIV, 1 часть, стр. 28). Таких людей «надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей» (можно назвать: архив «старых большевиков») (там же, 29).

Так издевался тов. Ленин над теми, кто изучение *нового* складывающегося положения заменял бестолковым повторением старых формул и положений. Эта, якобы, большевистская археология означала бы на самом деле смерть большевизма.

Но мудрость Ленина заключается не только в том, что он верно учитывал глубокие перевороты в отношениях между классами и выражение этих переворотов на поверхности общественной жизни, но и в громадном чувстве надлежащих пропорций, в великом чутье реальной действительности, когда она стоит перед нами в форме скромных и маленьких задач. Ленин умеет и «подгонять», и «осаживать». Только при таком всестороннем охвате событий, задач, проблем, вопросов и может быть осуществлено правильное руководство партией, через нее — рабочим классом, через рабочий класс—крестьянством, т.-е. всей страной.

Есть ли у нас сейчас нечто *новое?*

Есть. Это новое распадается на ряд моментов.

Мир. Хозяйственный подъем. Рост рабочего класса. Рост новой буржуазии. Повышение культурного уровня партии в целом.

При этом относительная разнородность партии, разорванность ее частей, необработанность ее резервов.

Вне рабочего класса и города—пробуждающаяся активность крестьянства.

В будущем — перспектива битв, быть-может, очень больших.

Все это *требует* учета. Все это ставит задачу повышения сплоченности партии на основе продуманной всей партией линии, на основе перехода партийных резервов на высшую ступень партийного развития и партийной активности. Это *бесспорно.*

Этому соответствует относительно новый «новый курс», расширение рамок внутрипартийной демократии, практика широкой выборности, широкого обсуждения очередных вопросов, повышения активности рядовых членов партии.

Но меняет ли новая обстановка старые *основы* большевистских взглядов?

В вышецитированных «Письмах о тактике» тов. Ленин писал: «Большевистские лозунги и идеи в *общем* вполне подтверждены историей». Правильно ли это общее положение, *несмотря* на то, что оно старо?

Мы ни на одну секунду не сомневаемся, что правильно.

А если правильно, то в тысячу раз полезнее для партии сделал бы тов. Троцкий, если бы рассказал партии, что было основой его ошибки во время Бреста, в профсоюзной дискуссии; что отличало его от т. Ленина в хозяйственных вопросах, и где корень этих отличий. Было бы лучше, если бы тов. Троцкий указал, где и когда Ленин смотрел на свободу группировок так, как смотрит на нее тов. Троцкий, и почему сейчас допустима ревизия старой большевистской традиции.

Было бы лучше, если бы тов. Троцкий сопоставил места из последних статей Ленина, где Владимир Ильич рассказывает, как и почему наш ЦК сложился в «авторитетнейшую группу», со своими удивительными обвинениями этой «авторитетнейшей группы». Было бы лучше, если бы тов. Троцкий сравнил отношение к старой партийной гвардии и «молодым» у Ленина и у себя и т. д. Тогда можно было бы двинуть вперед дело партийного воспитания.

Мы пытались проделать именно эту работу. Многие недалекие или партийно-невоспитанные товарищи видят в происходящей партийной борьбе борьбу лиц. Они не понимают, что за этой борьбой лиц стоит борьба политических тенденций, борьба направлений внутри единственной легальной партии в нашей стране.

Поскольку разногласия возникли, их, именно эти разногласия, и нужно обсудить, их и нужно подвергнуть критике. *Только* такая дискуссия может быть плодотворной. *Только* такая дискуссия может способствовать идейному росту нашей партии. И только из *такой* дискуссии партия выйдет еще более крепкой, еще более сплоченной и еще более дружной, чем она была раньше.

КАК НЕ НУЖНО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ОКТЯБРЯ.

(По поводу книги тов. Троцкого: «1917».)

Недавно вышедшая книга тов. Троцкого («1917»), посвященная «урокам Октября», быстро делается «модной» книгой. Это не мудрено, ибо она бьет на внутрипартийную сенсацию.

После того, как итоги истекшего года *доказали* всю неправоту нашей партийной оппозиции, после того как *факты* доказали еще и еще раз правильность руководства в нашей партии, тов. Троцкий вновь поднимает дискуссию, но уже «иными средствами». Предисловие к книге (а в этом предисловии, равно как и в примечаниях к ней, ее «гвоздь») написано полуэзоповским языком, так что для совсем неопытного читателя пройдут незамеченными намеки и полунамеки, которыми наполнено это предисловие. Этот своеобразный шифр (процветающий у тов. Троцкого, несмотря на требование «критической ясности») необходимо все же расшифровать. Ибо работа тов. Троцкого, претендующая на роль спутника в деле «изучения Октября», грозит превратиться в спутника «всякой настоящей и будущей дискуссии». Она, ведь, берет на себя, по сути дела, ответственность за выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном, при чем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похожа на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими съездами решений.

Книга тов. Троцкого написана не только для русского читателя,—это без труда увидит всякий. В значительной мере она написана для «информации» заграничных товарищей. Теперь, когда в целом ряде компартий на очереди дня стоит проблема их «большевизации», когда, несомненно, интерес к истории нашей партии поднимается, книга тов. Троцкого может

сослужить плохую службу. Она не только не научит большевизму, но в известной мере будет фактором «разбольшевичивания» иностранных компартий,—настолько однобоко, односторонне, а иногда и чудовищно неверно она излагает события, пытается их анализировать и сделать выводы, касающиеся современности.

Вот почему необходимо дать критический разбор этой новой работы тов. Троцкого. Ее нельзя оставить без ответа. Можно высказывать лишь сожаление, что тов. Троцкий, который делает неправильные выводы из «уроков Октября», не хочет делать никаких выводов из более близко к нам лежащей «эпохи» прошлогодних споров. Лучшей проверкой точек зрения, как это признает и сам тов. Троцкий, является опыт, сама жизнь. А жизнь показала, что руководящая и партийно-признанная линия политики не только не привела страну «на край гибели», как это предрекала прошлогодняя оппозиция, пророчившая этой «стране» все казни египетские, но сравнительно быстро двигает страну вперед, несмотря на такие не зависящие ни от какой «платформы» явления, как неурожай и проч.

С другой стороны, накопилось громадное множество новых задач в новой обстановке, трудностей, связанных с процессом *роста*. Вся партия хочет поэтому, раньше и прежде всего, деловой работы под таким руководством, которое проверено опытом, на «платформе», этим опытом проконтролированной. Вот почему менее всего желательно было бы поднимать, хотя бы и в иной форме, старые споры.

Но тов. Троцкий счел уместным это сделать. На нем, конечно, лежит за это полная ответственность. Волей-неволей приходится отвечать на эту книгу, ибо партия не может допускать, чтобы без возражений оставалась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такою дружностью и с таким единодушием принимала. Постараемся же посмотреть на тот идейный багаж, который тов. Троцкий представил теперь в распоряжение партии, на те «уроки», которые он получил от Октября и любезно преподает сейчас нашим молодым и старым товарищам.

I. ВОПРОС ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКЕ.

Осью рассуждений тов. Троцкого является представление о значении различных периодов в истории нашей партии. По существу у него дело обстоит так: весь период партийного развития до Октября—это нечто совершенно второстепенное; только момент захвата власти решает вопрос, только этот период выделяется из всех остальных, только тут мы имеем возможность проверить классы, партии, их руководящие кадры, отдельных лиц.

> «Теперь заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции,—совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду». (XVI).
>
> «Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. Здесь Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей...» (65).

В этих положениях—только *половина* правды, и поэтому из них можно сделать (а тов. Троцкий это и делает) совсем уж *неправильные* выводы.

Тов. Троцкий говорит компартиям: изучайте Октябрь, чтобы победить; нельзя *обходить* Октябрь.

Конечно, нельзя. Точно так же, как нельзя забывать ни о 1905 годе, ни об особо поучительных годах реакции. Но кто, где и когда предлагает эту несуразность? Кто, где и когда мог отважиться на то, чтобы вынести такой вздор на свет божий?

Этого никто не предлагал. Но *именно* для того, чтобы *понять условия октябрьской победы*, нужно обязательно выйти

за пределы непосредственной подготовки к восстанию. Ни в коем случае нельзя *отрывать* одно от другого. Ни в коем случае нельзя оценивать группы, лица, течения вне связи с тем периодом подготовки, который тов. Троцкий сопоставляет с упражнениями в споре «о системах плавания». Конечно, в «критический период», когда речь идет о решительном бое, все вопросы становятся ребром, и все оттенки, течения, группировки имеют тенденцию обнаруживать свои наиболее характерные, внутренне им присущие свойства. Но, с другой стороны, далеко не всегда их положительная роль во время подъема революции объясняется правильностью их «точки зрения».

> «*Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась*»,—так формулирует *эту* сторону дела тов. Ленин. (Сочинения, том XVII, стр. 183).
>
> В другом месте:
>
> «Революционер не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции... отстаивает принципы и лозунги революции» (Ленин. Соч. XII, 2, 151).

Это не совсем то, что у тов. Троцкого.

Поставим все точки над i. Чем определялась позиция *партии* большевиков в Октябре? Она определялась всей предыдущей историей партии, ее борьбой со всеми видами оппортунизма, от крайних меньшевиков до троцкистов включительно (например, «августовский блок»). А можно ли сказать, что правильная (ибо совпавшая с большевистской) в октябрьские дни позиция тов. Троцкого вытекала из его позиции в подготовительный период? Очевидно, нельзя. Наоборот. *Если бы* случилось в свое время историческое чудо и рабочие-большевики вняли бы проповедям тов. Троцкого (единство с ликвидаторами, борьба против ленинской «кружковщины» и «сектантства», меньшевистская политическая платформа, во время войны—борьба против циммервальдовской левой и т. д.), *то тогда не было бы и октябрьской победы*. Между тем, тов. Троцкий всячески избегает касаться именно *этого* периода, хотя его-то обязанностью было бы поделиться с партией как-раз *этим* «уроком».

Приведем еще пример. На октябрьских баррикадах боко-бок с нами мужественно сражались и многие левые эсеры.

В решительный момент Октября они внесли и свою лепту в дело победы.

Но значило ли это, что они-то были раз навсегда «проверены» Октябрем? Увы!—отнюдь нет, что и показал *послеоктябрьский* опыт, который подтвердил в значительной мере *дооктябрьскую* оценку этих мелкобуржуазных революционеров.

Итак, одного Октября, изолированного, для «проверки» отнюдь нехватает. Скорее перевешивает другой мотив, тот, на который так категорически указывал тов. Ленин.

Итак, положение тов. Троцкого о том, что «большевизация» компартий состоит в таком воспитании их и в таком подборе «руководящего персонала», «чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября», это положение делается правильным, *поскольку в него включается усвоение опыта «подготовительного периода»*. Ибо даже *непосредственный* опыт русского Октября не может быть ни понят, ни усвоен, *если* не усвоить, как следует, уроков этого подготовительного периода.

Тов. Троцкий, который рассматривает дело так, что по сути у него партия большевиков начинает существовать «по-настоящему» лишь с октябрьских дней, не видит *преемственности* партийной линии вплоть до «текущего момента».

И точно так же он поэтому не видит, что *после* взятия власти, даже после конца гражданской войны, история вовсе не кончилась. Равным образом не кончилась и история нашей партии, история, которая *тоже* есть «проверка линии», ибо она включает в себя не только разговоры о той или другой точке зрения, но и опыт *практической политики*.

«Дрейфить» нельзя было в Октябре. Но «дрейфить» нельзя было и во время Бреста (где дело, по пониманию тов. Троцкого, шло с «голове», т.-е. о жизни или смерти Советской власти). «Дрейфить» нельзя было и в дискуссии 1921 г., ибо без ленинской линии мы и здесь рисковали почти всем. «Дрейфить» не годилось и в прошлом году, ибо без денежной реформы, без проводимой партией экономической политики и т. д. мы тоже были бы в отчаянном положении. А во всех этих «критических» пунктах тов. Троцкий «дрейфил», при чем «дрейфил»-то он *по тому же типу*, что и в дофевральский период своего политического существования, когда он еще не порвал с прямыми противниками большевизма,

«Традиции революционной партии,—пишет товарищ Троцкий (62),—создаются не из недомолвок, а из критической ясности». Очень хорошо. Но требование «критической ясности» должно быть полностью сохранено не только по отношению к действиям, разыгравшимся в Октябре, но и к предыдущему, и к последующему периоду развития. Только так можно дать «действительную проверку», ибо партия пролетариата *постоянно* действует, и «критический» период у нас не один.

II. УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И БОРЬБА ВНУТРИ ПАРТИИ

Нужно ли замалчивать Октябрь и его пролог—Февральскую революцию? Отнюдь нет. Это было бы или недобросовестно, или глупо. Но совершенно напрасно тов. Троцкий намеками, полунамеками, а также и открытыми возгласами хочет создать такое впечатление, что истории Октября «не повезло», ибо тут был какой-то умысел (неверная «полусознательная оценка».) Вряд ли уместны такие, например, сентенции, что

> «...еще недопустимее было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах октябрьского переворота, имеющих международное значение» (XII).

Конечно.

Но, во-первых, тов. Троцкий скрывает, что об Октябре было написано никак не меньше, чем о всяком другом периоде; в сочинениях Ленина этот период получил блестящую оценку, из которой все действительные уроки Октября партия может черпать еще долгое время.

Во-вторых, тов. Троцкий замалчивает, что означенные «персоны» неоднократно признавали свою ошибку, и она (эта ошибка) известна всей партии.

В своей «Истории РКП» и в более ранних выступлениях об этом совершенно открыто говорил тов. Зиновьев, который не раз и перед партией, и перед Коминтерном заявлял о том же; об этом говорил тов. Ленин, который, однако, никогда и нигде

не ставил этой ошибки в связь с текущей послеоктябрьской работой ошибавшихся в октябре товарищей *).

Теперь же тов. Троцкий, используя эти ошибки, хочет ревизовать всю партийную линию и «исправлять» всю партийную историю. *В этом* гвоздь рассуждений тов. Троцкого.

Весь анализ событий от апреля по октябрь ведется так, будто разногласия, «раздиравшие» партию, все обострялись, пока не разразились конфликтом, чуть-было не приведшим к краху. И только благодаря усилиям тов. Ленина, имевшего смелость итти против ЦК и поддержанного тов. Троцким, «предвосхитившим» основные идеи Ленина, революция была спасена.

В этом анализе вряд ли есть что-либо, что соответствовало бы действительности.

Прежде всего у тов. Троцкого исчезает партия. Ее нет, ее настроение не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый анонимный ЦК. Отсутствует целиком петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания. Вся историография тов. Троцкого скользит исключительно по «верхнему верху» партийного здания. Что же касается всего партийного костяка, то напрасно мы стали бы рассматривать эту загадочную картинку: «Где партия?», нарисованную искусной кистью тов. Троцкого. Разве марксисты могут так писать историю? Это—карикатура на марксизм. Писать историю Октября и *проглядеть партию*—это значит обеими ногами стоять на индивидуалистической точке зрения, на точке зрения «героев и толпы». На *ней* воспитывать членов партии нельзя.

---

*) Кстати, необходимо упомянуть о некоторых фактах. Несмотря на разногласия, Каменев был, по предложению *Ленина*, выбран на апрельской конференции в ЦК партии и председательствовал по поручению ЦК на II Съезде Советов в момент восстания; уже в ноябре 1917 г. Зиновьев, который расходился с ЦК вообще лишь на несколько дней, по поручению ЦК партии выступал во ВЦИК с докладом за разгон учредилки; на VII съезде (начало марта 1918 г.) Зиновьев выступал по поручению ЦК с защитой ленинской линии против Троцкого и «левых». Следовательно, вся партия отнюдь не рассматривала октябрьскую ошибку названных товарищей иначе, как преходящее разногласие; наоборот, она поручала им ответственнейшие роли, несмотря на то, что она ни на одну минуту не оправдывала ошибок этих товарищей.

Но и с точки зрения анализа *только руководящей верхушки* летопись тов. Троцкого не заслуживает одобрения, ибо она *искажает* действительность. Посмотрите, как изображает тов. Троцкий ход событий:

> «Решения апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло вместе с ходом событий принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции — в дни Октября» (XXXI).

После июльских дней:

> «Мобилизация правых элементов партии усилилась: критика их стала решительнее» (XXXII).

Наконец, перед Октябрем:

> «Надобности в экстренном съезде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции предпарламента» (XXXVI).

Все это крайне... «неточно». Ибо уже ко времени VI съезда партии *произошла полная идейная консолидация партии*. Выбранный на VI съезде Центральный Комитет безусловно стоял на платформе *восстания*. Колоссальное влияние Ленина на ЦК имело место, ибо сам Ленин был руководящим цекистом, как это известно всем и каждому. Но изображать дело так, будто бы большинство ЦК было чуть ли не против восстания,—это значит не знать ни партии, ни ее тогдашнего ЦК, это значит грешить против истины. Разве 10 октября восстание не было решено подавляющим большинством ЦК? При чем же тут необходимость в особой роли тов. Троцкого? Величайшая энергия, поистине неистовая революционная страсть, гениальный анализ событий и громадная гипнотизирующая сила писем тов. Ленина оформляли то, что было и мнением подавляющего большинства самого Центрального Комитета. Но тов. Троцкому обязательно хочется *оторвать Ленина от ЦК, противопоставить* их, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая

на самом деле ни на минуту не прерывалась. Искажать историю нельзя.

Если бы это было не так, если бы было верно то, что говорит тов. Троцкий, то тогда было бы совершенно непонятно: 1) каким образом при конфликте партия не раскололась; 2) каким образом она могла победить; 3) *каким образом конфликт (выход из ЦК нескольких его видных членов) мог быть ликвидирован буквально в несколько дней* возвращением этих товарищей на свои посты.

А это «чудо» (чудо с точки зрения предпосылок тов. Троцкого), как известно, совершилось, и притом без особенного труда. Можно, конечно, сделать здесь намек на то, что после победы есть много охотников примкнуть к победителям, ибо оных победителей «не судят».

Однако, не следует забывать, что победа в Петербурге и в Москве означала лишь *начало* борьбы, начало громаднейших трудностей, что понимал решительно всякий член партии. Так что эти соображения нисколько не могут объяснить то, что подлежит объяснению.

А между тем, все нам становится весьма понятным, если только взглянуть на события не с такого эгоцентрического угла, с какого их рассматривает тов. Троцкий. Тогда получилась бы примерно такая картина: с апреля по октябрь остатки шатаний внутри партии все время исчезают. К октябрю они становятся минимальными; *партия* целиком, сомкнутым строем идет в бой; наверху остается все же несколько несогласных с общей линией товарищей. Но именно потому, что *партия* (это очень немало, тов. Троцкий!) была *едина*, именно потому, что подавляющее большинство ЦК шло вместе с Лениным, и эти товарищи были увлечены общим партийно-классовым потоком и немедленно стали на свои посты. Они были «проверены» гораздо более основательно, чем одними днями Октября...

III. ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЗИЦИЯ ТОВ. ТРОЦКОГО.

Но «летопись» тов. Троцкого, равно как и примечания к ней изображают неправильно не только пропорции внутри партии, но и подготовку «большевизации» самого тов. Троцкого (нас интересует здесь, разумеется, *только* политическая *позиция*).

Из примечаний к книге тов. Троцкого мы узнаем, например, что «статьи Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком «предвосхитили» (!) политическую тактику революционной с.-д. Основные выводы этих статей почти до деталей (!) совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты тов. Лениным в знаменитых «Письмах издалека» (370).

Мы узнаем, что «в ходе войны все уменьшались разногласия между точкой зрения «Нашего Слова» и Лениным» (377).

Мы узнаем, с другой стороны, целый ряд подробностей об ошибках «Правды», ряда большевиков и т. д.

Но мы чрезвычайно мало будем осведомлены после прочтения книжки, в чем же *были* разногласия, которые «все уменьшались»; и мы прямо будем введены в заблуждение, если поверим, что тов. Троцкий «предвосхитил»,—как выражается ужасно услужливый редактор книги и автор примечаний тов. Ленцнер, — ленинскую линию (Ленин и не знал, говоря языком тов. Троцкого, что он «совершает плагиат»).

Между тем, вопрос о позиции во время войны дает ключ и к ряду других вопросов, вводя нас в ту лабораторию, где формировались лозунги, сыгравшие вскоре исключительную, можно сказать, всемирно-историческую роль.

Постараемся напомнить кое-что из этой области.

1. «Мир» или «гражданская война».

Это первое разногласие, разногласие очень принципиальное, ибо здесь как-раз и видно, кто и как «предвосхищал» и события, и «тактику революционной социал-демократии». Лозунг гражданской войны, который был поставлен Лениным и большевиками ЦК еще в самом начале войны, был специфическим лозунгом большевизма,—лозунгом, который проводил грань между действительными революционерами и всеми оттенками не только шовинистов, но и интернационалистов мещанского, пацифистского, «гуманитарного», ищущего сближения с центристскими элементами толка. Только резкая постановка вопроса о гражданской войне позволяла отобрать кадр таких революционеров, которые стали впоследствии ядром коммунистических партий.

Тов. Троцкий был самым решительным образом *против* этого лозунга, считая его узким, непригодным для массовой проповеди и т. д. Это ли «предвосхищение» ленинской позиции?

2. Пораженчество и борьба с ним.

Второй отличительной особенностью большевистской позиции было положение, что революционные соц.-демократы (теперь мы бы сказали «коммунисты») должны в *империалистской* войне желать поражения, прежде всего, *своему* правительству. Тов. Троцкий определял эту позицию, как национализм навыворот, или национализм с отрицательным знаком. Однако, теперь совершенно ясен глубокий смысл этой ленинской позиции, корнями своими уходящей к основным истокам большевистской мысли. Именно к основным истокам ее. Стоит только посмотреть, например, на недавно опубликованную полемику Ленина с Плехановым по поводу проекта программы Р. С.-Д. Р. П. («Ленинский Сборник», № 2), чтобы понять это. В полемике с Плехановым В. И. упрекает плехановский проект в том, что это—учебник, а не объявление войны; там говорится о капитализме вообще, а нам нужна *война* против *русского* капитализма,—таков смысл этой полемики со стороны В. И. Почему настаивал на этом Ленин? Именно потому, что он был *борцом*, а не декламатором. Лозунг поражения *своего* правительства был *объявлением войны* всякому, хотя бы и скрытому под тюфяками благородных фраз пацифизму, всякой, хотя бы и скрытой искуснейшими масками, оборонческой позиции. Это был наиболее резкий разрыв, разрыв *на деле*, всякой связи со «своим» буржуазным государством. И именно *такой* позицией обусловливалась на деле, на живом примере, *интернационалистская* позиция большевизма. Это было второе принципиальное расхождение Троцкого с большевиками.

3. Единство с меньшевистской фракцией Чхеидзе.

Уже во время войны тов. Троцкий продолжал стоять за единство с такими элементами, как фракция Чхеидзе, не имея мужества пойти на решительный организационный разрыв,

который был необходимой предпосылкой правильной политики. Недаром Ленин так боялся, что некоторые товарищи поддадутся на удочку троцкизма. Любопытно также и то, что тов. Троцкий еще *в мае* 1917 г. не понимал своих прежних ошибок. Так, на стр. 380 разбираемой книги мы читаем:

> «7 мая 1917 г. открылась общегородская конференция объединенных с.-д. (большевиков и интернационалистов). Конференция приветствовала тов. Троцкого, присутствовавшего в качестве гостя. Отвечая на приветствие, тов. Троцкий заявил, что для него, *всегда стоявшего за необходимость единства с.-д. сил* (курсив наш. *Ред.*), само по себе единство не является самоцелью, и в формулу эту должно быть вложено революционное содержание и т. д.» *).

Отсюда с полной ясностью вытекает, что тов. Троцкий не только *не проклинал* своей борьбы за единство с ликвидаторами и т. д., но эту свою громаднейшую ошибку, губительную ошибку, подводил чуть ли не как базис для объединения с большевиками, на этот раз, к счастью, соглашаясь вложить в «формулу» «революционное содержание».

К сожалению, та же *недооценка* всей глубины ошибок в организационном вопросе (она целиком проявилась у тов. Троцкого в прошлогодней дискуссии) сквозит *даже теперь*. Тов. Троцкий оправдывается от упреков (какого-нибудь из глубокомысленных дьячков, вроде тов. Сорина), упреков в борьбе против большевистской «кружковщины» методом более чем странным:

> «Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование» (66).

Итак, уже призывая к объединению с большевиками, тов. Троцкий *порицал* большевистскую кружковщину, как злое

*) Речь идет о так-называемых «межрайонцах», которые существовали параллельно большевикам и отстаивали в это время единство с «левыми» меньшевиками. Вошли вместе с тов. Троцким после июльских дней в большевистскую партию.

наследие злого прошлого. Но «отказываемся ли мы от наследства»? *Ни капли.* Ибо эта так-называемая кружковщина была на самом деле *методом создания нашей партии*, т.-е. организационным принципом большевизма. И если тов. Троцкий на 65 стр. своего «Предисловия» пишет, что он признал «свои большие организационные ошибки», а на 66 странице оправдывает обвинение дореволюционного большевизма в «кружковщине», то это значит, что он еще не свел концов с концами и не извлек еще всех уроков из истории нашей партии. Но он и не сможет этого сделать, если днем рождения партии будет считать день ее объединения с межрайонкой или даже славные дни Октября, когда сам тов. Троцкий в муках рождался как большевик.

4. Борьба с циммервальдской левой.

Наконец следует упомянуть и о позиции тов. Троцкого в «мировом масштабе». Ведя борьбу с шовинистами, социал-патриотами и т. д., тов. Троцкий был издевательски настроен по отношению к циммервальдской левой. Он считал ее тоже «кружковщиной» и большевистской дурью, которая уже совсем мало приспособлена к «заграничным условиям». Еще в Америке, где, по уверениям тов. Ленцнера, тов. Троцкий предвосхитил позицию тов. Ленина, он вел активную борьбу против солидаризации с циммервальдской левой. Этот «раскол» с «центристами от Циммервальда» тов. Троцкий одобрить не мог. Между тем товарищи-редакторы «Семнадцатого Года» отнюдь не позаботились о том, чтобы осветить для международного пролетариата и этот пункт нашей партийной истории, который для Интернационала так же важен, как и вопрос о гражданской войне, о пораженчестве и т. д. Ибо речь шла ни больше, ни меньше как о выборе между Вторым и Третьим Интернационалами.

5. Концепция «перманентной революции».

Тов. Троцкий, оказывается, не только «предвосхитил» ленинскую позицию, но и оказался прав по одному из существеннейших пунктов нашей революционной теории и одновременно нашей революционной стратегии, именно по вопросу о «перма-

нентной революции». Тов. Троцкий пишет по этому поводу следующее:

«Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство» (XVII).

Что сей сон означает? В 1905 году была борьба между большевиками, выставившими лозунг «диктатура пролетариата и крестьянства», с одной стороны, группой Троцкого-Парвуса, выставившей лозунг «Долой царя, а правительство — *рабочее!*» — с другой, и поляками, во главе с Розой Люксембург, которые выставили формулу «пролетариат, опирающийся на крестьянство» — с третьей.

Кто же оказался *прав?* Тов. Троцкий *уклоняется* от того, чтобы дать решительный ответ, ответ всеми словами. Но *косвенно* он «утверждает» именно *свою* правоту: ленинская формула могла быть «лишь» (!) этапом к формуле Троцкого.

Но вот это-то и неверно, что тов. Троцкий оказался правым. Он оказался именно неправ, и именно «дальнейшее развитие» доказало его неправоту. Ибо специфичность позиции тов. Троцкого как-раз в том и заключалась, что он *хотел перескочить через такой «этап», через который перескочить было нельзя* (забывал «мелочь»: крестьянство).

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще,—писал *тов. Ленин,* — надо уметь найти в каждый момент то *особое* звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и *подготовить прочно переход к следующему звену*» (Сочин. XV, 223).

Но именно этого и не давали лозунги тов. Троцкого. Он «перемахивал» *через* то «особое звено», за которое нужно было всеми силами уцепиться, он недооценивал роли крестьянства, а поэтому *практически* изолировался и от рабочих:

«Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,— почвы под ними нет, — вот суть революционной фразы» (Ленин. Сочин. XV, 100).

И из того, что через много лет и *после* того, как мы *перешагнули* через определенный этап, началась социалистическая революция, отнюдь не следует, что тов. Троцкий был прав. Такое утверждение одновременно противоречило бы действительности и опиралось бы на непонимание сути тактики большевизма, всей его, если так можно выразиться, политической методологии, которая соединяет упорное движение к одной великой цели с суровой трезвенностью, отбрасывающей прочь все предрассудки и все лишнее в оценке каждой конкретной ситуации. И здесь тов. Троцкий оказался *неправ*. И здесь его книга *совершенно неверно ориентирует читателя*. Мы уже не говорим о том, что тов. Троцкий умалчивает, как его «перманентная» и ультра-левая *фраза* сочеталась с весьма правой политикой и с ожесточенной борьбой против большевиков.

IV. «УРОКИ ОКТЯБРЯ» И КОМИНТЕРН.

Одним из практических стержней, на которых построено «Предисловие» тов. Троцкого, является стремление, мягко выражаясь, «оспорить» политику Исполкома Коминтерна. Дана задача: взять реванш за проигранную в 1923 г. дискуссию, выступив уже не только против линии ЦК, но и против линии Коминтерна в целом. Для этого можно исказить и смысл важнейших эпизодов классовой борьбы пролетариата в Германии и Болгарии. Здесь можно намекнуть и на то, что ошибки отдельных наших товарищей в 1917 г. предопределили неуспехи коммунистов в Германии и в Болгарии в 1923 г. Схема рассуждений, если ее освободить от облекающих ее словесных одежд вуалеобразного типа, здесь довольно проста. X, Y, Z ошибались в Октябре *русском*. X, Y, Z руководят теперь Коминтерном. Коминтерн проиграл сражения a, b, c. Следовательно, в этом виноваты X, Y, Z, которые продолжают здесь свои русско-октябрьские традиции. В этом der langen Rede kurzer Sinn (короткий смысл длинной речи).

Рамка этого совершенно смехотворного силлогизма наполнена конкретным содержанием. Нужно поэтому критически осветить это содержание, и тогда сама собой рушится и вся затейливая постройка тов. Троцкого:

Пункт I. Болгария. Тов. Троцкий пишет:

> «Мы имели в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям *доктринерски-фаталистического* (наш курсив. *Ред.*) характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июльского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок» (XII).

Как легко увидит читатель, здесь за основу поражения берется: 1) меньшевистский фатализм, 2) бесшабашный оптимизм («без подготовки» и т. д.). Обе эти черты даны также при характеристике типов октябрьского оппортунизма. Итак, «смычка» с русским Октябрем и теперешним коминтерновским руководством дана полностью и целиком.

Однако, присмотримся поближе к *фактам*. Первое поражение было в результате того, что болгарская партия совершенно неправильно подходила к *крестьянству*, не сумела оценить ни его движения, ни роли Земледельческого Союза в его целом, ни его левого крыла. Она стояла скорее на позиции: «долой короля, а правительство рабочее». В решительную минуту, когда нужно было взять руководство и подняться на гребне громадной крестьянской волны, партия заявила, что она нейтральна, ибо борьба идет между буржуазией города и буржуазией деревни, а пролетариат здесь не при чем. *Таковы* были «соображения» болгарской компартии. Они зафиксированы, все это можно проверить документально. Если брать аналогии с нашим Октябрем (кстати сказать, теперь-то мы уже должны, казалось бы, научиться более осторожному обращению с аналогиями), то скорее нужно было бы брать *корниловские дни* (Керенский—Стамболийский, Корнилов—Цанков). Но здесь, если судить даже по изложению самого же тов. Троцкого, *слишком* заступались за Керенского, не понимая «грани» между

борьбой *против Корнилова и защитой Керенского*. В Болгарии же была сделана *противоположная* ошибка.

В чем же тут «уроки Октября»?

К тому же, товарищи, сидящие в ИККИ, в корниловские дни занимали совершенно правильную позицию, а весь ИККИ в целом совершенно правильно критиковал и подгонял болгарскую компартию.

Второе поражение в Болгарии—факт, и тов. Троцкий описывает условия, при которых оно разразилось. Но, скажите на милость, тов. Троцкий, что же , вы поддерживаете здесь старую формулу Плеханова времен его меньшевистского упадка: «не надо было браться за оружие»?

Надо или не надо было болгарским коммунистам браться за оружие?

Да или нет?

Тов. Троцкий не отвечает. По-нашему, браться за оружие было *надо*, так как только такой ценой можно было удержать связь со стихийно шедшим в бой крестьянством. Времени же на подготовку не было. Вот *действительная* картина событий. «Уроки» тов. Троцкого здесь не при чем.

Пункт II. Германия. Еще интереснее вопрос о прошлогоднем октябрьском поражении германского пролетариата.

> «Мы наблюдали там во второй половине прошлого года *классическую* (наш курсив. *Ред*.) демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения» (XII).

Итак, по тов. Троцкому, ошибка состояла здесь в том, что был упущен «классический» момент. Нужно было во что бы то ни стало вести на решающую битву, и тогда победа была бы за нами. Тут тов. Троцкий проводит полную аналогию с Октябрем в России: там тянули—и здесь тянули; там, под давлением Ленина—*решились*, выступили и победили; здесь—*без* давления Ленина—не решились и упустили момент, а теперь—под влиянием русско-октябрьских традиций—расписывают, что силы были недостаточны для решающего боя. Такова схема «германских событий» у тов. Троцкого.

Однако, и здесь перед нами налицо «царство схематизации» и скучное царство серой абстракции. Тов. Троцкий изображает,

как писалась бы история, если бы в русском ЦК противники восстания очутились в большинстве: оказалось бы, что и сил было мало, и враг был ужасно страшен, и т. д.

Все это лишь *внешне* убедительно. Да, так, вероятно, писалась бы история. Но это вовсе *не доказательство того, что силы немецкой революции не были переоценены в октябре 1923 г.*

Неверно именно то, что момент был «классическим». Ибо *гораздо сильнее, чем мы думали, оказалась социал-демократия.* Аналогия с русским Октябрем здесь вообще мало уместна. В Германии не было вооруженных солдат, стоящих за революцию; не было в наших руках лозунга мира; не было аграрно-крестьянского движения; не было *такой* партии, как у нас. Но, кроме всего этого, оказалось, что социал-демократия еще не изжила себя. Вот эти *конкретные* факты нужно было опровергнуть. *Во время решающих событий ИККИ стоял именно за октябрьскую линию.* Когда она провалилась в силу объективных условий и когда она провалилась *«более, чем следует»*, в силу правого руководства, тогда тов. Троцкий, *на деле поддерживавший именно правое, оппортунистическое, капитулянтское крыло и неоднократно боровшийся против левых* *), подводит «глубокий» теоретический базис под свою концепцию и замахивается ею на руководящие круги Коминтерна. *Так* извлекать уроки не годится ни из русского, ни из немецкого «Октября».

И совсем уж не годится настаивать на некоторых своих ошибках, на которых еще и посейчас настаивает тов. Троцкий.

Одним из уроков (действительных уроков) германского Октября является тот урок, что перед выступлением нужна величайшая раскачка масс. Между тем, эта работа очень отставала. В Гамбурге, например, во время восстания не было ни стачек, ни советов. По всей Германии советы отсутствовали, ибо, по мнению тов. Троцкого, так и следовало делать,—их «заменяли» фабзавкомы. На самом же деле фабзавкомы не могли заменить советов, ибо не сплачивали всей массы, вплоть до самых отсталых и индиферентных *так*, как это делают советы в критические и острые моменты классовой борьбы.

---

*) Здесь—такой же «метод» политики, как и в дореволюционное время: «левая позиция на словах, правая—*в делах*».

* * *

Книга тов. Троцкого призывает к изучению Октября. Сам по себе этот лозунг не представляет ничего нового. Он уместен и для наших партийных рядов, он уместен и для наших иностранных товарищей. Но книга тов. Троцкого, вернее, ее предисловие, претендует на роль *спутника* в деле этого изучения. И тут мы должны решительно сказать: *этой* роли она выполнить *не может*. Она лишь собьет с толку тех товарищей, которые за внешней стройностью изложения проглядят полное смещение пропорций, искажение действительной партийной истории. Это — не зеркало партии. Это — ее *кривое* зеркало.

Но появление этого «кривого зеркала» отнюдь не случайно. После всего вышесказанного нетрудно видеть, куда, как выражался Ленин, «растут» намеченные тов. Троцким выводы.

В самом деле. Если, как неправильно изображает дело тов. Троцкий, в октябре 1917 г. что-либо путное можно было сделать только против ЦК, то не может ли повториться и теперь такая ситуация? Где гарантия того, что руководство будет правильно? И правильно ли оно сейчас? Ведь, «единственная» проверка, — это Октябрь 1917 г. Так можно ли доверять тем, кто этой проверки не выдержал? И не благодаря ли руководству этих вождей Коминтерн терпит поражение и в Болгарии и в Германии? Не *нужно* ли «изучать Октябрь» так, чтобы прощупать именно *эти* вопросы?

Вот комплекс тех «проблем», к которым исподволь подводит читателя тов. Троцкий после неудавшейся лобовой атаки прошлого года. Но тов. Троцкий может быть вполне уверен что партия сумеет во-время оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства.

НОВОЕ ОТКРОВЕНИЕ О СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ИЛИ КАК МОЖНО ПОГУБИТЬ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК.

(К вопросу об экономическом обосновании троцкизма).

Очень часто бывает, что какой-нибудь исторический поворот вызывает идейные споры, которые прорываются сперва по совершенно «случайному» поводу, развиваются по «случайным» направлениям и на первый взгляд представляют из себя нечто совершенно непонятное. Лишь через некоторое время откристаллизовываются определенные идеологические узоры, и последующий анализ без особого труда открывает совершенно определенные классовые или групповые общественные течения, имеющие совершенно определенное социальное значение и играющие совершенно определенную социальную роль.

Мы сейчас подошли вновь к некоторому поворотному пункту в развитии нашей революции. Конец блокады, ряд признаний; в то же время заминка в развитии международной революции. Начало довольно быстрого хозяйственного подъема, и в то же время новое соотношение между рабочим классом и крестьянством. Словом, *новая* обстановка. Естественно, что в партии должна была получиться какая-то реакция на эту новую обстановку, и также естественно, что не сразу мы доходим до своего, так-сказать, «самосознания».

Тов. Троцкий выступил с «Уроками Октября». Казалось бы, спор чисто-литературный. Но этот литературный спор вырос в целую партийно-политическую кампанию. Было бы странным видеть здесь *спор «лиц»*. Разве «лица» могли бы вдохнуть такую страстность в обсуждение, в дискуссию? Очевидно, что были и есть какие-то *объективные моменты*, которые способство-

вали спору, лежали в его основе и которые показались в первый момент на поверхность в виде «литературной» полемики.

Так было. А теперь уже довольно ясно видно, что подняты *глубочайшей важности принципиальные вопросы*, которые являются решающими для всей нашей партии. Эти вопросы «сомкнулись» с объективным положением в стране. Они «соответствуют» этому положению, они *вырастают* отсюда. Вот почему вся партия сейчас мучительно разбирает такие, казалось бы, «непрактические» проблемы, как вопрос о «перманентной революции». Новая обстановка вызывает потребность в продуманной ориентации. А так как новая обстановка складывается по основным линиям развития (внешний мир, хозяйство, классы в стране), то немудрено, что партия поднимает некоторые общие вопросы: это и есть выражение генерального продумывания и обдумывания нашего пути.

Это обстоятельство находит свое выражение в том, что *отдельные* проблемы и *отдельные* разногласия увязываются сейчас в основные, «теоретические» узлы, в целые системы мыслей, в более или менее стройные «теории». То, что в прошлую дискуссию было разбросано по клочкам: денежная реформа и вопрос о поколениях в партии, вопрос о ценах и об «аппаратчиках», вопрос о «ножницах» и «внутрипартийной демократии», вопрос о «плане» и о «товарной интервенции»,—все это *теперь* сводится к некоторым основным линиям, упирается в такие общие проблемы, как теория перманентной революции, оценка движущих сил нашей революции, общая оценка ее перспектив и т. д. А осью, около которой вертятся *все* эти, сами по себе крупнейшие вопросы, является *проблема рабоче-крестьянского блока*.

Учение о рабоче-крестьянском блоке есть существеннейшая оригинальная черта ленинизма. Совершенно напрасна всякая попытка *увернуться* от ответа на вопрос о том, верно или неверно учение Ленина, верна или неверна линия большевистской партии. Тут нужно *выбирать*. Вот почему партия реагировала так бурно на работу тов. Троцкого: она увидела здесь—и совершенно справедливо увидела—попытку пересмотреть *основы* ленинского учения.

Эти попытки делались и раньше. Но они проходили незамеченными: время было военное, и все задачи стояли, как задачи

непосредственного боевого действия. Гораздо сложнее стали они теперь, *именно теперь*. И понятно, что когда, под предлогом извлечения «уроков Октября», партии стремятся дать изрядную дозу антиленинских порошков, она, партия, резко протестует.

У нас *пока* известное затишье в революционном движении. По *Ленину*, эта вещь не смертельная; мы медленной дорогой пойдем себе помаленечку вперед, таща за собой крестьянскую колымагу. Ленин, ведь, не рассуждал по схеме: пролетарская революция, когда много промышленности, гибель пролетарской революции, когда страна мелкобуржуазна. Не раз он подчеркивал всю оригинальность нашей революции, особое сочетание исторических условий, которые дали нам победу (см., напр., его заметки по поводу книжек Н. Суханова). А тов. *Троцкий?* А тов. Троцкий видел одну *гибель*, если скоро не придет мировая революция. Почему?

Потому, что была основная разница, разница в оценке движущих сил.

Ведь, еще в 1922 г. тов. Троцкий, *настаивая на правильности* своей теории «перманентной революции», писал: Пролетариат после захвата власти «придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и *с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти*. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения, смогут найти свое разрешение *только*... на арене мировой революции пролетариата» («1905 г.», предисл., стр. 4 и 5).

Ленин учил: конфликт рабочего класса с крестьянством *вовсе не неизбежен*. Троцкий учит: конфликт этот *обязателен*. Ленин учил: наше спасение в том, чтобы *ужиться* с мужиком, и это *вполне* можно сделать и, даже при самом долгом сроке западных побед, удержаться и укрепиться. У Троцкого другое: гибель пролетариата *неизбежна*, если не будет скоро мировой победы; пролетариат *погибнет* под ударами со стороны «широких масс крестьянства», которые когда-то помогали ему победить. У *Ленина* крестьянство на всем протяжении переходного периода должно явиться неизбежным *союзником* рабочего класса,

хотя и ворчливым; у «перманентников» оно обязательно должно превратиться во врага. У Ленина отсюда вытекает—и с этим связана—своеобразная теория «аграрно-кооперативного» социализма; у сторонников другой позиции совсем *иное* представление о путях нашего дальнейшего развития.

Разве не ясно, что при таком коренном различии оно, это различие, будет неизбежно проглядывать в целом ряде самых разнообразных вопросов? Конечно. Но теперь уже делаются попытки свести воедино эти «особенности», эти отклонения от ленинской линии. Мы хотим здесь разобрать *экономическую* сторону антиленинской концепции. Она дана в работе тов. Преображенского: «Основной закон социалистического накопления» («Вестник Комм. Академии», кн. 8). Эта работа, интересная по замыслу и по постановке вопроса, в то же самое время теоретически исходит из предпосылок, родственных предпосылкам тов. Троцкого (данное обстоятельство показывает лишь, что здесь дело не только, а может-быть, и не столько, в лицах). Следовательно, она исходит из теоретически *неверных* предпосылок. В то же время она делает и ряд практически-политических выводов, выводов крайне опасных для нашей партии, рабочего класса, всей страны. На критике этой теоретической работы, как на *примере* неверной, совсем не пролетарской, а трэд-юнионистской, цеховой идеологии, нам и хотелось бы остановиться в нашей работе.

1. КОММУНИЗМ ИЛИ «ЦАРСТВО ПРОЛЕТАРИАТА»?

Основной закон социалистического накопления, открытый тов. Преображенским, гласит:

«Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской, является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной (социалистической? *Н. Б.*) революции,—тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на *эксплоатацию* досоциалистических форм хозяйства, и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т.-е. тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом

работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная (социалистическая? *Н. Б.*) революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране капиталистических форм производства, и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить *неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний*, т.-е. уменьшить *эксплоатацию последних*,—тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т.-е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и *собственного земледелия*» (все курсивы мои. *Н. Б.*).

Такова дословно выписанная формулировка «основного закона», данная тов. Преображенским. Здесь мы *пока* не трогаем «закона» по существу. Но мы обращаем внимание на следующие *два* положения т. Преображенского, которые на первый взгляд кажутся лишь терминологической неточностью или же своеобразным литературным кокетством.

Первое положение: социалистическое накопление идет в той или иной мере за счет *эксплоатации* мелких производителей.

Второе положение: эти мелкие производители (т.-е. совокупность их хозяйств) есть не что иное, как *колонии* пролетарской промышленности *). Вот на этих утверждениях тов. Преображенского нам и нужно, прежде всего, остановиться. Мы здесь имели бы полное право закричать «караул!»—до такой степени противоречат эти «словесные ярлычки» всем традициям нашей марксистско-ленинской теории. Но мы полагаем, что, пожалуй, гораздо лучше *спокойно разобрать* их и посмотреть, что же скрывается за этими ярлычками, и почему эти ярлычки по сути

*) Из изложения тов. Преображенского не совсем ясно, входят сюда крестьяне только *бывших колоний* или *все* мелкобуржуазные хозяйства. По существу это мало меняет дело, ибо, например, у нас, за исключением Великороссии, сюда войдет огромное количество крестьян. Не подлежит сомнению, что тов. Преображенский у рабочего государства видит *колонии*.

дела есть не что иное, как выражение целой системы *своеобразных взглядов на значение и судьбы рабоче-крестьянского блока.*

Тов. Преображенский в одном месте своей работы пишет: «Только при полной беззаботности насчет теории можно в социалистическом протекционизме видеть полную аналогию с протекционизмом капиталистическим» (стр. 90).

Это замечание совершенно правильно. Но тов. Преображенский сам обнаруживает «полную теоретическую беззаботность», когда он без всякой критики и без всяких оговорок употребляет вопиюще-неправильные обозначения и *играет* аналогиями. Впрочем, как мы покажем ниже, здесь не только простая «игра».

Возьмем, прежде всего, вопрос об *эксплоатации* пролетариатом мелких производителей. Тов. Преображенский именно так и изображает дело: рабочий класс сидит верхом на мелких производителях. Отношение между основными классами рабоче-крестьянского двухклассового (в основном) общества есть, следовательно, отношение *эксплоатации.* Эксплоататорским классом является пролетариат (и это очень хорошо экономически), эксплоатируемым — класс мелких производителей. И чем более отсталой является страна, проделывающая социалистический переворот, тем более ярко виден эксплоататорский характер пролетариата, и, следовательно, тем более эксплоатируемым является мелкий производитель.

Не правда ли, *смело* нарисованная картина? А, ведь, она *неизбежно* получается, если принять всерьез (а научные исследования, мы полагаем, пишутся всерьез) формулировки тов. Преображенского.

Получает ли социалистическая промышленность добавочные ценности в фонд накопления со стороны мелких производителей? Да. *Это* не подлежит никакому сомнению. Есть ли здесь, таким образом, переход ценностей из рук одного класса в руки другого, господствующего? Да. И это не подлежит никакому сомнению. Но можно ли это своеобразное отношение, используя грубейшим образом аналогию с капиталистическим обществом («теоретическая беззаботность»), назвать отношением *эксплоатации?* Можно ли на этом основании назвать пролетариат *эксплоататорским классом* (что неизбежно вытекает из предыдущего положения)?

Нет! И тысячу раз нет! И вовсе не потому, что это «плохо звучит», или что у нас здесь обнаруживается трусость мысли перед фактами, которые мой храбрый друг смело называет их собственными именами. А потому, что такие «имена» не соответствуют — мало того, противоречат — объективной действительности и нашим историческим задачам.

В самом деле. Возьмем действительное и бесспорное отношение эксплоатации, напр., *капиталистическую* эксплоатацию. Это есть определенное производственное отношение, выражающее определенный способ производства. Класс капиталистов получает прибавочную ценность. Производство есть производство прибавочной ценности. Весь процесс в целом постоянно *воспроизводит* — и притом на *расширенной основе* — *это отношение эксплоатации*. Другими словами, функция накопления состоит здесь в том, что постоянно воспроизводится отношение эксплоатации. *Переход ценности из рук одного класса в руки другого класса постоянно расширяет классовую противоположность, постоянно воспроизводит отношение между капиталистическим господином и его наемным рабом*. То же самое мы видим в любом эксплоататорском обществе. Повторяем: в *любом*.

А что выражает переход ценностей от мелких производителей в руки пролетарской промышленности? Он выражает прямо *противоположную* тенденцию, а именно тенденцию к *преодолению* противоположности между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством, между социалистическим и мелкобуржуазным хозяйственным кругом. Ибо мы идем вовсе не к *закреплению* междуклассовых отношений, а к их *уничтожению*. И чем быстрее идет накопление в социалистическом хозяйственном круге и его *становящейся* социалистическою периферии, тем *быстрее* идет и уничтожение противоположности.

Можно ли *этот* процесс назвать процессом *эксплоатации* мелких производителей? Нельзя. Ибо это и значит упускать все *своеобразие* процесса, не понимать его объективного значения, играть в аналогии, обнаруживать, говоря словами автора, «теоретическую беззаботность». А упускать *своеобразие* процесса, в свою очередь, значит не понимать его *исторической сущности*. Это — очень большой, можно сказать, «смертный», грех в теории, «грех», который должен обязательно отразиться на практических, прикладных построениях «грешника».

Перейдем теперь к вопросу о *«колониях»*. Тов. Е. Преображенский берет, повидимому, понятие колонии, как совокупности «третьих лиц» (народническо-люксембургианское обозначение некапиталистических производителей в капиталистической системе). Можно, конечно, спорить, верно ли это обозначение в применении к капиталистическому строю, или оно не подходит и к нему. Но это — вопрос особый, и нам его здесь нечего ставить и тем более разбирать. Не так существенно и то, понимает ли тов. Преображенский под колониями совокупность мелкобуржуазных хозяйств, действительно входивших в состав колоний, или *всех* мелкобуржуазных хозяйств. Суть же в том, что тов. Преображенский применяет этот термин, ни капли не смущаясь, к эпохе *пролетарской диктатуры*. Другими словами, в эту эпоху, с экономической точки зрения, мы, по тов. Преображенскому, имеем в социалистической промышленности пролетарскую «метрополию», в хозяйстве крестьянства (хотя бы и не всего)—мелкобуржуазные «колонии». Отношение рабочего класса к крестьянству построено и тут по типу отношений плантатора к колониальному объекту эксплоатации. Как мы видим, эта «точка зрения» *вполне «увязана»* с рассуждением тов. Преображенского об «эксплоатации». Другими словами, здесь не случайные обмолвки, не lapsus linguae, не «неудачное выражение»; у тов. Преображенского есть своя последовательность, есть своя логика; но эта «логика» и эта «последовательность» есть логика и последовательность систематически развиваемой *ошибки*.

В самом деле, в чем сущность понятия колонии? В том, что она (колония) есть объект эксплоатации; в том, что ее развитие систематически *задерживается* в интересах «метрополии»; в том, что она является, при всех и всяких обстоятельствах, объектом экономического и политического порабощения. Никогда колония не выступает в качестве союзника «метрополии», никогда «метрополия» не ставит себе задачей поднять колонию до своего собственного уровня, и т. д.

Но раз это так,— а это именно так,— то прямо комично определять крестьянское хозяйство и мелкобуржуазную хозяйственную периферию вообще, как колонию пролетарской промышленности. Это до такой степени очевидно, что вряд ли нужно развивать нашу мысль дальше.

Только в *одном* случае формулировки тов. Е. Преображенского оказались бы правильными. А именно тогда, когда речь шла бы не о движении к бесклассовому коммунистическому обществу, а к закреплению навеки пролетарской диктатуры, к консервированию господства пролетариата, и притом к его *вырождению* в действительно эксплоататорский класс. *Тогда* понятие эксплоатации было бы безоговорочно правильно в применении к такому строю. Равным образом было бы правильным также и обозначение мелкобуржуазного крестьянского хозяйства, как, с позволения сказать, «пролетарской» колонии.

Но страшен сон, да милостив бог. Своеобразная цеховая, трэд-юнионистская система взглядов, которая сквозит в статье тов. Преображенского, к счастью, не опирается на реальную практику. Это лишь некоторый индивидуально-теоретический вывих, который не пользуется—по крайней мере, сейчас—кредитом в наших рядах.

2. «ПОЖИРАНИЕ» МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО ХОЗЯЙСТВА ИЛИ ЕГО ПЕРЕДЕЛКА?

Относительно связи между социалистической промышленностью и частным хозяйством (т.-е., в первую очередь, мелкобуржуазным) тов. Преображенский, между прочим, пишет: нелепо считать, будто «социалистическая система и система частнотоварного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могут существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними. Такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна *система должна пожирать другую*. Здесь возможны: либо деградация, либо развитие вперед («развитие назад» не есть развитие. *Н. Б.*), но невозможно стояние на одном месте» (стр. 78.)

Если сопоставить это место с концом формулы «основного закона», где тов. Преображенский говорит о «собственном (т.-е. пролетарском) земледелии», то у нас будет достаточно ясное представление о том, как мыслит себе автор «основного закона» неизбежную победу социалистического режима в хозяйстве. Госпромышленность разрушает и вытесняет («пожирает») мелкое хозяйство деревни, которое замещается (каким образом,—пока

еще не совсем ясно) «собственным земледелием» пролетариата. Мелкое хозяйство разрушается («пожирается») путем систематической эксплоатации (неэквивалентный обмен, налоги и различные средства внеэкономического давления), а пролетариат действует по аналогии с рыцарями первоначального накопления.

Если бы перспектива была (вернее, если бы она *могла* быть) такой, какой ее рисует тов. Преображенский, то поистине странными являются наши заботы о крестьянском хозяйстве. Но, впрочем, эту тему развивать здесь рано. Перейдем прямо к делу. Правда ли, что мы обязательно пойдем через разрушение («пожирание») сельскохозяйственного мелкого производства? Верно ли это?

Мы думаем, что *в корне* неверно. Мы думаем, что эта совершенно не ленинская (я говорю это отнюдь не для полемики в скучно-мелком смысле этого слова) постановка вопроса абсолютно не отвечает наметившимся путям развития в сторону социализма.

Что мы выдвигаем сейчас, и на что мы ориентируемся в первую голову? На госторговлю и *кооперацию*. Какой план выдвинул Ленин, какую гениальную линию политики он дал для превращения мелкого производителя в члены будущей социалистической общины? Кооперативное объединение крестьян под руководством не буржуазии, а пролетарского государства, с *его* банками, *с его* кредитом, *с его* промышленностью и транспортом и т. д., и т. п. Согласен с этим планом тов. Преображенский или нет?

Если он *не согласен*, тогда он обязан был выставить ряд доводов против «утопичности» (или чего другого,—мы уж не знаем) этого плана. Если он *согласен*, тогда все его построение никуда не годится.

Ибо, ведь, ясно, «как апельсин», что в *этом* случае речь идет вовсе не об уничтожении, вовсе не *о пожирании* (путем «эксплоатации» и на манер периода первоначального накопления), а о *постепенной переделке* крестьянских хозяйств на основе их экономического роста. А это—песня из совсем, совсем другой оперы, отнюдь не оттуда, откуда доносится «ужасно-пролетарская» (а на самом деле цеховая) «песнь» тов. Преображенского.

И здесь у тов. Преображенского та же игра в аналогии с капиталистическим развитием. И здесь тов. Преображенский

совершенно не понимает основного *своеобразия* процесса как-раз для таких аграрно-крестьянских стран, о которых он в первую очередь и рассуждает. К социалистическому производству на земле мы придем не путем вытеснения крестьянских хозяйств советскими хозяйствами на почве разорения крестьянских хозяйств, а совершенно иным путем, а именно путем вовлечения крестьянства в кооперацию, связанную с нами и зависимую экономически от государства и его институтов; мы придем к социализму здесь через *процесс обращения*, а не непосредственно через процесс производства; мы придем сюда через *кооперацию* *).

Как упомянуто, тов. Преображенский не ставит даже этого вопроса, хотя ленинские статьи были весьма убедительны.

«Черного и белого не покупайте,

«Да» и «нет» не говорите».

Тов. Преображенский не говорит ни «да», ни «нет» открыто. *По существу же он говорит «нет».*

Однако, у него есть одно характернейшее местечко, где это «нет» звучит довольно открыто, хотя и не без робости. Вот что пишет тов. Преображенский по этому поводу:

«Что... касается непосредственных взаимоотношений между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства, то такие отношения вполне возможны и должны внести нечто столь же новое в экономическую историю человеческого общества, как и вся новая социалистическая экономика вообще. Подчиняя себе нео-капитализм, государственное хозяйство подчиняет себе и *его* (sic) подчиненных, т.-е. те элементы простого товарного производства, на которых этот капитализм второго издания возникает. Но *рядом с этим* неизбежна целая система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим. Мелкое производство разбивается на три части. Одна часть *остается* мелким производством; другая — *кооперируется капиталистическим* путем; третья—в обход этого последнего процесса объединяется на основах *какой-то (!) новой кооперации*, представляю-

---

*) Здесь указан лишь *основной* процесс; само собою разумеется, что и сел.-хоз. коммуны, и артели, и другие производственные объединения тоже будут делать свое дело.

щей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и *не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством*.

Эта новая форма кооперации при диктатуре пролетариата, одним из ручейков которой являются, повидимому, крестьянские коммуны и артели, еще должна только развиться. Мы не можем поэтому давать теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть» (стр. 100—101).

Вот и все. C'est tout.

Прежде всего, здесь нас поражает скромность велия тов. Преображенского,—прямо хоть святым его на небо возноси: он не полемизирует с Лениным, который выставил, ведь, определенный громадный план, являющийся в то же время *теоретическим предвидением;* он «просто» заявляет, что нельзя давать теоретический анализ «того, что еще не существует, а только должно возникнуть». По-нашему, это—увертка. Ибо, вот мы в нашей стране *только-только* приступили к социалистическому накоплению (не так ли?), в других странах это лишь «должно возникнуть». А, тем не менее, тов. Преображенский уже поспешил, ведь, вывести «*основной закон*» (*основной*—имейте в виду!) этого социалистического накопления. А этот основной закон говорит о движении накопления, о накоплении в разных странах и проч. Так что совершенно напрасно тов. Преображенский так уже скромничает. Некругло это выходит у него!

Ну, а по существу?

По существу эволюция крестьянского хозяйства идет у тов. Преображенского по трем направлениям:

1. Мелкое хозяйство «остается» мелким хозяйством.

2. Мелкое хозяйство через капиталистическую кооперацию становится капиталистическим.

3. Мелкое хозяйство кооперируется неизвестным пока социалистическообразным путем, при чем зародышем этого является с.-х. артель и коммуна.

Мы, прежде всего, с изумлением констатируем, что здесь *нет* места для *ленинской* кооперации, ведущей крестьянство к социализму. Здесь нет кооперации в обращении, через которую, при помощи наших командных высот, мы втаскиваем *массу* крестьянства в общесоциалистическую хозяйственную систему. *Вместо* этого тов. Преображенский выставил второстепенные по

своему значению непосредственно производственные «с.-х. коммуны». *Слона* тов. Преображенский не приметил.

Далее, кого же государственное хозяйство будет «пожирать»? Очевидно, не коммуны.

Капиталистически кооперированных крестьян?

Но таких будет лишь некоторое меньшинство.

Следующий главный метод настоящей хозяйственной «социализации» есть метод «пожирания» («простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством», как в этой связи выражается тов. Преображенский). И это есть метод по отношению к главной массе мелких производителей.

Нужно ли говорить, что это — самая настоящая утопия? Тов. Преображенский и здесь не видит своеобразия тех путей, которые даны вместе с пролетарской диктатурой. Тов. Преображенский думает, что законы эволюции сельского хозяйства при власти пролетариата остались теми же, что и при капитализме. На самом же деле, «некапиталистическая эволюция», которую проповедывали некоторые писатели при *капитализме* («кооперативно-аграрный социализм») становится *реальностью* при *диктатуре пролетариата*. Если в условиях буржуазной власти, буржуазных банков, капиталистического кредита, капиталистических организаторских кадров и гегемонии капиталистической идеологии в стране кооперативные организации крестьянской *массы* (даже *массы*) неизбежно «врастали» в капитализм, то совсем иное будет, совсем не туда будут «врастать» (и уже фактически «врастают») эти организации при *пролетарских* командных высотах, при пролетарской власти, банках, кредите, промышленности, кадрах, господствующей идеологии и т. д.

Этого не понял тов. Преображенский. Но и здесь у него есть своеобразная логика: «эксплоатации», «колониям» и т. д. вполне соответствует и идея «пожирания». Это опять совсем не из той оперы, не из ленинской оперы, тов. Преображенский!

3. КЛАССОВОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ ИЛИ КЛАССОВЫЙ СОЮЗ И КЛАССОВОЕ РУКОВОДСТВО.

Рассматривая соотношение сил в такой стране, как СССР, нужно понять, что диктатура пролетариата означает *одно* отношение между пролетариатом и буржуазией и *другое* отношение

между пролетариатом и крестьянством. Пролетариат *господствует* над буржуазией. Но пролетариат *руководит* крестьянством, используя при этом и свою концентрированную власть. Рабочий класс «*опирается*» на крестьянство, и поэтому его диктатуру нельзя рассматривать в ее отношении к крестьянству *по тому же типу*, что диктатуру буржуазии над пролетариатом. А именно так по сути вещей рассматривает дело тов. Преображенский.

Государство у нас в точном смысле не «рабоче-крестьянское», а рабочее. Но рабочее государство опирается на крестьян,— отношение очень своеобразное, и в этом своеобразии его нужно «теоретически схватить».

Как-раз этого своеобразия и не схватывает тов. Преображенский.

Весь его анализ построен на аналогии с периодом первоначального накопления капитала. Там был грабеж крестьян,— и здесь «эксплоатация». Там на основе этого грабежа утверждались предпосылки для расцвета нового порядка вещей, — и здесь закон соцалистического накопления требует аналогичных предпосылок. Там было катастрофически-быстрое «пожирание» старых форм,—и здесь то же самое. И т. д.

Словом, совсем как в самых порядочных семьях!

Но только на самом-то деле все обстоит не так просто и «мило», как изображает сие тов. Преображенский.

Мы до сих пор останавливались на этом вопросе с точки зрения анализа различных *хозяйственных форм*. А теперь мы поставим резко вопрос под углом зрения *классовых соотношений*.

Тов. Преображенский исходит из того, что он проводит аналогию между отношением рыцарей первоначального накопления к мелкому производителю и отношением к нему со стороны пролетариата.

Но разве это вообще не *чудовищная* аналогия? Опять-таки мы говорим это не из страха перед реальными фактами и их возможным «нехорошим» привкусом, а просто-напросто из желания хоть какой-нибудь близости к объективной действительности.

Мы кричим на все лады о рабоче-крестьянском союзе, блоке и т. д. Ведь, до сих пор *никто* не говорил против этого блока. Ведь, это как-будто считается *аксиомой* в наших рядах. Не так ли?

А где и когда в эпоху первоначального накопления капитала была речь *о блоке* между рыцарями этого накопления и их жертвами? Пусть кто-нибудь укажет хоть что-либо подобное.

Никто не укажет. Ибо указать нельзя. Ибо само предположение такого блока есть *абсурдное* предположение.

А рабоче-крестьянский блок у нас был, есть и, мы надеемся, будет *реальностью*.

Как же можно делать такие аналогии? Как же можно на их основе строить целые теории, а потом — мы увидим это ниже — определять линию экономической политики пролетарского государства?

И опять: и эта «аналогия» тов. Преображенского «увязана» с его вышеразобранными утверждениями. (Нетрудно видеть, что если бы партия прониклась такой «преображенской» идеологией, она разрушила бы основу своей собственной силы—рабоче-крестьянский блок).

Если уж искать аналогий в буржуазном обществе, аналогий с отношениями между рабочими и крестьянами, то нужно искать этих аналогий совсем не там, где их ищет тов. Преображенский. Постараемся найти их сами.

Сейчас у рабочего класса власть и промышленность; у крестьянина — фактически — земля и сельское хозяйство *); крестьянин — продавец с.-х. продуктов и покупатель продуктов промышленности; рабочий, в общем, наоборот. *Непосредственные* интересы сталкиваются именно по этой линии. Крестьянин к тому же — остаток старинного времени, хотя и громадный по своему удельному весу «остаток».

Это похоже вовсе не на отношение между рыцарями накопления и крестьянами. Это похоже на отношение между промышленной буржуазией и землевладельцами в определенный период развития их отношений, хотя, конечно, даже здесь аналогия *крайне* условна и идет далеко не по всем направлениям.

У буржуазии — власть и фабрики. У землевладельцев — земля. Противоречие интересов идет по линии цен. *Отсюда* их борьба, иногда, при определенных условиях, довольно острая. Но в то же время (мы говорим о периоде власти *буржуазии*) есть *блок*,

---

*) Хотя то обстоятельство, что земля юридически есть собственность рабочего государства, играет громадную роль.

союз капиталиста и помещика против рабочего класса. Буржуазия *руководит* этим блоком, буржуазия *опирается* на землевладельцев и поддерживается ими.

Какова же была за последнее время *эволюция* этих классов? Она заключалась в том, что через процессы обращения, через *банки*, через форму акционерных компаний и т. д. и те, и другие (т.-е. и промышленные капиталисты, и землевладельцы) в значительной мере стали превращаться в нечто единое, в получателей *дивиденда*. *Дивиденд* стал, так-сказать, синтезом прежде разнокалиберных видов дохода,—такова, по крайней мере, была (и есть) основная тенденция развития в разбираемой сфере отношений.

Нечто формально сходное будет происходить,—если брать широкие исторические масштабы,—и с рабоче-крестьянским блоком. По мере того, как через процесс обращения крестьянское хозяйство будет все более и более втягиваться в социалистическую орбиту, будут стираться классовые грани, которые потонут в бесклассовом обществе.

Разумеется, это — музыка будущего. Разумеется, на очереди дня стоят сейчас иные проблемы. Но нам нужно видеть перспективу, чтобы знать, куда мы хотим «гнуть» свою линию. И та перспектива, из которой исходит тов. Преображенский, в *корне* неправильна.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ «ПОЛИТИКА» ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО.

Из вышеприведенных теоретических соображений тов. Преображенский делает и соответствующие практически-политические выводы. «Установив», что неизбежно «пожирание» несчастных «третьих лиц», т.-е. обитателей «унутренних и унешних колоний», тов. Преображенский пишет:

№ 1. «Таким образом, мы подходим к третьему, не только возможному, но неизбежному в наших условиях случаю, т.-е. к политике цен, сознательно рассчитанной на эксплоатацию частного хозяйства во всех его видах» (стр. 79.)

Извиняясь перед читателем за последующие километрические выписки, мы все же вынуждены их сделать для того, чтобы добросовестно проследить ход мыслей тов. Преображенского.

Для удобства последующей критики обозначим отдельные положения автора специальными номерками, начиная с вышеприведенной цитаты.

№ 2. Стр. 59. «Во всяком случае мысль о том, что социалистическое хозяйство может развиваться само, не трогая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского, хозяйства, является, несомненно, реакционной мелкобуржуазной утопией. Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше *из еще большего* дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны».

№ 3. Стр. 69—70. «То, что будет отбито от частной торговли, при прочих равных условиях, будет завоевано в фонд государственного хозяйства. Я говорю: при прочих равных условиях, потому что здесь возможна торговая политика и не в интересах социалистического накопления, а в интересах мелкобуржуазных производителей, имеющая своей целью сокращение вычетов из их доходов. Целесообразна ли такая политика,—это вопрос другой (!). Экономически же она означает, несомненно, сокращение фонда социалистического накоплениия и подарок частному производству,—*подарок тем более тяжелый для государственного хозяйства, чем беднее это хозяйство капиталами, и чем менее выгодно для него занимать в филантропической (!) по своей доходности торговле часть тех капиталов, которых нехватает в самом производстве*» (курсив самого автора. *Н. Б.*).

№ 4. Стр. 99. «Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного хозяйства (конечно, *в пределах экономически возможного* и *ТЕХНИЧЕСКИ ДОСЯГАЕМОГО*), не только является сама орудием первоначального накопления, но и постоянным резервом этого накопления, так-сказать, потенциальным фондом государственного хозяйства» (курсив наш. *Н. Б.*).

Итак: 1) нужно вести политику высоких цен для эксплоатации крестьянского хозяйства (что важно с точки зрения социалистического накопления); 2) здесь нужно (№ 4) брать все то, что брать экономически возможно, и что можно технически достать; 3) под «экономически возможной» (в высшей степени неясное выражение) политикой необходимо, однако, разуметь такую по-

литику, которая никак не ставит своей целью брать меньше, чем брал капитализм; 4) такая политика была бы мелкобуржуазной, была бы подарком крестьянину, ущербом для промышленности, а вместе с нею и для дела социализма. Вот концепция тов. Преображенского в области «политики цен». «Бери дороже!»—вот вся премудрость, основывающаяся на «основном законе» тов. Преображенского.

Возьмем под критическую лупу эту премудрость преображенной тов. Преображенским «партийной» политики.

Присмотримся к цитате № 2 насчет мелкобуржуазной политики нашей партии (ибо всякий видит, что тов. Преображенский спускает с тетивы критическую стрелу своего анализа именно в действительную политику нашей партии). Мысль тов. Преображенского состоит здесь из двух положений. *Первое:* нельзя руководствоваться целью брать меньше, чем брал капитализм, *и второе:* мы будем брать *больше,* ибо доход крестьянина будет *больше,* а будет он больше потому, что его хозяйство будет более рациональным, а стало-быть, и более доходным.

Во втором положении тов. Преображенского есть много здравого смысла в хорошем значении этого слова. Но это второе положение противоречит всему остальному, является невольной данью ленинскому учению, данью, затерявшейся в горе антиленинских построений автора.

В самом деле. Если тов. Преображенский думает, что мы будем брать больше, ибо *доходы* крестьянского хозяйства будут больше («рационализация» и т. д.), то как же это примирить с теорией «пожирания»? Ведь, здесь вопиющее противоречие, и притом отнюдь не диалектическое, а совершенно плоское!

Что-либо одно из двух: или ведется линия «колониальная»—на эксплоатацию, на вытягивание всего «технически достижимого»; тогда мы будем иметь *хирение* крестьянского хозяйства, *падение* его дохода, исчезновение и *разрушение* крестьянского хозяйства, его «пожирание». Но тогда неоткуда появиться «большему доходу», «рационализации» и прочему, что в двух строчках обещает «милостивец» тов. Преображенский мелкобуржуазным производителям.

Или пролетарское государство *действительно* может больше получать на основе *растущей рационализации и растущей доход-*

ности крестьянского хозяйства. Это — действительно *правильная* политика. Но тогда все — или почти все — положения тов. Преображенского нужно перевернуть. Никакого «пожирания» мелкобуржуазных хозяйств не будет (само собою разумеется, что мы здесь говорим о главной массе середняцкого хозяйства, и что это не исключает частичного исчезновения мелких хозяйств в связи с выталкиванием избыточного населения в города и процессом пролетаризации, каковой будет происходить и при строе пролетарской диктатуры). Будет их *превращение*, их трансформация на кооперативной основе. Растущая доходность, растущая рационализация и т. д. будет в то же время означать и *втягивание этих хозяйств через кооперацию* в общую систему нашей социализирующейся экономики. Не на *изничтожение* нужно держать курс, а на *вовлечение* крестьянского хозяйства в систему госхозяйства.

Но если мы «больше будем брать» по *мере роста доходности*, то ясно, что нам отнюдь не безразличен вопрос о «*накоплении*» (мы берем этот термин в кавычки, так как это — специфический термин *капиталистической* экономики) в *крестьянском хозяйстве*. А если мы заинтересованы и в этом накоплении, то нам нельзя ограничиться лозунгом: «бери возможно больше». Тогда нам нельзя говорить о границе «выкачивания», как о «технически возможной». Тогда нельзя говорить о тяжелом для социализма «подарке» мелкой буржуазии. Тогда нам нельзя говорить о филантропии и прочем. И тогда нам нельзя формулировать и самую проблему так *грубо упрощенно*, как формулирует ее товарищ Преображенский.

В третьем № «положений» тов. Преображенский всю проблему сводит к проблеме арифметического сложения, вычитания, деления. *Разделить данное*, чтобы больше досталось пролетарской промышленности. *Вычесть* из крестьянского хозяйства. Нельзя вычесть *меньше*, ибо это значит *вычесть* у социалистической промышленности и *прибавить* к крестьянскому хозяйству, и т. д.

Но, ведь, все это — поистине *младенческая* «мудрость», а вовсе не пролетарская.

Ибо дело отнюдь не ограничивается проблемой *дележа* уже *данного* «национального дохода» между рабочим классом и крестьянством (в целях упрощения проблемы мы отвлекаемся здесь

от частного капитала). *Гвоздь* проблемы вовсе не здесь, не в этом. Вот чего никак не может понять тов. Преображенский.

Гвоздь проблемы заключается в *увеличении* «национального дохода», т.-е. в подъеме производительных сил, и притом в *такой форме, чтобы был обеспечен рост социалистических производственных отношений.*

А это такая проблема, которая вовсе не сводится к простой дележке данного запаса, к операциям сложения, вычитания, деления над *уже данными величинами.*

Ибо задача состоит в том, чтобы эту «данную величину» «национального дохода» постоянно *повышать*. Вот почему вопрос о «накоплении» в *социалистической промышленности* выступает неизбежно, как вопрос, связанный с проблемой «накопления» *в крестьянском хозяйстве*, которое образует *рынок* для промышленности и совокупность хозяйственных единиц, подлежащих втягиванию в государственное хозяйство и постепенной переработке.

Вопрос *о емкости внутреннего рынка* даже не поставлен тов. Преображенским. Между тем, это — центральный вопрос нашей экономики. Только в одном месте своей работы тов. Преображенский пишет:

«Препятствия, которые встречает на этом пути (т.-е. на пути тов. Преображенского. *Н. Б.*) государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в *слабой покупательной способности частного хозяйства*» (стр. 80. Курсив наш. *Н. Б.*).

И больше *ни слова*. А между тем, казалось бы, что именно над этим вопросом и следовало бы поразмыслить.

Если такое «препятствие» *налицо*, то можно ли не считаться с этим «препятствием»? Предположим, что мы, по желанию тов. Преображенского, не «делаем вычета» «из социалистической промышленности», не занимаемся «филантропией», а, несмотря на «препятствие», проводим «линию» тов. Преображенского, гнем ее «до победного конца». Что мы неизбежно получим? Сокращение спроса, кризис сбыта, застопорившийся процесс общественного воспроизводства, упадок промышленности и т. д. Другими словами, из «социалистически-пролетарской», «антифилантропической» и проч. позиции тов. Преображенского целиком

вытекает *подрыв и разорение социалистической промышленности и всего народного хозяйства в целом.*

Методологический корень ошибки тов. Преображенского весьма «на виду»: во-первых, он берет вопрос *в статике*, а не в *динамике* (дележ *данного*, а не *изменяющегося); во-вторых, он берет социалистическую промышленость *изолированно*, а не *в связи* с крестьянским хозяйством (вся «связь» у него—только в вычетах; он не понимает, что накопление в социалистической промышленности при большом удельном весе крестьянских хозяйств есть функция накопления в крестьянском хозяйстве).

Грубо говоря, тов. Преображенский предлагает пролетариату *зарезать* курицу, несущую золотые яйца, и исходит притом из того соображения, что кормить курицу — это значит заниматься филантропией. Замечательная хозяйственная сообразительность!

Но крестьянство — это для пролетариата *такая* «курица», которая должна превратиться *в человека*. И пролетариат этому должен, ради своего собственного дела, *всемерно помочь*. Не видеть этой цели значит быть своеобразным оппортунистом, не видящим основных революционных задач рабочего класса, значит — в данной связи — быть *нерасчетливым скопидомом, скрягой*, который боится выпустить в оборот копейку (как бы она не пропала!). Неправда, что нужно брать наибольшую цену. Нужно брать такую цену, которая обеспечивает не *на один хозяйственный год* возрастающий доход социалистической промышленности, стремясь постоянно к ее понижению. А такая политика цен не строится на основе примитивной формулы: бери все, что «технически достижимо». Это — вульгарное представление, которое никак не может быть положено в основу политики цен.

Тов. Преображенский в одном месте, сам чувствуя слабость своей позиции, говорит:

«(Я сознательно избегаю говорить: «на основании повышения цен», потому что обложение не только возможно при падающих ценах, но у нас оно как-раз будет происходить именно при падающих или неизменных ценах; это возможно потому, что при удешевлении себестоимости продуктов снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления)» (стр. 80).

Но и это сиротливо притаившееся у тов. Преображенского в скобках местечко, «смягчающее» «промышленный» задор автора, тоже не спасает дела.

Ну, скажите, пожалуйста, не чудовищна ли сама по себе такая «уступка» со стороны тов. Преображенского: «Я сознательно избегаю говорить: «на основании *повышения* цен»?

Еще бы! Вряд ли нашелся бы хоть один смельчак, который ставил бы себе задачу все время *повышать* цены, из года в год и из месяца в месяц. Вряд ли кто мог бы выступить в защиту такого милого строя, который открыто писал бы на своем знамени этакую цель. И вряд ли нашлись бы дураки, которые этакий порядочек бы терпели. Так что *такая* декларация тов. Преображенского производит, ей-ей, странное впечатление.

Но тов. Преображенский рисует перспективу падающих *или неизменных* цен. Мы же говорим: нужно всемерно стремиться к тому, *чтобы цены падали*, чтобы у нас был *исключен* экономический застой, и что *таким* образом в общем итоге дело социализма *выиграет*, ибо будет гораздо более быстрый темп накопления во всей стране и особенно быстрый темп накопления в социалистической промышленности, действительно имеющей возможность получать добавочную прибыль и опираться на громадную концентрированную мощь всего государственного аппарата в целом.

Два слова о путях к социализму и «филантропии». Ленин сказал:

«Собственно говоря, осталось «*только*» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации, и наладить это участие. «*Только*» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму... Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас» («О кооперации»).

И несколько раньше:

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса... Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный» (там же).

Приводить из Ленина цитаты, где он говорит о том, что мы должны стремиться показать крестьянину большую дешевизну на-

шего производства по сравнению с капиталистическим, излишне.

Между системой взглядов, развитых тов. Преображенским, с одной стороны, и ленинским учением о *хозяйственном блоке рабочих и крестьян* — «дистанция огромного размера», как видит всякий непредубежденный читатель. Пора нам, действительно, понять, что нужно поменьше «мудрствований и выкрутас» и побольше ленинской *мудрости*, которая проста, как просто все великое, но проста особой простотой, которую нужно видеть и прочувствовать до конца.

5. МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ ПАРАЗИТИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД?

Вопрос о политике цен имеет очень крупное значение и с другой общей точки зрения. А именно, всякая монополия таит в себе некое консервативное начало. Совершенно верно отмечает тов. Преображенский, что нельзя проходить *мимо* того основного факта, что социалистическая промышленность строится на развалинах *монополистического* капитализма. Точно так же справедливо положение тов. Преображенского о том, что эта монополистическая структура при господстве пролетариата получает свое дальнейшее *развитие*, и что поэтому в руках у пролетариата концентрируется громадной мощности экономический кулак.

Все это верно, и даже настолько верно, что является истиной, всем известной. Но вот что позабывает тов. Преображенский, вот что он *проглядел:* монополистический капитализм имел и имеет в себе самом зародыш, который *тормозил и тормозит* развитие производительных сил. Движущим мотивом капитализма является *прибыль*. Развитие производительных сил в капиталистическом обществе шло *через механизм конкуренции*. Ибо любой капиталист, вводивший технические улучшения и т. д., получал добавочную прибыль («дифференциальную прибыль»). Конкуренция тащила других *сюда же*, борьба шла на новой основе, «передовые» капиталисты вводили еще большие новшества, развертывали еще более массовое производство, и т. д. *Средством борьбы* были *ДЕШОВЫЕ ЦЕНЫ*, что и являлось рыночным выражением роста производительных сил. В этом заключалась, между прочим, одна из главных исторически прогрессивных сторон капитализма по сравнению со всеми докапиталистиче-

скими способами производства. Когда капиталистическое раз витие замыкает свой предначертанный историей круг, оно приводит к *монопольно*-капиталистическим формам. «Жало конкуренции» в значительной мере исчезает. Прибыль *обеспечена* монопольной формой. Нечего спешить. Нечего двигать производство дальше тем же бешеным темпом. Ибо гарантирована добавочная, *картельная сверхприбыль*.

Правда, *международная* конкуренция не дает успокоиться. Но ее действие внутри страны парализуется высокими таможенными пошлинами. Вот почему налицо элементы так-называемого «загнивания».

Посмотрите теперь на наше положение. Вот что пишет о нем тов. Преображенский. Утверждая, что мы должны вести политику, «сознательно рассчитанную на эксплоатацию частного хозяйства во всех его видах», автор продолжает:

«Такая политика возможна, потому что государственное хозяйство пролетариата возникает исторически на базисе монополистического капитализма. Последний же, в результате ликвидации свободной конкуренции, приводит к созданию монопольных цен на внутреннем рынке на продукты собственной промышленности, получает добавочную прибыль вследствие эксплоатации мелкого производства и тем *подготовляет почву для политики цен периода первоначального социалистического накопления*. Но сосредоточение всей крупной промышленности страны в руках единого треста, т.-е. в руках рабочего государства, *в огромной степени увеличивает возможности проведения на основе монополии такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения частного хозяйства*». Далее идет место о «препятствиях», в том числе о слабости внутреннего рынка, которое мы цитировали в предыдущем изложении (см. стр. 79—80, курс. наш. *Н. Б.*)

Хорошо. Что же у нас получается?

Монополистская тенденция *увеличена*.

Возможность получать «на готовенькое» добавочную прибыль *увеличена*.

Это факты. Но не вытекает ли из этого *увеличенная опасность паразитического загнивания и застоя*? И что является гарантией *против* этого застоя?

Вот над этой проблемой, проблемой громаднейшей, мы оы сказали: *исключительной* важности проблемой, нужно было бы подумать тов. Преображенскому. И если бы он над этой проблемой подумал, он бы заново перестроил всю свою теорию первоначального социалистического накопления.

Конкуренции у нас нет. Гарантированная прибыль не поступает в распоряжение частных лиц. Хозяйственники—кадр пролетарских борцов, но они тоже подвергнуты человеческим слабостям и могут соскользнуть на положение *покоя*, вместо беспокойства, тревоги и заботы о движении к коммунизму. Что же толкает наше производство вперед? Что? Где стимул, который *ЗАСТАВЛЯЕТ* (именно заставляет) двигаться вперед, *гарантирует* это движение вперед, заменяет частнохозяйственный стимул прибыли, идущей в пользу частного владельца предприятия? Где *своеобразная* механика в экономике нашей переходной эпохи?

Мы утверждаем, что гарантия лежит *в давлении широких масс*, прежде всего—*рабочих*, а затем и крестьянских масс. Несмотря на то, что у нас сохранилась пока капиталистическая форма «прибыли», что у нас все расчеты и калькуляция проходят в этих формах, все же *рычаги движения вперед у нас иные*. Мы сами, т.-е. руководящие круги в стране, т.-е. партия в первую голову, выражаем и отражаем («регулируя», «контролируя», «поправляя» и т. д.) этот рост потребностей *массы*. Другими словами, несмотря на существование рынка и капиталистические *формы* нашего госхозяйства, мы *уже* начинаем переходить от типа хозяйства, руководствующегося *прибылью*, к типу хозяйства, руководствующемуся *покрытием потребностей масс* (а это есть *один* из признаков социалистического хозяйства).

Это отнюдь не означает, что у нас при *этом* типе отношений, накопление должно итти медленнее. Наоборот (и это нужно подчеркнуть *из всех сил!*): именно нотому, что нам нужно ставить своей задачей покрытие потребностей, именно потому, что будет все расти *давление* этих потребностей, именно *поэтому* руководящие круги нашей промышленности и государство в целом будут вынуждены улучшать всеми мерами производство, расширять его, делать его *более дешовым*. *В этом* заключена гарантия нашего роста. Конечно, на это могут сказать, в особенности под влиянием ряда трудностей возникающих на пути

что мы идем по линии «против хозяйственников». Но это было бы вздором. Мы уже упоминали о необходимости «регулирования», «контролирования» etc. «давления потребностей». Но, смотря на весь процесс объективно-историчееки, нельзя не признать, что *именно здесь* лежит основной рычаг нашего хозяйственного прогресса.

Возвращаясь к политике цен в *этой* связи различных проблем, мы придем к такой постановке *вопроса:*

1. *Мы ведем политику повышающихся цен,* используя свое монопольное положение. С данной точки зрения ясно, что это—максимальное выражение паразитического загнивания монопольного хозяйства.

2. *Мы ориентируемся на неизменные цены.* Это будет «нормальным» загниванием, хозяйственным застоем, до крайности медленным накоплением в стране, хозяйственным прозябанием.

3. *Мы ориентируемся на все более низкие цены.* Это будет выражением роста производительных сил, расширения производства и т. д. Это будет выражением *движения вперед,* т.-е. в наших условиях движением к социализму, и притом движением с максимально быстрым темпом накопления.

Здесь нужно избежать того, чтобы дать повод к неправильным возражениям.

Во-первых, нужно иметь в виду, что, как правильно указал сам тов. Преображенский, и при *понижающихся* ценах на продукты нашей госпромышленности мы можем получать *добавочную* «прибыль» за счет мелкобуржуазного хозяйства; весь вопрос как-раз и состоит в том, должны ли мы, имея в кармане гарантированную монопольную прибыль, успокоиться, или итти *вперед;* а итти вперед быстрым темпом *нельзя,* не понижая цен, не развивая производительных сил и т. д.

Во-вторых, было бы вздорным с нашей стороны *отказываться от использования* нашего монопольного положения; но мы должны это использование вводить в такие рамки, чтобы не сокращать, а увеличивать емкость внутреннего рынка,—это раз; затем, всякий прирост мы должны употреблять так, чтобы от этого получалось расширение производственного поля, удешевление производства, снижение себестоимости и, следовательно, более дешовые цены в каждом последующем цикле производства.

Или иначе:

По Преображенскому дело обстоит так:

Мы должны обеспечить возможность «на основе монополии *такой политики цен, которая будет лишь другой формой налогового обложения* (при чем налоги-то остаются, и у тов. Преображенского речь идет отнюдь не о замене открытых налогов скрытой их формой. *Н. Б.*). *Препятствия*... заключаются прежде всего в слабой покупательной способности» и т. д.

По-нашему же дело обстоит совсем не так, а именно: Мы должны ориентироваться *на возможно более низкие цены*, удовлетворяющие массы и т. д. Но *препятствием* этому служит дороговизна нашего производства, высокая себестоимость и т. д. *Поэтому* мы должны делать все, чтобы эту себестоимость снизить.

Нетрудно видеть всю принципиальную разницу между позицией тов. Преображенского и нашей. Нетрудно также видеть, что политика тов. Преображенского в своем развернутом виде приводит к позиции *монополистического паразитизма*.

Если теперь снова вспомнить все, что говорилось выше об «эксплоатации», «колониях», «пожирании» и т. д., то опять-таки нетрудно констатировать, что все эти теоретические положения *увязаны* у тов. Преображенского с теорией, мы бы сказали, «монополистического самодовольства», которая грозит превратиться в теорию *«монополистического паразитизма»:* «аналогия» с «загнивающим» капитализмом была бы полная, но от этой «аналогии» вряд ли поздоровится «социалистическому накоплению»! [1]).

[1]) Мы не можем здесь входить в подробный анализ одного общего теоретического положения тов. Преображенского, где он (Преображенский) изображает процесс социалистического накопления, как борьбу двух законов: закона социалистического накопления и закона ценности. По мнению тов. Преображенского, закон социалистического накопления частью парализует, частью «отменяет» закон ценности, который в данный период отходит совершенно на задний план.

Здесь мы заметим лишь следующее: добавочная «прибыль» высоких хозяйственных комплексов получается: 1) из того факта, что индивидуальная себестоимость здесь ниже общественной, т.-е. на основе закона ценности; 2) из факта монополии. Если рассматривать большой промежуток времени, то не трудно увидеть, что первый закон выражает и опирается на *развитие* производительных сил, тогда как второй более или менее связан с консервативными тенденциями в том смысле, о котором мы говорили в тексте. С другой стороны, закон ценности, который в неорганизованном обществе есть и закон распределения общественного труда, является определенной

6. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКИЙ БЛОК ПОД ПОЛИТИЧЕСКИМ УГЛОМ ЗРЕНИЯ И ПОЗИЦИЯ ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО.

Из предыдущего вытекает, что позиция тов. Преображенского угрожает блоку рабочих и крестьян, блоку, на котором строилась и строится вся позиция ортодоксального большевизма. Ибо нетрудно понять, что в тот период, когда рабочий класс стоит у власти, его политическая гегемония, его политическое руководство не может быть прочным, если под него не подведен базис *хозяйственной гегемонии*. А эта хозяйственная гегемония не может быть осуществлена иначе, как приспособлением промышленности к крестьянскому рынку, постепенным овладеванием этим рынком, внедрением новых методов в сельскохозяйственное производство благодаря помощи индустрии, постепенным вовлечением крестьянства в кооперативную сеть и, наконец, подведением нового технического фундамента (электрификация) по мере роста социалистического накопления.

Та политика, которую предлагает тов. Преображенский, означает разрыв рабоче-крестьянского блока, или, по крайней мере, его сильный *подрыв*.

При этом чрезвычайно характерно, что тов. Преображенский как-то совершенно в духе старых «экономистов» резко отделяет экономику от политики, точно политика — это не «концентрированная экономика», а некая «вещь в себе», от которой можно отвлечься, и без которой можно «делать дела» в духе «социалистического накопления».

Мы помним, как мало тов. Преображенский остановился на значении основного «препятствия» для своей политики, на вопросе о емкости внутреннего рынка. Теперь добавим, что вслед за этим упоминанием мы находим у него такое место:

границей для монополии. Ибо есть объективная граница в распределении производительных сил; если эта граница перейдена, неизбежен резкий кризис. Наконец, универсальная «монополия», т.-е. всеобщая организация общества, превращает стихийный закон ценности в плановой сознательный «закон» экономической политики, закон рационального распределения производительных сил. Таким образом, дело обстоит гораздо сложнее, чем у тов. Преображенского.

«Я не говорю здесь, наконец, о затруднениях политического свойства, вытекающих из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства...» (стр. 80).

И он сдерживает свое обещанис: больше не говорит.

Впрочем, есть все же одно место в его работе, которое отражает всю непродуманность и эклектичность построений тов. Преображенского.

«Играя» своими аналогиями («играя» всерьез), тов. Преображенский, между прочим, пишет:

«Что касается колониального грабежа, то социалистическое государство, проводящее политику равноправия национальностей и добровольного вхождения их в то или иное национальное объединение, принципиально отвергает все насильственные методы в этой области. Этот источник первоначального накопления для него с самого начала и навсегда закрыт.

«Совсем иначе обстоит дело с эксплоатацией в пользу социализма всех досоциалистических экономических форм. Обложение (их. *Н. Б.*)... должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз». (Стр. 58.)

Мы не будем останавливаться на целом ряде мелких противоречий, которые есть у автора по данному вопросу. Мы возьмем быка за рога. Мы спросим у тов. Преображенского, почему же *в этом* случае (с национальностями) *политический* мотив («политика равноправия») заставляет автора подправить (впрочем, только на одной странице, ибо на других говорится не совсем то) свой «основной закон», тогда как в «случае» с рабоче-крестьянским блоком автор ограничивается заявлением: «*Я не говорю*... о затруднениях политического свойства»? Ведь, это беспринципность, непоследовательность, неумение свести концы с концами!

Это все тем более странно, что вопрос об экономической политике и политике вообще в *бывших (бывших*, тов. Преображенский!) колониях есть лишь *усложненный*, несколько измененный, вопрос *об отношении рабочего класса к крестьянству вообще!* Ведь, эта истина, казалось бы, достаточно разжевана в литературе, в решениях конгрессов и съездов. Но вот поди ж ты! И такие товарищи, как Преображенский, спотыкаются на «эфтом месте», хотя оно, это место, приведено в весьма добропорядочное состояние.

Несколько комично разбирать аргументацию тов. Преображенского по существу. Ну, возьмем только для примера его положение о недопустимости «колониального грабежа» «по случаю» национального вопроса. А такие штуки, как законы «об огораживании» (конечно, не в прямом смысле слова), «допустимы» там, где *нет* «национального вопроса»? А если нет, то почему?

Стоит только поставить этот, один единственный вопрос, чтобы увидеть всю фальшь «преображенской» линии.

Эта линия противоречит *основам политики рабоче-крестьянского блока.*

Линия же на этот блок есть *существо* всей политики переходного периода. Ибо для переходного периода характернейшей чертой является в основном двухклассовое общество, где проблема города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, крупного и мелкого производства, рационального плана и анархического рынка и т. д., и т. п. выражает главную *классовую* проблему, проблему соотношения между рабочим классом и крестьянством. *Оторвать* экономику от политики, да еще по всему фронту, увертываться от этой политики — это значит не понимать проблемы *в ее целом*, не видеть ее исторического смысла, упускать *основное*, от чего нельзя скрыться, улизнуть, спрятаться.

Или мы в переходный период ориентируемся на блок рабочих и крестьян под руководством пролетариата, — тогда эта линия должна быть основным принципом нашей деятельности всюду и везде.

Или это для нас — «красное словцо». Тогда мы можем допустить те «вольности дворянства», которые намечает тов. Преображенский. Но тогда мы должны ясно видеть, что это идет *против рабоче-крестьянского блока*, что здесь *иная*, не ленинская, оценка движущих сил революции, что здесь в основе иное представление о ходе всего революционного процесса.

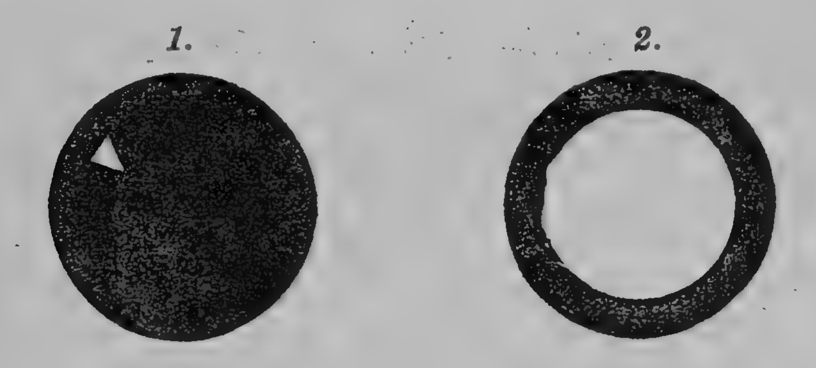
И тогда нужно *выбирать*.

Нам нечего доказывать, *каков* должен быть наш выбор. Ибо ленинизм подтвержден не только логическими аргументами, хотя бы и самыми совершенными, но и опытом трех революций, по меньшей мере.

7. «ЗАКОН» ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО В ЦЕЛОМ.

Нам хотелось бы сказать теперь несколько слов по поводу общей формулировки «закона». Прежде всего, необходимо отметить путаницу в самом содержании этого «закона»,—путаницу, которая на первый взгляд скрыта, не видна, спрятана.

Представим себе два типа стран: промышленная страна с незначительным крестьянско-аграрным привеском и страна крестьянская со слабой индустрией. Для ясности изобразим дело графически:

Белая часть—крестьянское хозяйство.

Черная —промышленность и крупное сельское хозяйство, которое переходит к пролетариату.

После социалистического переворота черная часть (промышленность и крупное сельское хозяйство) попадает в руки пролетариата. Когда начинается процесс накопления, то немудрено, что в первом случае «удельный вес» прибавочного труда промышленности будет иметь большее значение для социалистического накопления, а во втором — неизмеримо меньшее. Но это положение является поистине трюизмом, ибо это—только другое выражение того факта, что в первом случае «удельный вес» *промышленности* гораздо больше, чем во втором.

Однако, тов. Преображенский на-ряду с этим ставит *другое* положение и связывает его *вместе* с «трюизмом», что *неверно*, ибо не всегда обязательно. А именно, тов. Преображенский говорит об эквивалентности или, вернее, о *неэквивалентности обмена* между городом и деревней, при чем выходит, будто, чем больше удельный вес крестьянского хозяйства, тем менее экви-

валентен должен быть обмен, и наоборот. Однако, это, как упомянуто, вовсе не обязательно. Пусть перед нами высоко развитый хозяйственный комплекс. Пусть, следовательно, крестьянское хозяйство в нем — совершенно незначительная величина (доминирует крупное с.-хоз. производство и концентрированная промышленность). Значит ли это, что удельный вес прибавочного труда, идущего с крестьянства в фонд социалистического накопления, велик? Нет, он ничтожен. Но значит ли это, что здесь обязательно имеется эквивалентный обмен? Ничуть. Ибо как-раз *неэквивалентность* может быть *очень* велика в *силу громадной разницы в технико-экономической структуре.* Даже при весьма *дешовой* цене (самой по себе) продуктов промышленности крестьянин будет получать неполный эквивалент, ибо его индивидуальные издержки на единицу хлеба будут *гораздо выше* издержек в *крупном* сельском хозяйстве, и потому неизбежно расхождение трудовых ценностей при обмене, если даже считать по «двум системам», как считает здесь тов. Преображенский.

Вопрос, таким образом, не так уж прост, как он выглядит у тов. Преображенского.

Чтобы ближе присмотреться к «закону», мы должны сперва проанализировать, что же, в сущности, понимает тов. Преображенский под «социалистическим накоплением» и т. д. Послушаем самого автора:

«*Социалистическим* накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, *главным образом, из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства* (этот курсив наш. *Н. Б.*) Это накопление в остальной крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда... это (т.-е. государственное. *Н. Б.)* хозяйство получит, наконец, чисто-экономическое преобладание над капитализмом. ...Накопление первым способом, т.-е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом *первоначаль-*

ного или предварительного социалистического накопления... Основным законом нашего советского хозяйства как-раз и является *закон первоначального или предварительного* (наш курсив. *Н. Б.*) социалистического накопления. Этому закону подчинены все основные процессы экономической розни в круге государственного хозяйства. Этот закон, с другой стороны, изменяет и частью ликвидирует закон стоимости... Следовательно, *мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве* ***ЗАКОН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ*** (курсив автора; двойной курсив наш. *Н. Б.*).

Сперва отметим ряд мелочей. Во-первых, *к капиталу* нельзя прикладывать *продукт;* во-вторых, накоплением называется присоединение не только добавочного *основного* капитала (а превращенное в капитал сырье?); в-третьих, нельзя противопоставлять («не», «а») «добавочное распределение среди агентов соц. производства» «расширенному воспроизводству»: если, напр., в процесс производства вступают новые рабочие, это *есть* расширение производства. Но все это, конечно, сравнительные мелочи.

Существенно серьезнее обстоит дело, когда мы перейдем к основным «определениям» тов. Преображенского.

Он резко *разделяет* два понятия: понятие социалистического накопления и понятие *первоначального* социалистического накопления. Он прямо говорит: «*социалистическим* накоплением» называется то-то и то-то. «*НАОБОРОТ*, *первоначальным* социалистическим накоплением» называется то-то и то-то.

Соответственно этому он говорит о законе *первоначального* социалистического накопления. Но каково же будет наше удивление, когда мы увидим, что вслед за этим, буквально через несколько строк, словечко «первоначальный» выпадает! И каково же будет наше удивление дальше, когда мы узрим, что в основной формулировке основного закона (той, что мы приводили выше) это слово *тоже* исчезает! Там сказано:

«Основной закон социалистического накопления является центральной движущей пружиной всего советского государственного хозяйства. Но, вероятно, этот закон имеет универсальное значение» (стр. 92; далее следует «формула»).

Итак, скажите же, ради бога, *о каком* законе идет речь?

Читатель, может-быть, думает, что здесь случайная обмолвка, и что на все это не следует обращать внимания: мало ли с кем грех случается при спешной работе! Мы, однако, позволим себе поискать некоторых *корней* этой явной неразберихи.

Как мы видели, период первоначального накопления определяется как период, *главным образом*, эксплоатации частного хозяйства; длится он, как подчеркивает тов. Преображенский, пока госхозяйство *не «получит, наконец, чисто-экономического преобладания над капитализмом»*.

Здесь нам дано: 1) материально-экономическое *содержание* процесса; 2) его исторические *границы*.

Попробуем теперь рассмотреть эти положения.

Казалось бы, раз тов. Преображенский говорит об основных законах и т. д., то можно было бы предположить, что речь идет о капитализме *той самой страны*, где пролетариат захватил власть.

Тогда «преобладание» («командные высоты») обеспечено довольно быстро. Это *есть* «экономическое преобладание над капитализмом», которое можно при неправильной политике *утерять*. Но оно есть, ибо в руках у пролетариата при восходящей кривой производительных сил имеется *закон крупного производства*.

Если это так, тогда, как это совершенно очевидно, не может быть дана та формулировка основного закона, которую дает тов. Преображенский. Ибо эта формулировка рассчитана на *гораздо более длительный период*.

Но предположим, что речь идет о капитализме других стран, более прогрессивных технически.

Тогда совершенно ясно, что *«первоначальное* накопление» вообще сливается с накоплением. Ибо, напр., пока в СССР мы дойдем до американского уровня, уйдет очень много времени. И все это будет значиться в графе *первоначального* накопления! Это «первоначалие» становится, таким образом, поистине перманентным!

Вот здесь зарыта собака. Тов. Преображенский незаметно превращает *первоначальное* социалистическое накопление в просто социалистическое накопление. Параллельно идет превращение закона из *«первоначального» в просто* закон. А все сие

нужно для того, чтобы политику того периода, когда *промышленность жила за счет крестьянства, растянуть вплоть до электрификации.*

Таким образом, и в этих чудесных превращениях есть *та же самая логика,* какую мы обнаружили на всех предыдущих стадиях нашего анализа. Это есть логика неправильного понимания тех взаимоотношений, которые должны складываться между пролетариатом и крестьянством, и как политически связанными классами, и как классовыми носителями определенных хозяйственных форм. Стержень у тов. Преображенского есть и здесь. Беда только в том, что этот стержень гнилой.

* * *

Читатель, привыкший иметь дело с анализом различных идеологических оттенков, сразу распознает здесь цеховую идеологию, которой «нет дела» до других классов, которую не заботит основная проблема пролетарской политики, проблема рабоче-крестьянского блока и пролетарской гегемонии в этом блоке. Один шажок в сторону в том же направлении, и тогда у нас полностью дана полуменьшевистская идеология законченных трэд-юнионистов российского образца: наплевать на деревенщину, больше концессий иностранному капиталу, ни копейки на кооперативные бредни и аграрщину, усиленный нажим на крестьянство во славу «пролетариата» и т. д. *Сюда* «растет» эта идеология. И совершенно понятно, если подавляющая масса членов партии отвергает — и притом в очень резкой форме — такие или родственные «теории». Эти «теории» могут *погубить* (если бы только они имели шанс на «овладение» массами, чего, к счастью, нет и чего не будет) рабоче-крестьянский блок, ту гранитную основу, на которой построено рабочее государство, наш Советский Союз.

ТЕОРИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ *).

Вопрос о перманентной революции есть вопрос об *общей оценке хода нашей революции*, вопрос о соотношениях между основными *классами* нашего общества, об *изменениях* в соотношении общественных сил в ходе революции и, следовательно, о тех выводах, которые мы должны сделать из соответствующего теоретического анализа.

Теперешняя стадия нашей дискуссии, та форма, в которой она ведется в настоящее время, и объем тех вопросов, которые сейчас разбираются внутри нашей партийной организации, отличаются от прошлогодней постановки вопроса: основное отличие нашей теперешней дискуссии заключается в том, что отдельные проблемы, стоявшие перед нами в прошлом году, отчасти стоящие перед нами и теперь, все эти отдельные проблемы увязываются в основной вопрос, вопрос о понимании нашей революции *в ее целом*. И вот в этом заключается практическая сущность теоретических споров относительно перманентной революции.

Момент, который переживает теперь наша страна,—это особый момент. Мы находимся сейчас на историческом переломе. Этот последний не похож на те исторические переломы, которые уже переживала наша революция. Но он от этого не перестает быть определенным историческим переломом. Сущность всякого *внутреннего* перелома в нашей стране,—а внутренние переломы, конечно, стоят в связи с внешней обстановкой, — состоит *в изменении соотношений между основными классами нашего общества*, рабочим классом и крестьянством. Так было и так будет еще очень долгое время. Тот перелом, который сейчас у нас намечается, также коренится в изменении соотношения между

*) Данная статья представляет обработку стенограммы доклада, прочитанного 13 декабря на собрании пропагандистов московской организации.

рабочим классом и крестьянством. Мы затронули этот пункт только для того, чтобы показать следующее: если наша страна находится на известном переломе, если этот перелом требует от нашей партии ответа на вопрос о новом соотношении между рабочим классом и крестьянством, то совершенно естественно, что «теория перманентной революции», которая в первую очередь «трогает» *этот* вопрос, *не может не быть связана с практикой текущего дня;* и в этом смысле постановка на очередь теоретической дискуссии о перманентной революции отражает практическую, злободневную потребность в том, чтобы еще и еще раз посмотреть на основное соотношение между классами нашего общества, исходя из ленинского понимания этого соотношения между классами, в *новой*, своеобразной обстановке, когда эти соотношения сложились *иначе*, чем они складывались раньше; эта дискуссия отражает и выражает необходимую потребность в том, чтобы найти правильный ответ, исходя из общих основ учения тов. Ленина о рабоче-крестьянском блоке, на новые вопросы нашей «большой политики». Вот почему мы говорили и говорим, что наша теоретическая дискуссия имеет непосредственное, злободневное, практическое значение. Переходим теперь, после этого коротенького введения, к существу разногласий с тов. Троцким.

Разногласия с тов. Троцким у большинства партии были значительные не только в течение дооктябрьского периода, но, как это всем известно, и на протяжении после октябрьского периода. И вот сейчас все эти разногласия получили общетеоретическое освещение. Последние литературные работы тов. Троцкого, а также письмо, которое было выпущено с послесловием тов. Ольминского, по существу дела (в скобках заметим, что мы совершенно отвлекаемся от всяких личных оценок, всяких личных симпатий и антипатий, привязанностей или неприязней и говорим исключительно лишь о *политической линии)* осветили как бы громадным прожектором сущность отдельных и частных споров, несогласий, столкновений большинства нашей партии и тов. Троцкого. Из письма тов. Троцкого все увидели, что в вопросе об *основных движущих силах русской революции* и — в пределах этого общего вопроса — о соотношении между пролетариатом и крестьянством есть большое различие между позицией тов. Троцкого и позицией нашей партии в целом. И вот

это обстоятельство объединяет все отдельные частные ошибки тов. Троцкого; оно связывает их в некоторый общий узел, и узел этот завязывается именно в теорию перманентной революции. Это мы и постараемся доказать в дальнейшем изложении.

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА ТРОЦКИЗМА И ЛЕНИНСКАЯ ДИАЛЕКТИКА.

Если мы посмотрим на целый ряд ошибок, которые тов. Троцкий делал (и многие из нас вместе с ним делали), если мы добросовестно захотим посмотреть, что *общее* лежит во всех этих ошибках, то это общее можно определить как *формально-рационалистический*, литераторский подход к вопросам нашей общественной жизни; не *жизненно-диалектический*, который отличает большевизм, а *формально-логический*, который отличает и отличал специфическую позицию тов. Троцкого на всем протяжении нашей революции.

Тов. Ленин никогда не отказывался «докапываться до корней» любой политической ошибки, если нужно было — в силу потребностей момента — вскрыть ошибку, чтобы ее убить. Недаром в споре о профсоюзах и об их задачах он посвятил ряд страниц *диалектике*, дав целую серию блестящих и поразительно метких определений. Недаром он настаивал в последние дни своей жизни на необходимости «учиться диалектике». Теперь, когда разногласия с тов. Троцким выстраиваются в один ряд, в одну шеренгу; когда нам нетрудно заметить, что ошибки тов. Троцкого (и прошлые ошибки многих из нас) имеют особые, специфические черты, особый *тип*,—нужно вскрыть эти ошибки вплоть до их *методологических корней*. Тогда разница между ленинизмом и троцкизмом выяснится до конца.

В чем сила ленинской диалектики и той политики, которую партия проводила на основании ленинской диалектики? В чем сила ленинского учения, в чем основа того гениального мастерства, с которым Ленин разбирался на всем протяжении нашей революции в ее бурных событиях, в ее приливах и отливах? Можно было бы по этому поводу сказать, что у тов. Ленина, наряду с гениальным провидением великих исторических перспектив, были три черты, которые являются выражением этого мастерского овладения марксистской диалектикой со стороны Ленина: это, во-первых, величайшее умение в первую очередь находить

своеобразное в каждой отдельной обстановке, видеть *оригинальное, отдельное, неповторяемое* в каждой исторической полосе, в каждом историческом моменте; во-вторых, умение видеть *переходы от одного положения к другому*, видеть, как одна историческая полоса переходит в другую историческую полосу, как одна ситуация, одна конъюнктура переходит в другую; наконец, в-третьих, — что вытекает из этих двух основных черт, — величайшее *умение выделить на каждой исторической полосе* (в «текущем моменте», как мы говорим на своем политическом жаргоне) то *основное звено, за которое нужно «ухватиться»*.

Тов. Ленина нужно, вообще говоря, мерить совершенно иными масштабами, чем обыкновенных — и даже не совсем обыкновенных — революционеров. Обычно, когда мы говорим о каком-нибудь течении в социализме или «социализме» в кавычках, мы всегда говорим довольно общими формулами: вот «социал-демократическая», «оппортунистическая» точка зрения, а это—«революционная точка зрения»; и того, у кого «революционная» точка зрения, мы называем обычно «хорошим революционером». Это есть обычное представление. Но *этот* масштаб, *этот* критерий, *этакая* оценка и *этакий* подход к ленинскому учению совершенно неприложимы, потому что смешно по отношению к тов. Ленину, как выразителю целого учения, которое в высокой степени развивает марксизм, подходить с таким критерием. Общая революционная постановка вопроса для ленинизма есть нечто само собою подразумевающееся. Совершенно *не это* важно. Это есть такая вещь, о которой нелепо спорить, и глупо подходить с этой точки зрения к тому учению, которое было формулировано тов. Лениным,—настолько это *само собою подразумевается*, настолько это является азбучным с точки зрения тех постановок вопроса, которым учил нас тов. Ленин. *Не это*, повторяем, характерно, а характерно то, что тов. Ленин с точки зрения не только *общих* перспектив, но и в *пределах* этих общих перспектив всегда улавливал вот это *оригинальное*, этот *переход* от одной конъюнктуры к другой и всегда с необычайной верностью, с исключительным умением находил то звено, за которое нужно было вытягивать колесницу нашей революции на правильный путь. Вот с *этой* точки зрения, вот *этим* масштабом можно мерить тов. Ленина и с *этим* масштабом нужно подходить к политике нашей партии, потому что политика нашей партии есть

политика ленинской партии, которая была воспитана Владимиром Ильичем, который ее строил, который ее складывал и который ее вел на протяжении десятков лет, в течение всей героической полосы в истории нашего рабочего движения. Однако, если мы с точки зрения *этих* критериев подойдем к ошибкам тов. Троцкого или к тому особому и специфическому, что есть у тов. Троцкого, то мы увидим, как троцкизм тотчас же дает осечку. Он *не дорос* по сути дела до тех масштабов, которыми можно и нужно мерить политику большевистской партии. Многих из нас очень привлекало,—а отчасти привлекает и теперь,—то блестящее уменье выставлять какую-нибудь большую перспективу, которая на первый взгляд крайне революционна, на что такой большой мастер тов. Троцкий. Но это все укладывается в масштабе более *низкого* порядка, здесь выигрыш лишь по сравнению с социал-демократией, которая погрязла в грехах оппортунизма, которой нет дела до революции, ибо она, социал-демократия, контр-революционна. Блестящие общие революционные перспективы, на которые такой большой мастер тов. Троцкий, они импонируют. Если *этим* масштабом мерить, то, конечно, все плюсы будут на стороне тов. Троцкого. Но это есть *«азы»* с точки зрения *ленинизма*. А вот, если подойти с *ленинским* масштабом к позиции тов. Троцкого, т.-е., если подойти с вопросом: ну, хорошо, а как поступить в каждый данный момент? как нужно проанализировать каждую конкретную полосу в ходе развития этой блестящей перспективы? и что нужно практически сделать для того, чтобы не на бумаге, а на деле эту перспективу осуществить? и какой *сложный* теоретический анализ здесь нужно произвести?—если подойти с точки зрения *этих* критериев, то сейчас же обнаружится, что троцкизм делает неминуемые ошибки, он оказывается банкротом. Он, троцкизм, *не дорос* до *такой* постановки вопроса. И это теперь более ясно видно, чем когда бы то ни было. Он не дорос до того масштаба, который мы в праве применять к настоящей большевистской политике. Мы сказали, что основная особенность ленинского метода, настоящее выражение ленинско-марксистской диалектики есть умение видеть *своеобразные* отношения, умение видеть *переход* одного отношения в другое и найти *основное звено*, за которое нужно тащить всю цепь. И вот, к какой бы большой, или сравнительно маленькой, проблеме мы ни подошли, когда речь идет об ошибках

тов. Троцкого, мы как-раз *этого* умения, т.-е. того *основного*, что отличает ленинизм, как дальнейшее развитие марксистского учения, не можем найти у тов. Троцкого. Поэтому он делает на практике такие ошибки. Приведем несколько примеров из разных областей и из разных периодов в развитии нашей революции. Возьмем сперва пример со спорами о *«плане»*, пример из нашей прошлогодней дискуссии. На что, по сути дела, тов. Троцкий напирал? На то, чтобы из того кризиса, который у нас был, выйти путем построения более идеального и более рационального хозяйственного плана. Отсюда целый ряд практических предложений, идущих — или, вернее, долженствовавших итти — по линии развития нашей промышленности. Вместо этого в действительности тот сдвиг, который у нас получился, получился *не* на основании выполнения этого плана тов. Троцкого, а *на совершенно другой основе*, на основе *денежной реформы* и политики снижения цен. Это теперь есть установленный факт. Денежная реформа и политика снижения цен были двумя моментами, которые *действительно* сдвинули нашу хозяйственную жизнь с полумертвой точки. И те хозяйственные успехи, которые мы за последний год имели в своем хозяйственном балансе, объясняются, главным образом, этими двумя основными факторами. Следовательно, совершенно ясно, что та дорожка для лечения хозяйственных дел, которая предлагалась тов. Троцким по линии плана, таила в себе много ошибок. Каких ошибок? Постараемся посмотреть на это добросовестно. Прежде всего, позиция оппозиции не видела *своеобразия* той обстановки, которая у нас сложилась, она не видела *своеобразия* хозяйственного положения, связанного с общим положением и общей структурой страны; оппозиционная платформа выдвигала по сути дела абстрактные узоры, абстрактные лозунги, которые сводились к очень простой вещи, а именно, что всякий план лучше всякой анархии, что плановое, упорядоченное хозяйство лучше анархического. Это звучит страшно революционно. И с точки зрения тех критериев, о которых мы говорили, эта платформа весьма блестяща. Конечно, кто может спорить против плана? Какой-нибудь жалкий торгаш. На этой почве можно «намечать» необычайно резко сформулированную якобы «пролетарскую» линию: «Ага, вы против плана? Но, ведь, план есть основной признак социализма. Значит, вы против социализма? Значит, нам нужно оставить социализм?

Значит, нам нужно капитулировать перед антисоциалистическим мужиком?» И т. д., и т. п.

Казалось бы, выходит, что протестанты против «плана» как-раз и выражают собой «мелкобуржуазный уклон», а вот «плановое начало» тов. Троцкого и есть воплощение и проявление «пролетарско-социалистического разума» в его революционной борьбе с контр-революционной мелкобуржуазной стихией.

Но это именно вульгарная «поверхность явлений». А если от нее спуститься поглубже, то у нас получится совсем иная картина. Ибо вопрос заключался вовсе не в том, что «вообще» лучше: «план» или «анархия», социализм или товарное хозяйство; и вовсе не в том, что мы идем к плану, к социализму и т. п.; вопрос был в том, *как* при наличии колоссального количества мелких хозяйчиков, громадном значении рынка, крахе бумажной валюты и кризисе сбыта сделать следующий шажок по направлению к тому плану, к которому мы придем. В *этом* заключался практический вопрос; и вот здесь-то тов. Троцкий не учел особенностей нашего положения; несмотря на то, что он всемерно в своих работах «последискуссионного периода» всегда стремится отбросить от себя то политическое обвинение, которое ему формулируют, — его недостаточное внимание к крестьянскому хозяйству, — он этим пороком страдал и в «эту пору»: недооценка крестьянского хозяйства сказалась здесь в недооценке силы *рынка*, в непонимании всего значения нерва рыночного хозяйства, т.-е. *денежной системы*, в однобоком анализе промышленности, взятой *изолированно*. *Своеобразие* момента, основная его особенность заключалась не в болезнях производства самого по себе, или, вернее, не столько здесь, сколько в крахе смычки с деревней, ибо при политике высоких цен (и кризисе сбыта), а равно при крахе совзнака (потере им всякой покупательной способности), тащить вперед промышленность было *невозможно*, как бы мы ни напирали хотя бы на самый распрекрасный «план». Следовательно, тов. Троцкий смотрел не туда, куда нужно. *Своеобразия* момента он не видел. Во-вторых, он не учел *перехода* от одной стадии к другой. Наша задача заключается в том, чтобы при распыленном сельском хозяйстве, когда у нас налицо колоссальное количество мелких хозяйств, от непланового хозяйства постепенно и очень медленно переходить к плану. Но для того, чтобы из одной фазы перейти в другую, нужен *целый ряд*

мероприятий, *мимо* которых нельзя пройти на практике и которые *надо нащупать* для того, чтобы с одной ступеньки подняться на другую. Какая же была эта ступенька, на которую нужно было ступить, чтобы действительно подвинуться хотя бы немножко к плану? Это был вопрос о ленинском «звене», вопрос о том, за что нужно было «ухватиться» в тот момент. Этим «звеном» была *денежная реформа*. Другими словами, чтобы реально, *на деле* сделать еще один шаг по направлению к плановому хозяйству, нужно было со ступеньки, которую можно было назвать «ступенькой до денежной реформы», поставить свою ногу на «ступеньку денежной реформы». *Только* тогда *на деле* мы сделали шаг дальше к хозяйственному плану. Но как-раз *этого звена тов. Троцкий не увидел*, проглядел, и вместе с ним его проглядела и вся оппозиция. Всем известно, что после нашей партийной дискуссии некоторые товарищи из оппозиции очень скептически смотрели на нашу денежную реформу, предрекали ее неизбежный крах, заклинали пощадить советский знак. Жизнь сказала совершенно обратное. Налицо здесь, таким образом, неуменье найти то звено, за которое нужно было ухватиться. Схема вместо анализа. Абстрактное вместо конкретного. Формальная логика вместо диалектики. Троцкизм вместо ленинизма.

Приведем другой вопрос, вопрос, где вместе с тов. Троцким и «meine Wenigkeit» сделала крупнейшую ошибку: мы говорим о Брестском мире. Мы позволим себе еще раз привести этот пример потому, что здесь с чрезвычайной яркостью, хотя и при совершенно других условиях, сделана была ошибка *того же* типа. В чем заключалось *своеобразие* тогдашнего (т.-е. «брестского») момента? В чем оно заключалось в первую голову? Оно заключалось в том, что *мужик не хотел воевать*. В этом был «гвоздь», это нужно было раньше всего учитывать, отсюда исходить. Что предполагали мы, тогдашние «левые коммунисты», и Троцкий вместе с нами? Мы тоже составляли «план», очень хорошо выглядевший: революционная война. Правда, тов. Троцкий выдвигал промежуточный лозунг: «ни мира, ни войны». Но он в то же время говорил тогда, что лучше погибнуть под мечом германского империализма, чем под ударами мешечников. Непосредственная битва, героический бой — такова была и его ближайшая перспектива. Эти «планы» выглядели очень хорошо, они считались единственно революционными, и всякий, кто к этой

цели не шел, был в наших глазах капитулянтом. «Левые коммунисты» доводили эту идеологию до конца; в их кругах и в кругах, сочувствовавших тов. Троцкому, считалось, что если партия будет исходить из того факта, что мужик бежит с фронта, то мы превратимся в *мелкобуржуазную*, крестьянскую партию. Об этом особенно распространялся тов. Рязанов, который тогда вышел из партии, потому что мы, якобы, потеряли нашу пролетарскую невинность *). Отсюда ясно, что тов. Троцким не было учтено первое требование правильного анализа, не было учтено *своеобразие момента*, не была дана его оценка, как это необходимо было сделать политикам, которые не на словах, а на деле хотят вести партию к победе. А в этом, ведь, и состояло, в первую голову, гениальнейшее мастерство несравненного ленинского анализа. Второй вопрос — это вопрос о том, *учитывается или не учитывается*

*) Приведем несколько мест из речи тов. Рязанова, так как эта речь наиболее резко ставила вопрос с точки зрения классового quasi-анализа:

— Я знал,—говорит тов. Рязанов,—что та пролетарская партия, к которой мы принадлежим... должна быть поставлена перед дилеммой в тот момент, когда захватит власть, должна будет решить вопрос, будет ли она опираться на крестьянские массы, *или* (курсив наш. *Н. Б.*) на пролетариат Западной Европы. Тов. *Ленин и та часть партии, которая шла за ним, предпочли*,—мы когда-нибудь после разберем эти условия,—*опираться на крестьян*. В нашей фракции я уже определил политику тов. Ленина. Ленин хотел воспользоваться лозунгами Толстого, видоизменив их сообразно с переживаемой эпохой. Толстой предлагал устроить Россию по-мужицки, по-дурацки; *Ленин—по-мужицки, по-солдатски. Плоды этой политики, мужицкой и солдатской*, мы теперь расхлебываем» (VII съезд РКП, стеногр. отчет, Госиздат, стр. 87).

Тов. Троцкий в высшей степени мало интересовался учетом настроения крестьянства. *Вся* ставка у него была на непосредственное выступление западно-европейского пролетариата. «...Крыло, к которому я принадлежу,— говорит он, — считает, что сейчас единственная возможность для нас... воздействовать революционизирующим образом на германский пролетариат. Благодаря этому *не разрывается преемственность* той агитации, которую мы вели, не создается в ней исторического перерыва... Сейчас необходимо поставить европейский пролетариат, и германский в первую очередь, перед той политической драмой, которая не нами создана, а вытекает из существа международного положения, и возложить на германскую партию всю ответственность за то, что она нас не поддерживает» (Протоколы, 81). (Подписывать мира нельзя, так как тогда вся наша агитация была бы скомпрометирована, как «комедия»). (80). (Как сказано в тексте, и левые коммунисты «чистой крови» стояли на той точке зрения, что мир будет сопровождаться крестьянским вырождением нашей партии и Советской власти).

переход из одной фазы в другую, от одного положения к другому. В чем заключается конкретный переход из одной фазы в другую в брестские дни? Нужно было понять, как можно перейти от *полосы мужицкого дезертирства* к полосе *революционной обороны против врага*. Вот этого точно так же ни левые коммунисты, ни Троцкий совершенно не могли схватить. И, наконец, третий вопрос: какое же было «звено», за которое нужно было ухватиться *для того, чтобы облегчить этот переход* на другую ступеньку, т.-е. переход от дезертирской фазы к «плану», т.-е. к обороне? Какое это было звено? Этим звеном и было *заключение мира*. Вот за это звено нужно было «ухватиться» для того, чтобы распустить гнилую старую армию; для того, чтобы начать строить на новых основах, на базисе защиты земли от помещика, обороноспособные отряды; для того, чтобы, уступив пространство и выиграв время, создать условия успешной борьбы. Этого-то звена и не видел тов. Троцкий. Значит, вопрос относительно «звена» и здесь стоит со всей ясностью. *Теперь* это видно больше, чем когда бы то ни было. Значит, налицо *тот же тип ошибки*, как и в случае с «планом». Хорошая революционная перспектива «вообще», блестящими словами написанная или сказанная «теория», но никуда не годная на практике, мертвая. Если серьезно руководствоваться этой теорией, то достигнешь как-раз противоположного тому, что пишешь на бумаге.

Вот общий тип ошибок, который характерен для тов. Троцкого. И этот общий *тип* ошибок нужно иметь в виду, чтобы понять очень многое из теперешних событий.

В заключение заметим здесь, что ленинизм разрушает все привычные фетишизированные словесные оболочки. Он вовсе *не* всегда ведет «левую» политику. Он ведет *правильную*, т.-е. соответствующую общим интересам пролетариата и учитывающую особенности момента, политику. И поэтому он является несравненным орудием международной классовой борьбы.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Переходим теперь к общей оценке нашей революции. Теория тов. Троцкого носит название «теория перманентной революции». Здесь перед нами, прежде всего, вопрос об общей оценке нашей революции. Тов. Троцкий в одном из своих последних или «пред-

последних» произведений, в книжке о «новом курсе», писал по этому поводу следующее:

«Что касается теории перманентной революции, то *я решительно не вижу оснований отрекаться от того, что писал по этому поводу в 1904—5—6 г.г. и позже.* Я и сейчас считаю, *что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма,* чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени. Термин *перманентная революция* (этот курсив принадлежит автору. *Н. Б.*) есть Марксов термин... Перманентная революция в точном переводе означает постоянная или непрерывная революция. Какая политическая мысль вкладывается в эти слова? Та мысль, что для нас, для коммунистов, революция не заканчивается после того или другого политического завоевания, а развивается дальше, и пределом ее для нас является только социалистическое общество... В условиях России это означало: не буржуазная республика, как политическое завершение, и даже не демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, а рабочее правительство, опирающееся на крестьянство и открывающее эру международной социалистической революции... *Таким образом, идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма... Никакой попытки перескочить через крестьянство в моих тогдашних писаниях не было. Через теорию «перманентной революции» был прямой путь к ленинизму, в частности к апрельским тезисам 1917 г.».* («Новый курс», изд. «Кр. Новь», 1924 г., стр. 50 и след.).

В предисловии к «1905 г.» тов. Троцкий писал:

«...в промежуток между 9 января и апрельской стачкой 1905 г. сложились у автора те взгляды на характер революционного развития России, которые получили название теории «перманентной революции»... Хотя и с перерывом в 12 лет, *эта оценка подтвердилась целиком».* («1905 г.» 2-е изд., Госиздат, 1922 г., пред., стр. 4—5).

Наконец, в письме к тов. Ольминскому тов. Троцкий говорил:

«Я вовсе не считаю, что в несогласиях своих с большевиками я был во всем неправ... Считаю, что *моя оценка движущих сил революции была безусловно правильна...*

И сейчас я мог бы без труда разбить мои полемические статьи против меньшевиков и большевиков на две категории: одни—

посвященные анализу внутренних сил революции, ее перспективам... и другие—посвященные оценке фракции русских социал-демократов, их борьбе и проч. Статьи первой категории я и сейчас мог бы дать без поправок, *так как они вполне и целиком совпадают с позицией нашей партии, начиная с 1917 года*».

Итак, тов. Троцкий утверждает *теперь*, что:

1) теория перманентной революции оказалась правильной, ибо она подтверждена опытом «полностью и целиком»;

2) теория перманентной революции бесконечно ближе к сущности ленинизма, чем все остальное;

3) теория перманентной революции вполне соответствует стратегической линии нашей партии и большевизма, начиная с 1917 г.;

4) теория перманентной революции никоим образом не покоится на недооценке крестьянства; и вообще

5) теория перманентной революции дает совершенно правильную оценку движущих сил нашей революции.

Наговорив столько комплиментов по адресу своего теоретического детища, тов. Троцкий тем самым делает в высшей степени понятной свою *внутрипартийную линию*.

Почему вся история нашей партии до 1917 года в глазах тов. Троцкого равна почти нулю? Потому, что, по его мнению, только в 1917 году партия стала на точку зрения перманентной революции.

Почему вообще наша партия «родилась» в 1917 году? Потому, что она только тогда перекрестилась знаком перманентной революции.

Почему неважно останавливаться на дореволюционной борьбе с меньшевиками и Троцким? Потому, что теорией перманентной революции покрываются все прошлые, настоящие и будущие ошибки тов. Троцкого.

И так далее. И тому подобное.

Summa summarum: суть ленинизма, тоже рожденного, *как ленинизм*, в 1917 году (см. также «близкие по духу» статьи тов. Преображенского), *состоит в теории перманентной революции*. Немудрено, что главным ленинцем и хранителем заветов (из скромности—не сочинителем их) выступает тов. Троцкий, для которого важен не исторический большевизм, а троцкизм с этикеткой ленинизма.

Но оставим этот вопрос, уже достаточно освещенный в нашей печати, и перейдем к анализу теории тов. Троцкого по существу.

Итак, тов. Троцкий ставит вопрос следующим образом.

Теория перманентной революции есть теория, основание которой мы находим еще у Маркса. «Перманентная революция», т.-е. «непрерывная революция», есть такая революция, которая в конечном счете имеет своим пределом достижение социалистического общества. И вот отсюда тов. Троцкий в целом ряде своих последних произведений говорит: ну, вот это самое и получилось в действительности,—перманентная революция оправдалась, *потому что пролетариат завоевал у нас государственную власть.* А, ведь, большевики до 1917 года спорили против теории перманентной революции, ибо они как-раз и утверждали, что у нас революция должна быть буржуазной. Действительно, в 1905 г. и вплоть до Февральской революции мы говорили именно так. Кто же оказался прав? Теория перманентной революции или ортодоксальные большевики? *Оказалась права теория перманентной революции*, а большевики *стали* «хорошими» с 1917 года *именно* потому, что отказались от большевистской теории революции и пришли к ее троцкистскому толкованию,—вот тот вывод, который делает тов. Троцкий. Разберемся во всем этом. Прежде всего, следует заметить, что существенным в теории перманентной революции является вовсе не то, что мы здесь имеем революцию, *которая в конце-концов приходит к определенному этапу, когда у власти становится рабочая власть.* В *этом* смысле слова перманентная революция произошла, ибо рабочий класс действительно стал у власти *). Но здесь есть *другой* вопрос. И вот

---

*) Нужно иметь в виду при этом *относительность* понятия «непрерывности», ибо непрерывности в смысле сплошной революционной полосы как-раз и не получилось. После поражения 1905—1907 гг. прошло целых *десять лет*, пока вспыхнула «вторая революция». Тов. Ленин писал в своей статье «О двух линиях революции» (Собр. соч., т. VIII, стр. 213):

«Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии... Эту задачу *неправильно* решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года и не желающий *подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории*».

Следовательно, во-первых, был временный *перерыв* в «непрерывной» революции; во-вторых, и этот перерыв, и последующие события *опровергли* теорию тов. Троцкого и его оценку классовых сил, ибо история отвела кре-

этот *другой* вопрос и составляет *«суть»* теории перманентной революции, вот об этой сути и нужно в первую очередь говорить. Но предварительно необходимо сказать, как понимал *Маркс* теорию перманентной революции. В своей брошюре Сталин приводит одно решающее место из Маркса и совершенно правильно его комментирует. Маркс пишет: «В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключаются в том, чтобы сделать революцию *непрерывной* до тех пор, *пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти»* *). Следовательно, что понимал Маркс под теорией непрерывной революции? Маркс понимал под непрерывной революцией такую перспективу, когда в ходе революции постоянно меняется соотношение сил, и революция все время развивается «по восходящей линии». Помещики, скажем, свергаются. На их место становится одна из фракций буржуазии, например, либеральная буржуазия. Этим революция не заканчивается. Либеральная буржуазия свергается, и на ее место становится радикальная мелкая буржуазия. Радикальная мелкая буржуазия свергается, и на ее место становится городская беднота в собственном смысле слова в союзе с крестьянской беднотой и рабочим классом. Наконец, и это правительство отходит и уступает свое место правительству рабочего класса. Разумеется, это лишь схема, но схема «правильная» **). Так в чем же суть теории пер-

---

стьянству такое место, которое заранее исключалось в концепции тов. Троцкого. Об этом в тексте.

*) *См. К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. III, Гиз, 1921, стр. 501.

**) Однако, нужно помнить, что эту схему нельзя «просто» применять к действительности. И здесь нужно учитывать конкретное соотношение общественных сил. Так, напр., своеобразие русской буржуазно-демократической революции состояло в том, что она могла быть доведена до конца лишь в борьбе с либеральной буржуазией, которая уже до победы над царизмом стала *контр-революционной силой*. Непонимание этого привело меньшевиков к фактическому предательству. *Ленин* писал по этому поводу:

> «Эти люди (Мартынов и Мартов в новой «Искре». *Н. Б.)*, в сущности, рассуждают так, как-будто они хотят ограничить, урезать свою борьбу за свободу... Такие люди,—говорит «Вперед» (орган большевиков. *Н. Б.*),—филистерски опошляют известное марксист-

манентной революции? Суть марксовой, т.-е. *правильной*, теории перманентной революции заключается в том, что здесь учитываются постоянные перемены в социальном содержании революции. Здесь находит свое отражение тот факт, что в ходе революции постоянно меняются соотношения между борющимися классами, что революция в своем развитии постоянно шагает с одной ступеньки на следующую. Она шагнула с феодальной ступеньки на ступеньку либеральной буржуазии, потом перешла от либеральной буржуазии к мелкой буржуазии, от нее, в свою очередь, она шагнула на ступеньку пролетарской революции. *В этом* смысл марксовой (а не троцкистской) теории перманентной революции. Можем ли мы что-нибудь возражать против *такой* теории? Нет, ибо она правильна. В *этом* смысле наша револю-

---

ское положение о трех главных силах революции XIX (и XX) века и трех основных стадиях ее. Это положение состоит в том, что первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая — завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т.-е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья — социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат. *«Эта картина верна в общем и целом»*, — писал «Вперед». Перед нами действительно подъем на эти три различные схематические ступеньки, различные по тому, какие классы могут, в лучшем случае, сопровождать нас в этом подъеме. Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней будем понимать так, что *до всякого подъема* надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, напр., не более одной ступени, если мы по этой схеме будем, до всякого подъема, «составлять себе план деятельности в революционную эпоху», то мы будем виртуозами филистерства» (Собр. соч., т. VI, стр. 209).

Другими словами, схему нельзя применять непосредственно ко всем случаям жизни. «Прыжки» *возможны*. Филистерством было бы отрицать возможность перепрыгивания *вообще*. Однако,

«... пусть не делает из наших слов какой-нибудь придирчивый читатель того вывода, будто мы проповедуем «тактику, направленную» к обязательным прыжкам через ступеньку, *независимо от соотношения общественных сил*» (стр. 210).

Итак, *соотношение общественных сил*, учет этого соотношения,—вот что решает «в последнем счете». Вести бесстрашно *революцию вперед*, но в то же время уметь исходить из данного соотношения общественных сил и таким образом на деле осуществлять руководство в революции — такова тактика ленинизма.

ция оказалась «непрерывной». У нас революция прошла целый ряд этапов. В феврале 1917 года у нас произошла смена *помещичьего* режима на либеральное правительство империалистской буржуазии с образованием параллельной власти рабочих и крестьян (советы); затем произошла новая перегруппировка, когда на место либеральной буржуазии у нас стали различные фракции мелкой буржуазии в союзе с либералами («коалиционные правительства» с меньшевиками, эсерами и т. д.). После того, как в октябре мы взяли власть, у власти стали большевики и левые эсеры. После восстания левых эсеров снова произошла смена, и наша партия стала единственной государственной партией. Таким образом у нас кривая революции в общем и целом все время подымалась. (Мы говорим «в общем и целом», ибо внутри этого поступательного хода революции были небольшие перебои,— достаточно вспомнить июльские дни; это обстоятельство нужно иметь в виду, ибо оно играет немаловажную роль и для *практики*). Этот процесс находил свое выражение в структуре государственной власти, в переходах власти от одного класса к другому, от одной общественной группы к другой, пока не получилось такого устойчивого положения, когда у власти стал *рабочий класс*, и когда *диктатура рабочих* обрела свое твердое основание, а коммунистическая партия стала единственной партией, держащей в своих руках государственную власть. Если мы *так* подойдем к вопросу, т.-е. с точки зрения действительного хода исторических событий, и спросим себя, это ли составляет сущность *троцкистской* перманентной революции, то на этот общий вопрос мы должны ответить: нет. *И ВОТ В ЭТОМ-ТО «НЕТ» И ЗАРЫТА СОБАКА.* Мы подойдем с разных точек зрения к освещению этого *центрального* вопроса. Сейчас мы сделаем только основную наметку того, что будет служить предметом дальнейшего изложения.

Итак, если бы тов. Троцкий представлял себе дело в соответствии с позднее наступившей *действительностью*, то в 1905 году он отнюдь не выдвинул бы тех лозунгов, которые он, вместе с Парвусом, выдвигал. В 1905 году, как известно, тов. Троцкий *против* большевиков предлагал лозунг: «долой царя, а правительство рабочее». Другими словами, в 1905 г. тов. Троцкий на *первой* ступеньке нашего революционного движения выдвинул в качестве *непосредственного* лозунга лозунг, который осуще-

ствился только на самой *последней* ступеньке этого процесса. А увязки с *тогдашней* действительностью у Троцкого не было. Иначе: основное политическое обвинение, предъявляемое нами теории перманентной революции *Троцкого*, заключается в том, что она упускает все *промежуточные этапы*, т.-е. *как-раз то*, что и отличает перманентную революцию; эти различные этапы революции, где разные классы исчерпывают свои задачи и сменяют друг друга, требуют от нас *своеобразных* лозунгов, которые бы применялись к каждому из этих этапов, будучи направляемы единой целью; *только так* и можно вести революцию. А тов. Троцкий самое последнее, конечное звено революции перенес на первый план тогда, когда для этого не было никаких предпосылок. Он *перепрыгивал* через ряд промежуточных ступеней, и если бы наша партия послушалась тов. Троцкого и не вела революции так, как она ее вела, то мы просто-напросто провалились бы в пустую дыру. По сути дела, как это ни странно, тов. Троцкий *убивал* идею перманентной революции, ибо если «конец» стоит в самом «начале», то нет процесса, нет переходов, нет «непрерывной революции».

Понимал ли тов. Троцкий *своеобразие* нашей революции? Видел ли тов. Троцкий, как один ее этап *переходит* («перерастает») в другой? Умел ли «ухватиться» за *нужное звено?* На все эти вопросы приходится ответить отрицательно. У тов. Троцкого постановка вопроса была крайне проста: в России может быть *только* пролетарская революция (тов. Троцкий *отрицал* возможность буржуазной революции еще в 1905 г.). В России может быть *только* пролетарская революция, *но эта пролетарская революция в мелкобуржуазной стране осуждена на гибель*, если ей не будет оказана *государственная* помощь со стороны победоносного пролетариата Западной Европы.

«Без прямой *государственной поддержки* (курсив наш. *Н. Б.*) европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. *В этом нельзя сомневаться ни минуты*» («Наша революция»).

Тов. Троцкий *начал* с того, что не понял *своеобразного* хода нашей революции, которая состоит в оригинальном переплете *крестьянской войны* против помещика и *пролетарской революции*. Тов. Троцкий не понял *своеобразия начального этапа*

этой революции, суть которого состояла в освобождении от феодальных пут и в *разгроме помещичьего землевладения.* («Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обусловливает собой национальную особенность этой революции». «Опыт первого периода русской революции окончательно доказал, что необходимой она может быть только как крестьянская аграрная революция» *).

Тов. Троцкий «не заметил» *тех этапов*, в которых буржуазная революция *перерастала* у нас в социалистическо-пролетарскую.

Тов. Троцкий не видел, далее, тех *особенностей*, которые отличают нашу социалистическую революцию от социалистических революций в других странах.

Тов. Троцкий не видел, далее, тех особых *международных* условий, которые — даже без государственной поддержки победоносного западно-европейского пролетариата — позволяют нашей социалистической революции *отсиживаться*, укрепляться, *расти*, чтобы окончательно победить вместе с победой рабочего класса других стран.

Тов. Троцкий и здесь рассуждал схематически: *либо* буржуазная революция, *либо* пролетарская; *либо* классическая пролетарская революция — и тогда прочная победа; *либо* ублюдочная пролетарская революция — и тогда смерть. *Либо* государственная помощь западного пролетариата — и тогда спасенье; *либо* нет этой помощи — и тогда нет этого спасенья.

А на самом деле жизнь целиком опровергла эти схемы и дала совсем *другие* ответы. *И* буржуазная, *и* пролетарская (одна переходит в другую); *не* государственная помощь пролетариата, *а* все-таки помощь и со стороны пролетариата, и со стороны колоний (а равно и «помощь» со стороны капиталистов, которые своей междоусобной *дракой* помогают пролетарским государствам); *не* классическая пролетарская революция, а все-таки *не* смерть, а жизнь и т. д. Действительность оказалась гораздо *многоцветнее*, чем сухие схемы тщательно вычерченных диаграмм «перманентной революции».

Из того, что тов. Троцкий не видел действительности, вытекало его *политическое бессилие.*

---

*) Неизд. глава из работы Ленина по аграр. вопросу. См. «Пролет. рев.», 1924, № 28, стр. 166 и 169.

Из того, что Ленин и наша партия видели все этапы, переходы, особености процесса, они могли *на деле* ухватиться каждый раз за *нужное* звено и вести рабочий класс и крестьянство к победе.

И менять ленинскую теорию нашей революции на «перманентную» теорию тов. Троцкого у партии нет ровно никаких оснований.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА КЛАССОВ В ХОДЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Выше мы говорили об этапах нашей революции; теперь необходимо поставить тот же вопрос и тоже в общем виде, но рассмотреть его с точки зрения *борьбы классов* и *классовых передвижек*. Споры, которые у нас велись, в значительной мере сводились, как известно, к вопросу о *рабоче-крестьянском блоке*, о союзе между рабочим классом и крестьянством и о гегемонии пролетариата в этом «союзе» или «блоке». Теперь, на восьмом году нашей революции и нашей диктатуры, мы с полнейшей ясностью видим всю *громадность* этой проблемы, которая впервые была отчетливо обоснована Владимиром Ильичем и которая стала потом одним из краеугольных камней как теоретического, так и практического здания большевизма. Только теперь этот вопрос стал во весь свой громадный рост. Ибо по существу дела речь идет здесь не только о проблеме рабоче-крестьянской смычки у нас, в советских республиках, но и о крупнейшей и, в известном смысле, решающей проблеме *международной революции*. Ибо такой жгучий вопрос современности, как вопрос о колониях, который есть вопрос жизни и смерти капитализма, есть — с точки зрения мировой революции — не что иное, как вопрос о смычке между западно-европейским и американским индустриальным пролетариатом, с одной стороны, колониальным крестьянством — с другой.

Правда, колониальный вопрос, будучи в значительной мере вопросом об отношении к крестьянству, целиком к нему *не* сводится. Он имеет свои особые отличительные черты, и было бы неправильным ставить здесь полный знак равенства. Но в то же самое время совершенно ясно, что в своей социальной основе он является крестьянским вопросом. Если мы говорим о том, как рабочий класс подрывает сейчас устои капиталистического общества, то мы можем сказать, что рабочий класс, который под-

держивает колониальные восстания, как-раз и осуществляет свою гегемонию над крестьянско-колониальным движением. Если мы поставим вопрос, что же будет в рамках мирового хозяйства при завоевании рабочими власти, то точно так же перед нами станет вопрос об отношении победоносного пролетариата к колониальному крестьянству. Поскольку мы спрашиваем, почему европейская социал-демократия совершенно не понимала значения крестьянского вопроса, обращала на него так мало внимания и не ставила проблемы, которая была так характерна для нас, то здесь дело вовсе не сводится к тому, что у нас — страна аграрная, а там — страны промышленные. И у них было свое «аграрное дополнение», только оно расположено не в метрополии, а на отдаленной колониальной периферии. И тот факт, что европейская социал-демократия обращала недостаточное внимание на крестьянский вопрос, безусловно, связан с тем обстоятельством, что она с пренебрежением относилась к революционной постановке вопроса *о колониях.* У социал-демократии была или линия, прямо враждебная по отношению к колониальным движениям (социал-империализм), или же «линия», которая состояла в фигуре умолчания. Когда тов. Троцкий, увлекаясь своим «европеизмом», неоднократно подчеркивал азиатско-крестьянский характер идеологии «незрелого» пролетариата (а именно так расценивал он большевиков), то в этом «европеизме» было нечто от презрительного отношения социал-демократии к крестьянскому и колониальному вопросу, хотя тов. Троцкий лично уделял колониальному вопросу довольно много внимания.

Из этой постановки вопроса относительно классов, из этой «европейской» оценки их роли вытекало и совершенно конкретное представление тов. Троцкого относительно того, что революция в России неизбежно должна погибнуть, если не будет государственной поддержки со стороны победоносного пролетариата.

Если у тов. Троцкого конкретный анализ заменяется абстрактной схемой, то это влечет за собой представление о пролетарской революции, как о классической революции, при чем «неклассическая» революция заранее осуждена на гибель. Но классической пролетарской революцией является такая революция, где пролетариат является единственным «народным» классом.

Другими словами, только в таком обществе могла бы быть эта идеальная революция, где не было бы крестьянства.

Однако, это «идеальное» представление совершенно не соответствует действительности. Если мы возьмем *мировое хозяйство*, то мы увидим, что пролетариат в настоящем смысле слова составляет незначительное меньшинство населения. Если мы возьмем *крупнейшие страны мира*, то нам необходимо иметь в виду, что они состоят из небольшого куска плотно населенных и пролетаризированных «метрополий» и огромных крестьянских колоний. Наибольшая часть Франции находится *в Африке*, наибольшая часть Англии — *в Азии*, и т. д. Что будет делать английский пролетариат при своей победе, если он не будет опираться на сочувствие индусских и египетских крестьян? Если он не введет их в бой против капитала? Если он не завоюет их сочувствия и их поддержки? Если он не будет иметь *гегемонии*, *руководства* над этими огромными массами человечества?

Слов нет, тов. Троцкому прекрасно известно все огромное значение колониального вопроса. Но—увы! — этот правильный взгляд на колонии совсем не мирится с той оценкой, которая дана была крестьянству со стороны тов. Троцкого в 1905 г. в его теории перманентной революции,—оценкой, на правильности которой автор ее настаивает с превеликим упорством и посейчас. Здесь у тов. Троцкого абсолютно не сведены концы с концами.

Теперь-то уж совершенно ясно, как стоит эта проблема для пролетариата.

До захвата власти рабочему классу необходимо иметь поддержку крестьянства *в борьбе против капиталистов и помещиков*.

После захвата власти ему нужно обеспечить за собой поддержку значительной части крестьянства *в гражданской войне*, вплоть до упрочения пролетарской диктатуры.

А дальше? Разве можно ограничиться тем, чтобы рассматривать крестьянство *только* как пушечное мясо в борьбе с капиталом и крупными землевладельцами?

Нет. Вот это «нет» нужно понять до конца, раз навсегда. Пролетариату нужно будет после своей победы *ужиться во что бы то ни стало* с крестьянством, ибо это—большинство населения с большим хозяйственным и социальным весом. Только непонимание экономических мировых связей может кое-кого заставить отмахнуться от этой задачи. Но она рано или поздно станет

неизбежно в порядок дня. Нужно, следовательно, понять, что у пролетариата *нет* здесь выбора, он *вынужден*, строя социализм, вести за собой крестьянство; он *должен суметь* это сделать, ибо без этого ему не удержать своего режима.

Само собою разумеется, что вести за собой крестьянство приходится разными методами, в зависимости от конкретной обстановки. Нужно видеть все переходы, все этапы, чтобы правильно руководить. Ленин писал во время дискуссии о профсоюзах:

> «Вся диктатура пролетариата есть переходный период, но теперь мы имеем, так-сказать, целую кучу новых переходных периодов. Демобилизация армии, конец войны и возможность гораздо более длительной мирной передышки, чем прежде, более прочного перехода с военного фронта на трудовой фронт. *От одного этого, только от этого, уже изменяется отношение класса пролетариата к классу крестьянства*».

То же самое в еще большей степени относится к целым громодным по своему значению этапам революционного процесса.

Тов. Троцкий в своей теории перманентной революции совершенно не понял:

1) ни общей постановки вопроса о крестьянстве;

2) ни методов руководства над ним со стороны пролетариата;

3) ни различных этапов в соотношении между рабочим классом и крестьянством в ходе нашей революции.

Постановка вопроса о крестьянстве очень выпукло дана самим тов. Троцким в его предисловии к книге «1905 г.», Формулируя *(в 1922 году!)* теорию перманентной революции и подчеркивая правильность этой теории, тов. Троцкий, как мы уже видели, писал:

> «Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом *он придет во враждебные столкновения не только со всеми группировками буржуазии..., но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти.* Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского

населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав, в силу исторической необходимости, ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.-е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой».

Последнее — правильно. Но вовсе не в этом суть дела. Суть дела у Троцкого состоит в том, что победоносный пролетариат ОБЯЗАТЕЛЬНО И НЕИЗБЕЖНО должен притти в неразрешимый конфликт с *широкими массами крестьянства*, что в стране с мелко-буржуазным большинством пролетариату *не сладить* с этой проблемой, и что в результате этого неизбежного *конфликта* пролетарское господство должно рухнуть, *если* не будет помощи извне, и притом *государственной* помощи.

Прежде всего бросается в глаза (теперь, когда накопился громадный опыт *международного* движения) то обстоятельство, что «решение» Троцкого не есть в сущности решение, точно так же, как его «перманентная революция» не есть на деле перманентная революция.

Ибо *если* конфликт между пролетариатом и крестьянством *неизбежен*, неотвратим и проч., то он неизбежен и неотвратим даже при *мировой* победе пролетариата. Крестьян — огромнейшее большинство на нашей планете. Если у пролетариата нет средств вести это большинство *за собой*, то *или* международная революция тоже обречена на крах, *или* ее нужно откладывать (по Кунову) до того времени, когда на земле образуется пролетарское большинство. Нельзя же думать, что придется взрывать «*земные* границы» и ждать помощи чисто-пролетарских *небесных* сил, да притом еще в «государственной форме»!

Таким образом, если развернуть проблему и поставить ее во весь рост, то легко обнаружится, что тов. Троцкий *отодвигает* вопрос, а не решает его.

Ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он считает, будто конфликт между пролетариатом и крестьянством *неизбежен*, тогда как он лишь *возможен*. А это вовсе не одно и то же. Он неизбежен только тогда, если пролетарский режим окажется

менее выгодным для крестьянства, чем режим буржуазный, если крестьянство выскочит из-под руководства со стороны пролетариата. Но это вовсе не обязательно, и этого *не будет*, если во главу политики партия победоносного пролетариата будет ставить заботу о поддержке и укреплении рабоче-крестьянского блока. *Как* это конкретно делать,—обсуждение такого вопроса выходит за пределы настоящей работы.

Из вышеприведенной оценки крестьянства вытекают и общие *методы воздействия на него*, которые тов. Троцкий формулировал, между прочим, в период реакции. Вот что писал по этому поводу тов. Ленин:

> «Наконец, *всего более неверно* третье из приводимых тов. Мартовым мнений тов. Троцкого, которое кажется тов. Мартову справедливым: «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». *Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них владыки буржуазного режима, ни предполагать сохранения в революционный период обычной несознательности и пассивности крестьянства.* («Цель борьбы пролетариата в нашей революции». Соб. соч., т. XI, ч. I, стр. 229).

А в эпоху пролетарской диктатуры, когда от слов нужно было переходить к делу, когда положение было *особенно* трудным, Ленин говорил:

> «Чем больше размах, чем больше широта исторических действий, чем больше число людей, которые в этих действиях участвуют, и чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и *сознательное отношение*, убедить в этой необходимости *новые и новые миллионы и десятки миллионов*». (Доклад Сов. Нар. Ком. от 22 декабря 1920 года. Собр. соч. 1923 г., том XII, стр. 413).

Разве здесь не совсем особое отношение к крестьянству? И разве это отношение не связано с общей оценкой крестьянства, как необходимого союзника в борьбе пролетариата?

Но для того, чтобы быть в состоянии «убедить», нужно уметь «зацепить» крестьянство за соответствующее звено. И вот здесь наиболее резко проявляется неспособность троцкизма даже правильно *подойти* к вопросу.

Троцкий в 1905 г. проходил мимо аграрной революции, не понимая, что в ней — *гвоздь эпохи*. Этого не понимали и меньшевики, и Ленин совершенно правильно указывал, что они, «воюя с народничеством..., прозевали исторически реальное и прогрессивное *содержание* народничества, как теории *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего», за что Ленин называл эту их «идею» — «чудовищной», «идиотской», «ренегатской». (См. Ленин о прусском и амер. путях развития. Письмо к Скворцову. «Прол. Револ.», май 1924 г., стр. 178).

Тов. Троцкий даже теперь утверждает, что его оценка движущих сил революции была правильна, что в ней не было никакого перескока через крестьянство, что он и не думал «недооценивать» крестьянство. Тов. Троцкий зло издевается по этому поводу над своими критиками. Он пишет:

> «Излюбленным аргументом, вошедшим в употребление в некоторых кругах (!) за последнее время, является указание — преимущественно косвенное — на мою «недооценку» роли крестьянства. Тщетно стали бы вы, однако, искать какого-либо анализа этого вопроса... («Новый курс», стр. 50). *Никакой попытки «перескочить» через крестьянство в моих тогдашних писаниях не было*» (51; курсив наш. *Н. Б.*).

А вот как оценивал позицию Троцкого Ленин уже в 1915 г., т.-е. уже во время войны:

> «Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства» («О двух линиях революции». Собр. соч., т. XIII, стр. 213).
>
> «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства

понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию» (214).

И далее Ленин дает блестящее короткое описание этапов революции, содержания этих этапов и наших задач:

> «А в этом (т.-е. в том, чтобы поднять крестьян. *Н. Б.*) сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то-есть* за привлечение крестьянства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие «*не*пролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодального* «империализма» (=царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земельной власти помещиков пролетариат воспользуется *немедленно* (наш курсив. *Н. Б.*) не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы».

Итак, тов. Ленин, вопреки тов. Троцкому, полагает, что теория последнего недооценивала роль крестьянства. И как тов. Троцкому ни хочется увильнуть от признания этой основной, кардинальной своей ошибки, увильнуть ему не удастся. Тут нельзя играть в прятки. Тут нужно сказать ясно, точно, определенно, кто *прав*. Ибо совершенно ясно, что перед нами две *разные* теории: по одной, крестьянство — союзник; по другой — неизбежный враг. По одной — мы можем вести успешную борьбу за гегемонию над крестьянством, по другой — это не выйдет; по одной — неизбежен резкий конфликт, по другой — этого конфликта можно избежать, если вести умную политику, и т. д.

Разве не ясно, что этот «перманентный» вопрос «перманентной» теории есть «перманентная» противоположность между троцкизмом и ленинизмом!

ЭТАПЫ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И ТЕОРИЯ ТОВ. ТРОЦКОГО.

От этих общих постановок вопроса пора уже перейти теперь к конкретной постановке вопроса, то-есть дать анализ того, как смотрела наша партия и как смотрел тов. Троцкий на отдельные

этапы революции, как оценивала партия и тов. Троцкий соотношение классовых сил, которое было характерно для 1905 года, для последующей эпохи, для Февральской революции, для последующего периода до Октября, для Октябрьской революции, для послеоктябрьского периода, наконец, для теперешнего момента. Тогда легко можно будет убедиться, что все ошибки тов. Троцкого, которые мы намечали в общем виде, повторяются на каждом из этих этапов, и что они-то и составляют самую сущность *троцкистской* перманентной революции.

Итак, начинаем наш анализ с 1905 г.:

Позиция большевиков сводилась тогда к следующему. Мы оценивали революцию 1905 г., как буржуазно-демократическую революцию, которая свергает помещика, свергает помещичье правительство, которая дает крестьянам землю, которая очищает от пут феодализма и которая устанавливает — в этом мы усматривали свою цель — революционную диктатуру рабочего класса и крестьянства, при чем эта диктатура не носит еще на данной стадии развития социалистического характера. Против такого взгляда тов. Троцкий выдвигал очень солидное обвинение. Он говорил, что такое положение вещей, во-первых, невозможно, а во-вторых, большевистская теория реакционна; большевики, — утверждал тов. Троцкий — на-ряду с известными революционными сторонами имеют реакционную сторону, и реакционная сторона большевизма заключается не в чем-либо ином, как в том, что они *желают сотрудничать с мужиком*. Это можно прочитать и «1905 году» тов. Троцкого, откуда мы приведем лишь пару цитат, которые сразу бросают свет на оценку положения вещей со стороны тов. Троцкого. Тов. Троцкий пишет: «Политическое самоограничение пролетариата предлагают дополнить объективной *антисоциалистической «гарантией», в виде сотрудника-мужика»* (стр. 284 2-го изд. 1922 г.). Что это означает, если эту цитату расшифровать? Это означает следующее: большевики предлагают заканчивать буржуазно-демократическую революцию, предлагают это сделать путем революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, которая до конца разгромит все остатки феодального режима.

Что на это возражает тов. Троцкий? Он говорит: в этом-то и заключается *реакционная* сторона большевизма, потому что хотят установить такой режим, который имеет в конструкции

власти мужика на-ряду с пролетарием. Что такое мужик? Мужик есть мелкий собственник. Что такое мелкая собственность? С точки зрения продвижения к социализму, это есть реакционная сила. Если вы, большевики, желаете иметь своим *сотрудником в правительстве* мужика (это все говорилось в 1905 г.!), то вы—реакционеры, потому что вы хотите эту реакционную, антисоциалистическую «гарантию» закрепить на погибель социалистическому пролетариату.

И тов. Троцкий продолжал:

> «...в то время, как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, антиреволюционные черты большевизма грозят *огромной опасностью только в случае революционной победы*» (там же, стр. 285).

В примечании к изданию 1922 г. тов. Троцкий любезно «разъясняет» этот пикантный пункт таким манером:

> «Этого (т.-е. «огромной опасности», когда большевики возьмут власть), как известно, не случилось, так как, под руководством тов. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение *В ЭТОМ ВАЖНЕЙШЕМ ВОПРОСЕ* весною 1917 года, т.-е. до завоевания власти» (стр. 285).

Ниже мы увидим, как смешно это утверждение, что партия, да еще под руководством Ленина, перешла «весной 1917 года» на позицию тов. Троцкого. Мы можем здесь пока заметить, что сия очень утешительная для авторского самолюбия «мысль» делает понятным, почему тов. Троцкий так боится *перерождения* нашей партии. В самом деле, большевизм был мужикофильским, по мнению тов. Троцкого; он имел мужицкие антиреволюционные черты; правительство большевиков было чревато «огромной опасностью» антипролетарской, крестьянской мелкособственнической политики. «Под руководством Ленина», он «перевооружился», взяв «оружие» у «пролетарской» теории тов. Троцкого. «Опасности» не случилось. Но вот Ленин ушел, Ленин, который «весною 1917 года» «в важнейшем вопросе» имел смелость поучиться

у Троцкого. Что делать? Нужно усиленно «наперманенчивать» партию (отсюда плодовитая литературная деятельность в этом направлении), ибо это и есть *социалистическая* гарантия против «антисоциалистической», в виде «сотрудника-мужика», что внутренне присуще *старому* большевизму. Нужно скорее воспитать в «новом курсе» партийный молодняк, в котором еще нет ядовитых семян «антисоциалистической» «огромной опасности». А если от партии *эта* проповедь будет отскакивать (в чем будут повинны «старогвардейцы»), то в этом-то и будет заключаться опасность мелкобуржуазного *«перерождения»*.

Мы видим таким образом, что прошлогодние крики о перерождении старой гвардии имеют *очень глубокую* подоснову, тесно связанную и сплетенную с «теорией перманентной революции», которая, по клятвенному заявлению Троцкого, оправдалась «полностью и целиком».

Но переходим к существу дела.

Тов. Троцкий в 1905 г. считал политически уместным выступать *против «мужика»*. Это—факт. *Здесь* он видел «огромную опасность». Тов. Троцкий в 1905 году боролся против лозунга большевиков: «диктатура пролетариата и крестьянства». Правильна ли была эта позиция *политически?* Соответствовала ли она положению вещей? Правилен ли был тогда лозунг Троцкого-Парвуса: «без царя, а правительство рабочее»? Вот на *эти* вопросы нужно ответить.

Ленин писал про 1905 год и про *особенности* 1905 года, а равно последующих революционных задач:

> «Этот аграрный вопрос и есть *теперь* в России *национальный* вопрос» (Ленин о прусском и амер. путях развития. Письмо к Скворцову).

Правильно ли было, что *«гвоздь»* был именно *тут?* Правильно ли было, что основная задача времени состояла в том, чтобы поднять мужика против помещика и вместе с помещичьим землевладением разгромить его самодержавную политическую надстройку? Правильно ли было вести линию на *исчерпание революционных возможностей крестьянства*?

Безусловно правильно. *Только* так и можно было ставить вопрос тогда (нужно помнить, что тогда в России не было еще

трестированной промышленности, не было империалистской войны, не было брожения среди зап.-евр. пролетариата и т. д., т.-е. не было всех тех *своеобразных* исторических условий, которые складывались уже к «весне 1917 года», зато была забитость и темнота мужика, еще *не раскачавшегося* против помещика и только просыпавшегося к политической жизни). Задача дня состояла в том, чтобы *через борьбу за землю* рабочий класс *подвел мужика к революции против полуфеодального режима в целом.*

Тов. Троцкий смотрел совсем не в ту дверь. Он не понимал тех требований, которые ставил революционной партии исторический день.

Если посмотрим на революцию 1905 года, на весь этот этап в целом и спросим себя, почему же революция 1905 г. была разгромлена, почему она потерпела крах, то теперь нетрудно ответить на этот вопрос. Революция 1905 года потерпела крах, потому что не получилось смычки между движением городским и аграрно-крестьянским движением. Революция 1905 г. в городе имела высшей точкой своего развития декабрь 1905 г., это было декабрьское восстание московских рабочих; наивысший же пункт аграрного движения, когда крестьянин пускал «красного петуха» в помещичьих усадьбах, падает на 1907 г.; другими словами, крестьянский арьергард начал входить в революцию, когда был разбит и разгромлен рабочий авангард революции в городах. И от того, что не получилось смычки в действии между этими двумя классами, мы потерпели крах. Мы потерпели крах даже при том курсе на крестьянина, который был взят со стороны нашей партии. И тов. Троцкий, который критиковал нас тогда с той точки зрения, что мы слишком большое внимание обращаем на мужика, ошибался вдвойне. При его руководстве революция никогда не могла победить, ибо тов. Троцкий, несмотря на все уверения с его стороны, *перепрыгивал* через крестьянский этап революции. Политика его была в корне неправильна, оценка классовых сил ни в коей мере не соответствовала действительности. Как же можно после всего этого утверждать, как это делает тов. Троцкий, будто в теории перманентной революции и заключается суть большевизма?!

«Основная ошибка тов. Троцкого,—пишет Ленин по поводу того периода и того же этапа революции,—игнорирование бур-

жуазного характера революции, *отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической* (курсив наш. *Н. Б.*). Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые тов. Мартов *повторяет*, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением. Чтобы не оставить дело в этом запутанном виде, в котором изображает его тов. Мартов, покажем, по крайней мере, неправильность этих... рассуждений тов. Троцкого. Коалиция пролетариата и крестьянства «предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо крестьянство создает самостоятельную могучую партию». Это, очевидно, неверно ни с общетеоретической точки зрения, ни с точки зрения опыта русской революции. «Коалиция классов» *вовсе* не предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это — смешение вопроса о классах с вопросом о партиях. «Коалиция» указанных классов *вовсе* не предполагает *ни* того, чтобы одна из существующих буржуазных партий овладела крестьянством, *ни* того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию... Из опыта русской революции тоже ясно, что «коалиция» пролетариата и крестьянства осуществлялась *десятки и сотни раз* без всякой «могучей самостоятельности партии крестьянства» (XI, I, стр. 226—227). Какова роль крестьянства?—спрашивал Троцкий в 1905 г. и отвечал: либо оно будет прямой агентурой буржуазии, либо крестьянство будет иметь свою могучую *самостоятельную* партию.

Отсюда делался вывод о невозможности диктатуры рабочего класса и крестьянства, ибо и в том, и в другом случае налицо был бы неминуемый самый острый конфликт между рабочим классом и крестьянством. Другими словами, здесь уже заранее исключалась идея гегемонии пролетариата. Троцкий *боялся* крестьянства уже тогда, когда нужно было его *звать* на борьбу с помещиком. Троцкий боялся такой «коалиции» классов, которая *только и могла дать* победу над царизмом.

Здесь, следовательно, была другая точка зрения, которая отводила в ходе революции совершенно другую роль крестьянству, которая не понимала того, что составляет сердцевину большевизма, и которая привела бы к краху всей революции, если бы она получила господство в рядах руководящей пролетарской партии.

Теперь переходим к следующему этапу нашей революции, минуя эпоху реакции, когда тов. Троцкий был целиком с м-ками. Берем февральскую революцию 1917 г.—Что писал тогда «перевооружившийся» Ленин, который, по Троцкому, в «важнейшем вопросе» (о крестьянстве) пошел на поклон к теории перманентной революции?—Что говорил этот гениальный пролетарский стратег в 1917 году, через двенадцать лет после первой революции, *в других*, более зрелых условиях, после того, как у нас капитализм сделал громаднейший шаг вперед, после того, как прошел целый ряд лет империалистической войны, после того, как стала фактом величайшая революционная раскачка народных масс и после того, как уже появились признаки западно-европейской революции? Как оценивал Ленин этот *новый этап*? Он говорил, обосновывая свои тезисы относительно советской власти (те самые, про которые Троцкий пишет, что они совсем, совсем в его духе!): «Не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание перепрыгнуть через незавершенную, не изжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера, к революции социалистической? *Если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочее», эта опасность мне бы грозила»*, т.-е. Ленин говорит, что, если бы он сказал в 1917 году то, что Троцкий говорил в *1905 г.*, то ему, Ленину, грозила бы опасность перепрыгнуть сразу через несколько ступеней и провалиться в пустоту. Ленин продолжает: «Но я сказал *не* это, я сказал *другое*. Правительство в России, не считая буржуазного, не может быть помимо Советов Рабочих, Батрацких, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова *только* к этим Советам, а в них как-раз преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, употребляя не меньшевистскую и обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику» (XIV, I). Итак, Ленин говорил: было бы глупостью считать, что наша революция вступила в такую фазу, когда мы можем сейчас же выбросить лозунг чистой пролетарской диктатуры («без царя, а правительство рабочее»). Почему это было бы глупостью? Потому, что еще не изжито аграрно-крестьянское движение. Крестьянство не довело до конца своей аграрной революции, оно еще помещика не смело, оно еще идет вперед. Наша задача заключается в том, чтобы использовать эту революционную силу и через

этот этап гнать, таким образом, революцию *дальше по направлению к социализму*. Он и здесь прежде всего учитывал *своеобразие* обстановки, ибо он рассуждал *диалектически*. Большевистские лозунги и идеи 1905 года в общем подтвердились, но *конкретно* «дела сложились иначе... оригинальнее, своеобразнее, пестрее». (Письма о тактике. Оценка момента). Революционная диктатура пролетариата и крестьянства «уже осуществилась, но чрезвычайно оригинально, ибо она стояла на-ряду с властью буржуазии (Советы и врем. правительство). В этом — своеобразие, в это — особые условия 1917 года. «По-старому выходит: за господств м буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура. А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное *переплетение того и другого*» (там же).

Таким образом, исходя из этой оригинальной конъюнктуры, Ленин говорит, что нужно перейти в *следующий* революционный класс, т.-е. смотреть на мелкобуржуазные Советы. Он не говорит еще «Советы с коммунистами», он подчеркивает положение о мелкобуржуазном характере Советов, где большинство имеют крестьяне. Не прямой прыжок к рабочей диктатуре, а осторожные шаги через все препятствия, тщательный учет всех возможностей, тщательнейший анализ всех переходных ступеней в их своеобразии. Разве это хоть сколько-нибудь похоже на лозунги тов. Троцкого и на его теорию? Посмотрите, что писал Владимир Ильич по поводу нашей политики в области *хозяйственных отношений*. Цитируем статью: «Один из коренных вопросов» (Собр. соч., изд. 21 г., т. XIV, ч. I). Тов. Ленин пишет:

> «Может ли большинство *крестьян* в России потребовать и ввести национализацию земли? Несомненно, да. Есть ли это социалистическая революция? Нет, это еще буржуазная революция, ибо национализация земли — такая мера, которая совместима с капитализмом, но в то же время удар по господству частной собственности на важнейшие средства производства».

Ленин продолжает:

> «Может ли *большинство крестьян* России высказаться за слияние всех банков воедино, за то, чтобы в каждой деревушке было отделение общенационального государ-

ственного банка? Может, ибо удобство и выгоды для народа очевидны от такой меры, даже оборонцы могут быть за нее, ибо она повысит способность обороны России во много раз. Возможно ли экономически немедленно провести такое слияние всех банков воедино? Несомненно, вполне возможно. Есть ли это социалистическая мера? Нет. Это *еще*,— подчеркивает Ленин,— не социализм. Далее, может ли *большинство крестьян* в России высказаться за то, чтобы синдикат сахарозаводчиков перешел в руки государства, под контроль рабочих и крестьян, и чтобы цена сахара понизилась? Вполне возможно, ибо это народу выгодно. Возможно ли это экономически? Вполне возможно». И т. д., и т. п.

Обратите внимание, как подходит Ленин к вопросу. Он все время спрашивает, что скажет «*крестьянин*»? Это вовсе не случайно. Наоборот, здесь скрывается та величайшая революционная трезвость, которая была свойственна пролетарскому вождю. Показывает ли эта цитата, что большевики стали на точку зрения перманентной революции тов. Троцкого? Ничего подобного. И в смысле перехода от одного этапа к другому по *экономической* линии тов. Ленин осторожнейшим образом «переводил» массы в следующий революционный класс. Для чего это было нужно, и почему это *так* делалось? Да для того, чтобы *не оторваться от крестьянской базы*, для того, чтобы постепенными мерами *тащить мужика* за рабочих классом. Ибо Ленин оценивал крестьянство не как неизбежного врага, который обязательно разобьет нам всем череп, а как возможного союзника, который иногда будет ворчать и будет по временам устраивать рабочему классу неприятности, но которого нужно *суметь* повести на пролетарском поводу так, чтобы он являлся одной из слагающих сил в нашей брьбе за пролетарский экономический режим. В 1917 г. опять-таки *никакого «рабочего правительства»*, о котором тов. Троцкий говорил еще в 1905 г., а *прямая полемика с этим*. Ленин говорит: «Я не говорю «без царя, а правительство рабочее», а я говорю: мелкобуржуазные Советы. Я не говорю: сразу «социализм», а я говорю: вот такие-то и такие-то меры, которые выгодны мужику, которые не есть еще социализм, но которые в то же время наносят удар господству частной собственности».

Читатель видит, какое здесь гениальное умение найти переход от одной ступеньки к другой, какое гениальное умение схватить своеобразие момента и какое гениальное умение ухватиться за то звено, за которое нужно ухватиться, чтобы перевести революцию с одного этапа на другой! Идем дальше. Подходим к *октябрю*. Здесь не следует забывать два факта, а именно: с одной стороны, революционное правительство, которое родилось из октябрьской победы, представляло *коалицию большевиков с левыми с.-р.*, с другой стороны, мы приняли аграрную программу *эсеров* и провели ее в жизнь, в то время как с.-р. интеллигентская организация, опиравшаяся на мужика, в решительную минуту *испугалась* этого же мужика, который начал захватывать усадьбы. Ленин, исходя, очевидно, из того соображения, что крестьянство надо привлечь, устроил смелый тактический маневр и сказал: «Вы, крестьяне, под руководством с.-р. выработали такую-то программу. Прекрасно. Мы поможем вам ее провести». Тогда еще *левые* с.-р. реально опирались на крестьянина, были популярны среди крестьянства. Все помнят, как была тогда популярна, напр., Мария Спиридонова. Что мы сделали? Мы ввели их в правительство. И тов. Троцкий не заикнулся тогда об «антисоциалистической гарантии» со стороны «сотрудника-мужика»! Этой политикой, принятием программы с.-р. и введением левых эсеров в правительство, мы *взяли на пролетарский повод многомиллионную крестьянскую массу*. Правильно это было? Правильно. А совпадает ли это с лозунгом: «без царя, а правительство рабочее»? *Даже это* не совпадает. Совпадает ли признание правильности этой политики с полемикой насчет антисоциалистической гарантии, в виде «сотрудника-мужика»? Конечно, не совпадает. Это прямо из другой оперы. И опять-таки, можно ли после всего этого говорить, что во всех писаниях Троцкого марки 1905 г. не было ничего противоречащего большевистской позиции? И можно ли утверждать, что большевизм «перевооружился» по Троцкому? Не туда Троцкий попал, совершенно не то он говорил.

А потом, что у нас было? Потом у нас был дальнейший этап. По какой линии пошло у нас углубление революции? Между прочим, по той, что мы вынуждены были разжигать классовую борьбу в деревне. В октябре рабочий класс и все почти крестьянство, до кулака включительно, шли против помещика. Почему?

Потому, что кулак тоже был заинтересован в разгроме помещика.

У нас *вся масса* шла на штурм помещика. Правильно было, что мы всю *массу* должны были двинуть сюда? Правильно. А дальше революция удержалась на этом? Нет, она пошла дальше. Как она пошла? *Через расслоение крестьянства и ожесточенную классовую борьбу* в деревне. В чем она нашла выражение? Она нашла тогда свое выражение в политике комбедов, которые были тогда необходимы. К чему привела эта политика комбедов *наверху?* К тому, что левые с.-р. подняли восстание против политики комбедов, и тогда кулаки и часть середняков отошли от нас, и мы стали опираться на крестьянскую бедноту и другую часть середняков. Значит, революция перешла в следующий класс. И вот тогда получилась уже в настоящей форме *диктатура рабочего класса*. Таким образом, революция развивалась не так просто, как это представлял себе тов. Троцкий. Тов. Троцкий диктатуру рабочего класса ставил в самом начале процесса, н; ступенек и подходов к этой диктатуре он не видел, не видел конкретного соотношения сил, не видел изменений в этом соотношении, не видел этапов революции, не видел необходимости в смене лозунгов, т.-е. не видел всего того, что необходимо для успешного руководства революцией. И теперь он говорит: «все совершилось по-моему,—поэтому я оказался прав». Ничего не по-вашему! Потому что, если бы мы поступали «по Троцкому», то мы не пришли бы к цели *никогда*. Именно потому, что партия шла «по Ленину», а не по Троцкому, именно поэтому мы и пришли к рабочей диктатуре. И именно потому, что мы и дальше будем итти «по Ленину», т.-е. таща за собой крестьянство и опираясь на него, мы придем к социализму.

СВОЕОБРАЗИЕ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Теперь необходимо подытожить наш анализ: это можно лучше всего сделать, если посмотреть, какую общую оценку на основании всего происшедшего давал Троцкий и какую давал Ленин уже *после того*, как у нас в руках была власть, уже *после того*, как у нас упрочилась рабочая диктатура в стране. В «Уроках Октября» у тов. Троцкого есть следующее место: «Февральская рлевоюция, если ее брать, как самостоятельную революцию,

была буржуазной. Но, как буржуазная революция, она явилась слишком поздно и не заключала в себе никакой устойчивости. Раздираясь противоречиями, сразу же нашедшими себе выражение в двоевластии, она должна была либо превратиться в непосредственное вступление к пролетарской революции, что и произошло, либо под тем или другим буржуазно-олигархическим режимом отбросить Россию в полуколониальное существование. Наступивший после февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: *либо* как период закрепления, развития или завершения «демократической» революции, *либо* как период подготовки пролетарской революции» (Троцкий, сочин., т. III, 1917 г., ч. 1, стр. XVIII).

Итак, тов. Троцкий ставит вопрос следующим образом: мы-де послефевральский период и Февральскую революцию рассматриваем *либо* на один манер, *либо* на другой. Тут мы должны *выбирать*. *Либо* это был период закрепления и завершения буржуазно-демократической революции, и тогда *только это* верно. *Либо* мы должны рассматривать тот же период, как пролог, как «вступление» к пролетарской революции, и тогда *только это* верно. Вот формулировка тов. Троцкого. «Либо-либо», «или-или». Общая оценка дана, баланс подведен.

Оценка тов. Ленина? Открываем собр. соч., XVIII том, статья о 4-летии Советской власти. Статья относится к тому периоду, когда мы четыре года уже стояли у власти. Что же говорит Ленин? А вот что:

> «И анархисты, и мелкобуржуазные демократы, т.-е. меньшевики и эсеры, как русские представители такого международного социалистического типа, говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической, т.-е. к пролетарской. Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед к революции социалистической, зная, что *она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической*, зная, что *только борьба* решит поскольку нам удастся в будущем (это он пишет после 4 лет Советской власти! *Н. Б.)* в последнем счете продвинуться вперед,

какую часть невероятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой...».

Как осторожно формулировано! Другая цитата из той же вещи:

> «Все Каутские, Гильфердинги, Мартовы, Макдональды, Туратти и проч. двухсполовинные марксисты не сумели понять такого соотношения между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революцией. *Первая, т.-е. буржуазно-демократическая, перерастает во вторую. Вторая мимоходом решает вопросы первой. Борьба, и только борьба, решает, насколько удастся второй перерасти первую*».

Посмотрите, какая разница в постановке вопроса! У Троцкого *либо* демократически-буржуазная, *либо* социалистическая революция. А у Ленина? У Ленина совсем не в этом дело. Он говорит: *нельзя* отделять китайской стеной один этап от другого. Нельзя *выбирать: «либо-либо»*. В этом-то и состоит *своеобразие* русской революции, что один тип революции перерастает другой. Если решать вопрос с точки зрения формально-логической схемы, тогда Троцкий «прав» по всей линии. А если решать с точки зрения живой диалектической действительности и боевого искусства Ленина (а, ведь, его искусство и заключается в революционной диалектике), то весь очень эффектный «план» тов. Троцкого остается мертвым, безжизненным, бумажным. А ленинская теория целиком соответствует той практике, гениальнейшей «практике руководства», на которую Ленин был такой великий мастер; ибо для того, чтобы разобраться в хаосе жизни, в величайшей сложности событий, когда соотношение классов меняется с калейдоскопической быстротой, новые вопросы наворачиваются, новые лозунги необходимы, необходима не такая топорная работа (хотя и в литературной форме выраженная), как у тов. Троцкого. Тут нужно тянуть все время за веревочку, применяясь к обстоятельствам и направляя эти обстоятельства к одной цели. Изменилось соотношение классов,—еще шажочек сделать, другой лозунг выкинуть и вести эту линию так, чтобы не провалиться в пропасть или не попасть пальцем в небо. Всякий видит теперь, насколько прав тов. Троцкий, когда говорит: Я вовсе не виноват

в том, что я, будто бы, недооценивал крестьянство.—Кругом виноват! — Я вовсе не виноват в том, что я перескочил через разные фазы.—Кругом виноват!

Что в конце-концов получилась пролетарская диктатура,— в этом он прав. Тут разногласий нет. Но когда он приписывает себе ту заслугу, что большевики поступили по теории «перманентной революции» и потому достигли рабочей диктатуры, то это одно сплошное самообольщение. Поэтому, совершенно естественно, что раз тов. Троцкий настаивает на своих ошибках, мы должны сказать: если теперь, когда страна снова находится на переломе, поднимают во всей широте вопрос о крестьянстве, поднимая вопрос о перманентной революции; раз продолжают стоять на точке зрения перманентной революции и хотят повернуть на эту дорогу всю партию,—мы пойти по этому пути не можем, потому что мы не хотим сдавать ленинской позиции, потому что без этой позиции мы загубим свое дело. И поэтому мы должны идейно ликвидировать троцкизм, завоевать под ленинские знамена всю партию во что бы то ни стало, ибо вопрос о рабоче-крестьянском блоке есть центральный вопрос, это есть вопрос всех вопросов.

Нам хотелось бы сказать несколько слов относительно общей оценки нашей революции в другой период, а именно в период *после захвата* власти рабочим классом.

Что оригинального дал нам Ленин для понимания нашей революции, как она развивалась после захвата власти? Здесь есть несколько вещей, которые еще в нашей литературе не получили всей той оценки, которую они должны получить. Вообще говоря, нам, каждому из нас, следует перечитывать сейчас сочинения Ленина, потому что у него есть одна особенность: он писал так просто, что многие товарищи, в особенности из интеллигентов, проходили мимо этого,—очень уж все казалось «просто», не вдумывались в эти «простые» вещи. А теперь, когда мы пережили целый ряд передряг, и когда из «мелких» вопросиков снова всплыла оценка хода нашей революции, вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству и проч., чрезвычайно полезно снова и снова пересмотреть все то, что пишет Владимир Ильич.

Возьмем вопрос о дальнейших перспективах нашей революции. Тов. Троцкий говорит, что его оценка движущих сил революции, оценка, которую он давал в 1905 г., правильна.

Но если эта оценка правильна, то, значит, до победы рабочего класса, т.-е. до пролетарской диктатуры в Зап. Европе, мы должны почти неминуемо погибнуть от своего антиреволюционного сотрудника. Между тем, по Ленину, как мы видели, задача состоит для нас в том, чтобы «ужиться с мужиком». Так Ленин определял генеральную линию нашего поведения. Ленин вовсе не говорил, что если не подоспеет захват власти рабочим классом на Западе, то мы обязательно полетим. Почему? Да потому, что если мы будем умно себя вести, мы уживемся с мужиком. Так понятна становится теперь психология троцкистской прошлогодней оппозиции: в революции заминка, а на мази столкновение пролетариата с крестьянством. Как тут не отчаяться и не закричать: «караул, спасите!». А между тем, положение вовсе не отчаянное: если мы не будем глупить, если мы пойдем по линии рабоче-крестьянского блока, мы вытянем. Только не наглупить в этом вопросе, только не делать больших ошибок, только соблюдать величайшую осторожность в этом самом пункте, только не кричать излишне против мужика, а стремиться вести такую политику, которая сохраняет руководящую роль пролетариата. Нам кажется, что в основе разноречий лежит разноречие в очень глубоких теоретических предпосылках, которое еще, насколько нам представляется, никем не анализировалось, которое подлежит анализу и, несомненно, будет проанализировано в ходе наших дальнейших литературных и теоретических споров. Каково, в самом деле, обыкновенное, книжное представление о социалистической революции? Его, примерно, можно формулировать так: если пролетариат сравнительно немногочислен, если он находится в стране с подавляющем большинством крестьянства и, следовательно, мелкого хозяйства, то этому пролетариату, раз он стал у власти, ни за что не справиться с громадностью задач, и этот пролетариат неизбежно, в той или иной форме, погибнет. Такая точка зрения вытекает из обычной, книжной, школьной постановки вопроса о социалистической революции; мы должны сказать, что эта постановка вопроса обретается—увы!—в умах очень широкого круга членов нашей собственной партии.

И вот этот взгляд тов. Ленина подверг критике. К сожалению, его соответствующая маленькая работка совсем не подвергнута должной оценке (мы уже не говорим о том, что его

мысли, которые он бросил, не нашли своей разработки). Мы имеем в виду его замечательнейшую статью по поводу Суханова. Это теоретический бриллиант в полном смысле слова. Нам представляется в высшей степени уместным привести некоторые места из этой поистине гениальной заметочки, которую написал Владимир Ильич, будучи уже совершенно больным.

«Они (с.-д. *Н. Б.*) все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли, именно его революционной диалектики. Даже прямые указания Маркса на то, что в моменты революции требуется максимальная гибкость, ими абсолютно не поняты, и даже не замечены, напр., указания Маркса... когда он высказывал надежду на соединение крестьянской войны в Германии, могущей создать революционную обстановку, с рабочим движением»... (стр. 117, т. XVIII, ч. II) ...«они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Зап. Европе. И вот они не могут себе представить, что этот путь не может быть считаем образцовым, *иначе, как с некоторыми поправками* (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории)».

Первое — революция, связанная *с первой всемирной империалистической войной*. В такой революции должны были сказаться новые черты...

Второе—им совершенно чужда мысль, что при общей закономерности разития... не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития...

Например, до бесконечия шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии, и который состоит в том, что... у нас нет объективных экономических предпосылок для социализма. И никому не приходит в голову спросить себя: а не мог ли народ, встретивший *революционную ситуацию*, такую, которая сложилась *в первую империалистическую войну*, не мог ли он под влиянием *безысходности* своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть *какие-либо шансы* открывала ему на завоевание для себя *не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации*.

...Ну, а что, если *своеобразие* обстановки поставило Россию, во-первых, в мировую империалистическую войну..., поставило ее развитие *на грани* начинающихся и частично уже начавшихся революций Востока в *такие* условия, когда мы могли осуществить... *союз «крестьянской войны» с рабочим движением?..*

Что, если полная *безвыходность положения*, УДЕСЯТЕРЯЯ тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность *иного* перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах? Изменилась ли от этого общая линия развития мировой истории?..

Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

Этот необычайно смелый набросок с грандиозным полетом мысли исключительной широты есть замечательное применение революционной диалектики. Перед нами глубочайшее проникновение в проблему *своеобразия* нашей революции, которое только и может служить основой для правильной и успешной политики.

В самом деле, обычное представление о социалистической революции таково: материальная предпосылка социализма— крупная промышленность, большой рабочий класс; если этого нет, то пролетарская революция обязательно погибнет, ибо получится революционный выкидыш. Как Ленин подходит к этому вопросу? Он говорит: в *общем и целом* это правильно. А вот при *особых* условиях это *правильное* превращается в *неправильное*. Нужно *видеть*, какие это особые условия. А условия эти таковы, например, что у нас в России мировая война, господство помещика в государстве и кабала над мужиком, западноевропейское брожение рабочих, колониальные восточные восстания и т. д. создают такую обстановку, несмотря на отсталость этой России, что *общее* положение, если его целиком применить к конкретному случаю, становится *неправильным*. Вот в чем гвоздь. Мы полагаем, что эта заметка Владимира Ильича есть до известной степени ключ к *пониманию всей его позиции*.

Общее правило верно,—говорит тов. Ленин. Но дураки те, которые не понимают, что одним общим положением не проживешь. Будьте добры рассмотреть случай, когда благодаря *особым* условиям войны и революции на Западе, и революции, начинающейся на Востоке, и проч., получается *такая* возможность для рабочего класса и крестьянства, что они помещиков выгнали, капиталистов выгнали, фабриками и заводами овладели и могут итти на новых основах вперед, окруженные *особой* атмосферой, которой не было никогда раньше (кризис капитализма и т. д.). Ленин берет под обстрел обычные, очень прочно укоренившиеся представления о революции, о возможности победы пролетариата и проч. И он вносит очень большую поправку в это вульгарное, ходячее, книжное представление: из каких книжек,—спрашивает он,—вы вычитали, что невозможны этакие исключения? Само собою разумеется, что такая постановка вопроса ни в малейшей степени не противоречит марксизму. Наоборот, она-то и является необычайно тонким применением марксистской теории, марксистской революционной диалектики. Ибо здесь-то и улавливается *своеобразие* черт революции, быть-может, неповторимых, которыми отличается наша революция. А у тов. Троцкого? У Троцкого, конечно, об этом ни намека. Он себе представляет дело очень просто, как «все» представляют, как об этом пишется в соц.-демократических книжках, как обычно об этом трактуется. Маленький пролетариат, маленькая промышленность. Пролетариат стал у власти и неизбежно погибнет. А тов. Ленин говорит: нет, это вовсе не неизбежно, ибо может быть положение в стране *такое* и условия *вокруг* страны *такие*, что *это вовсе не обязательно*.

Отсюда вытекает разница в прогнозе, разница в перспективе, разногласия по целому ряду частичных вопросов практической политики. Отсюда вытекал и генеральный «план» Владимира Ильича: не отрывайся от мужицкой базы и постепенно развивай промышленность. Помни, что накопление в крестьянском хозяйстве копейки есть основа для того, чтобы накопить рубль в социалистической промышленности. Постоянно во всей своей хозяйственной и прочей политике держись руками за мужика. Его переделывай через кооперацию, тащи его к объединению в кооперативе. Ты имеешь банки и кредит. В течение десятков лет переделывай его, перерабатывай, не смущаясь тем, что он—

собственник. Помни, что он должен быть твоим союзником, которого ты должен переработать. Имей терпение, не спеши, не зарывайся, не выставляй своих коммунистических добродетелей, которые могут отпугнуть мужика, спрячь их иногда в карман, если они его пугают, умей осторожно и мудро вести его за собой,— тогда только ты победишь. А спросите тов. Троцкого, есть ли у него хоть намек относительно кооперации, которую Ленин выдвигал в своих последних статьях? Где он писал, как он к ней относится? Не противоречат ли ленинскому плану рассуждения о гибели неизбежной?.

А теперь несколько замечаний по поводу *помощи западноевропейского пролетариата*. И тут дело обстоит не так, как думает Троцкий. У тов. Троцкого зап.-европейский пролетариат помогает *государственным образом:* он завоевывает власть и *таким образом* помогает нас вытащить из гибельной мужицкой трясины. Но вот пролетариат *не* победил. Но разве он нам не помогает? И разве нет еще и другой силы, которая нам тоже помогает, силы колониальных народов? В чем здесь ошибка тов. Троцкого? Все в том же формально-логическом подходе к делу. Он не видит своеобразия форм, особой «полосы», которая исключает ту постановку вопроса, которая так характерна для тов. Троцкого. У Троцкого *либо* победа зап.-европейского пролетариата, *либо* гибель у нас; *либо* государственная помощь, *либо* никакой. А в жизни? А в жизни ряд *полупобед* плюс колониальное движение, плюс кризис капитализма, вызванный войной. Жизнь и тут оказалась пестрее и многоцветнее. И вот эта *своеобразная* международная обстановка и *своеобразная форма международной пролетарской помощи*, форма, которая не укладывается в тесный гроб логических схем Троцкого,—все это учитывается ленинизмом, этим самым гибким познавательным инструментом нашего времени.

Тот бы ЦК привел к «гибели страну», который в вопрос о крестьянстве стоял бы на точке зрения тов. Троцкого. Такой ЦК действительно погубил бы нашу революцию, потому что под соусом чисто-«пролетарской» идеологии и чисто-«пролетарской» политики он на самом деле вел бы полуменьшевистскую цеховую политику, а такая политика неизбежно подталкивала бы нас к пропасти,— мы потеряли бы связь с крестьянством и напоролись бы на конфликт, который действительно мог бы стать смертельным. Вот

почему сейчас необходимо занять совершенно определенную политическую позицию. Тут все личные симпатии и антипатии должны отойти в сторону.

Тов. Троцкий вновь выступил с системой взглядов, которые составляли *суть* троцкизма; но наша партия никоим образом не может стать на ту точку зрения, с которой она неустанно боролась в течение многих и многих лет. Теория перманентности для нас небезразлична. Если это знамя выкидывается снова, мы вынуждены драться, ибо наша партия только тогда доведет дело до конца, если она будет сплочена на определенной идейно-политической оси. Но если под эту ось, под фундамент, на котором стоит наша партия, подкладывается динамит,—а это делается,—то на это партия пойти не может. Наша революция не закончилась. Мы своего дела еще не сделали. Мы не собираемся вовсе уходить в отставку, но нам, ведь, придется рано или поздно предоставить следующему поколению решать судьбы революции. Мы должны сохранять в партии и усиливать большевистскую идеологическую преемственность. Наша партия будет еще существовать в течение десятков лет. История нашей партии вовсе не началась в октябре 17 г., и она не окончилась в октябре 17 года. Наша партия еще будет жить десятки лет. Должна партия заботиться, чтобы была идейная преемственность, должны мы воспитывать всех вузовцев и комсомольцев в ленинском духе? Или мы должны сказать: «это все старые споры, пошлем их к прабабушке; у нас другие проблемы, эти споры не имеют отношения к делу». Так отвечать нельзя. Ибо эти «*старые*» споры имеют самое непосредственное отношение к *новым* проблемам. Поэтому мы считаем себя обязанными партию оградить от попыток немножко переделать и подправить ленинское учение, подправить на манер «перманентной революции». «Нет худа без добра»: в обсуждении таких вопросов, в тщательном взвешивании всех аргументов, в разработке нашей партийной истории, в связывании прошлой партийной нашей истории с текущими вопросами политического дня,—в этом лежит залог того, что мы нашу партию большевизируем.

К КРИТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ОППОЗИЦИИ.

(Уроки октября 1923 г.).

Внастоящее время нам представляется далеко не лишней попытка критически подытожить прошлогоднюю *экономическую* дискуссию. «Подытожить», т.-е. проанализировать экономическую платформу оппозиции с точки зрения общих ошибок оппозиционных товарищей,—общих ошибок, которые вскрыты нами в предыдущих статьях. Это тем более необходимо, что ряд вопросов частного порядка, поставленных прошлым годом, еще не решен. С другой стороны, как-будто для всех более или менее ясно, что критики ЦК ошибались. В самом деле, вспомним хорошенько, что они писали, говорили, пропагандировали.

В известной записке 46-ти утверждалось, например, следующее:

> «Чрезвычайная серьезность положения заставляет нас... сказать вам открыто, что *продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии*. Начавшийся с конца июля этого года хозяйственный и финансовый кризис, со всеми вытекающими из него политическими, в том числе и внутрипартийными, последствиями, *безжалостно вскрыл неудовлетворительность руководства партией* как в области хозяйства, так и особенно в области внутрипартийных отношений.
>
> Случайность, необдуманность, бессистемность решений ЦК, *не сводящего концов с концами в области хозяйства*, привели к тому, что мы при наличии несомненных крупных успехов в области промышленности, сельского хозяйства, финансов и транспорта,—успехов, достигнутых хозяйством страны стихийно, *не благодаря, а несмотря*

> *на неудовлетворительное руководство*, или, вернее, на отсутствие всякого руководства, *не только стоим перед перспективой приостановки этих успехов, но и перед тяжелым общеэкономическим кризисом...*
>
> Если не будут немедленно приняты широкие, продуманные, планомерные и энергичные меры, если нынешнее отсутствие руководства будет продолжаться, мы стоим перед возможностью *необычайно острого хозяйственного потрясения*, неизбежно связанного с *внутренними осложнениями и с полным параличом нашей внешней активности и дееспособности*».

Никаких «полных параличей» «нашей активности и дееспособности», как известно, не получилось. Вышло «все наоборот» и в хозяйстве, и в партии, и во внешней политике. В хозяйстве, как и в других областях, успехи были достигнуты отнюдь не на основе той линии, которая предлагалась оппозицией. Но все же из этих ошибок ряда людей, которые по-своему искренно хотели «спасать» нашу партию от страшных ужасов гибели, нужно вывести кое-какие уроки. *Уроки октября 1923 года тоже подлежат критическому анализу.* Этот анализ мы и предлагаем вниманию наших читатетелей.

1. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КЛАССЫ

(Основная стратегическая линия пролетариата).

В статье о «перманентной революции» тов. Троцкого мы, между прочим, показали, как *конкретно*, в действительности, изменялось соотношение между классами в ходе нашей революции и как, в конце-концов, стала на ноги диктатура пролетариата. *Формально* осуществилось то, чего хотел и тов. Троцкий (но к чему оно не умел и не мог *вести*, ибо не видел промежуточных ступеней процесса). *По существу*, это все же «Федот, да не тот», ибо тов. Троцкий совсем неправильно понимает соотношение между рабочим классом и крестьянством *в период пролетарской диктатуры* (теория «гибели» и проч.).

Мы попытаемся здесь *в положительной* форме дать, вернее, наметить, общее решение вопроса о классах в переходный период,

так как вопрос этот вовсе не так ясен, как это представляется с первого взгляда.

> «...В нашей Советской Республике,—писал тов. Ленин, — социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому (т.-е. сотрудничеству. *Н. Б.*) теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен; но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола...
>
> ...В последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.-е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собой этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне,—тем больше шансов на то, что нам удастся избегнуть раскола, который был бы губителен для Советской Республики» («Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. соч., 1923 г., т. XVIII, часть 2, стр. 124).

В этой коротенькой выписке дана вся *сущность* постановки вопроса. Но эту сущность нужно расшифровать до конца или, по крайней мере, в ее основных линиях.

Прежде всего, свалившегося из капиталистического мира марксиста поразили бы в этом рассуждении слова о *сотрудничестве классов;* еще более его поразили бы, вероятно, слова о том, что к этому сотрудничеству допущена и *буржуазия.* Мы имеем, следовательно (о, ужас! о, позор!), «даже» сотрудничество с буржуазией. Как это понять? И как же быть с классовой борьбой? И как все это увязать с нашими общими взглядами? Что означает, в самом деле, этот странный «переход» от теории классовой борьбы к теории (буржуазной?) классового сотрудничества? Не есть ли *уже* это начало нашего «перерождения»?

Рассуждающий так не понимал бы основного: того, что у нас *уже* произошло завоевание власти пролетариатом, *уже* налицо

пролетарская диктатура, а потому целый ряд вопросов не может стоять так, как он стоит для пролетариата в буржуазном обществе.

Генеральная линия пролетариата при капитализме—это линия на *взрыв* общественного целого, на *раскол* общества, на *разрушение* государства.

Генеральная линия пролетариата при его диктатуре—это линия на *укрепление* общественного целого, линия *против* раскола общества, линия за *упрочение* государства (до той фазы, когда начнется «отмирание» его).

При капитализме пролетариат—за *революцию* против данного порядка вещей.

При пролетарской диктатуре рабочий класс—за *эволюционное* движение к коммунизму, ибо государство пролетариата не разрушается, а «отмирает».

При капитализме пролетариат стоит за *гражданскую войну* внутри общества.

При своей собственной диктатуре, при ее укреплении он—за *гражданский мир*. Он *карает* за нарушение этого гражданского мира.

Но если *диктатура пролетариата* служит оболочкой для известного «сотрудничества классов», которое выражает единство общественного целого, то это вовсе не значит, что прекращается классовая борьба. Она принимает, однако, иную форму, она, с другой стороны, имеет совершенно иную тенденцию развития, чем при капитализме (ибо при капитализме она *обостряется*, пока все общество не расколется и не распадется, при успешном продвижении к социализму с известного пункта она начинает «отмирать»).

Диктатура пролетариата, т.-е. пролетарский класс, организованный как государственная власть, имеет совершенно неодинаковое отношение к классам, живущим под этой «политической надстройкой».

Обычно всеми нашими учителями государственная власть пролетариата рассматривалась почти исключительно как инструмент подавления классового противника, как «карающий меч революции», если говорить высоким стилем. Это и понятно. Ибо нельзя было заглянуть за историческую завесу дальше, чем это сделали творцы научного коммунизма и их великий рус-

ский продолжатель. Однако, Ленин, формулируя свое положение о сотрудничестве, тем самым уже поставил дальнейший вопрос о всей сложности функций пролетарского государства в период, если так можно выразиться, «пролетарского гражданского мира». Поставив этот вопрос, мы увидим без труда все различие в отношениях *к классам.*

В самом деле.

По отношению к белогвардейским, буржуазно-помещичьим, мятежным слоям и их остаткам функция диктатуры состоит в *подавлении*, и только в подавлении.

Иным является отношение пролетариата и его государственной власти к *новой буржуазии*, которая при данном соотношении общественных сил является общественно-необходимым слоем, выполняющим—в *известной* мере, *известных* пределах, в *известном* отрезке времени—общественно-полезную функцию; по отношению к ней дело отнюдь не ограничивается одним подавлением. Тут есть и *сотрудничество* пролетариата, и в этом сотрудничестве — классовая борьба. Общая линия у рабочего класса — какая? Использование этой буржуазии, с определенного пункта — *преодоление* ее. Преодоление, главным образом, путем ее экономического *вытеснения* с *параллельной* заменой стоящих за нею людей и аппаратов своими людьми, учреждениями, аппаратами и т. д. Частный капитал не конфискуется однократным актом, не отрубается механически одним взмахом революционного меча. Он именно *преодолевается* в процессе хозяйственной борьбы на основе роста наших госучреждений и кооперации; он *вытесняется* ими, хозяйственно (и с помощью госуд. давления, поскольку и где это целесообразно) *выдавливается* из своих позиций, уступая место более совершенным видам хозяйства. Здесь есть и подавление, но не в нем центр тяжести. Здесь есть и сотрудничество. Здесь есть и классовая борьба. Здесь эта классовая борьба приводит (при успехе социализма) к преодолению на основе *вытеснения*, *уничтожения* классового противника и хозяйственной формы, носителем коей он является. Мы, в конце-концов, *выживаем* «нэпманов».

Диктатура пролетариата, т.-е. государственная власть, *опосредствует* все эти типы отношений. Но если она делает возможным сотрудничество с нэпманами в *обществе*, это совсем не значит, что государственная власть есть не пролетарская,

а пролетарско-нэпманская. Всякое относительно устойчивое общество (за исключением коммунистического) есть «единство противоположностей», единство разных классов. Но это не значит, что государственная власть во всяком обществе есть блоковая, общенародная власть, в коей принимают участие все классы населения. На этом элементарном смешении покоятся рассуждения гг. Отто Бауэров и К-о.

Иное отношение при диктатуре пролетариата складывается *между рабочим классом и крестьянством*. Есть здесь элемент подавления? Есть, но в гораздо *меньшей* мере (в скобках заметим, что принуждение может быть и по отношению к пролетариату, ибо иногда авангард *давит* на *свой* же арьергард). Есть здесь сотрудничество? Есть, но в неизмеримо *большей* мере, при *меньшей* мере классовых разногласий и классовых трений. Общая тенденция развития здесь (при успехе социализма) тоже *преодоление* и хозяйственных форм, и социально-классового типа. Но это «преодоление» не означает здесь вытеснения или *уничтожения*. «Преодоление» заключается здесь в медленной *переработке* и индивидуального хозяйства, и индивидуалистического социального типа.

Государственная власть пролетариата опосредствует и этот тип сотрудничества. Но и здесь она не перестает быть пролетарской властью, которая *опирается* на крестьянство и *руководит* им.

Итак, мы имеем разные отношения:

1) подавление;

2) сотрудничество и борьба; преодоление через *вытеснение*;

3) гораздо большее сотрудничество и гораздо меньшая борьба; преодоление через *переработку*, в *противоположность* вытеснению.

Разумеется, вышеприведенные рассуждения схематичны и с этой точки зрения в известной мере условны. Так, они предполагают развитие к *социализму*. Если этого не будет (а этот вопрос решит конкретная практика, конкретная борьба, конкретная линия партии и рабочего класса), тогда раскол между рабочим классом и крестьянством приведет к руководству буржуазии над крестьянством против пролетариата. «Сотрудничество» под гегемонией пролетариата лопнет, и диктатура пролетариата будет опрокинута. Может быть и так, что блок рабочего класса и крестьянства будет по временам подвергаться большой опас-

ности, но все же общая линия будет выравниваться и, в общем и целом, этот блок будет укрепляться, а буржуазия будет отступать. Но во всяком случае та линия, за которую мы должны бороться, которую мы должны защищать,—это линия рабоче-крестьянского блока под гегемонией рабочего класса, как руководящей, ведущей силы этого блока. Эта борьба, в конец-концов, решит, каков будет *действительный* исход, какая из половинок ленинского «двоякого исхода» будет реализована в действительности.

Поставим теперь вопрос о соотношении между рабочим классом и крестьянством с другой стороны.

В капиталистическом строе руководящим классом являлась буржуазия. До определенного времени (т.-е. поскольку она играла исторически-прогрессивную роль) буржуазия была «представительницей нации». Когда буржуазная социология, исследуя «социальный порядок» капиталистического общества, выставляет буржуазию, как руководящую силу *всего* общества, то в этом утверждении есть известная доля истины. Ошибка, ложь, апологетика начинается там, где ученые капитала скрывают *классовый характер* «иерархии», когда они лгут, будто «всякий рабочий» может стать капиталистом, когда они прячут основной факт, что в пределах капитализма рабочий класс, как целое, осужден на положение наемного раба и не может подняться, не сломав всей капиталистической системы.

Иное соотношение при диктатуре пролетариата. Рабочий класс и крестьянство — два разные класса. Рабочий класс ведет общество в целом. Но рабочий класс *так* руководит крестьянством, что стремится на деле, перерабатывая его по-своему, *поднять его* до себя. Крестьянство отнюдь не обречено на свое «крестьянское» существование. Наоборот, оно постоянно будет (*если* мы будем итти вперед) «вывариваться в кооперативном котле» и таким образом сходить со своей индивидуалистической «кучи навозу». Соотношение между господствующей буржуазией и пролетариатом постоянно *обостряется*,— такова основная тенденция капитализма. Соотношение между *руководящим* пролетариатом и *руководимым* крестьянством, вопреки теории тов. Троцкого, меняется в *противоположном* смысле.

Противопоставление пролетариата и крестьянства, как *классов*, с известного пункта уже не будет оправдываться: кре-

стьянство все более будет становиться периферией, отстающим слоем, арьергардом работников социалистического общества, арьергардом трудящихся «вообще».

Разумеется, было бы глупейшей маниловщиной и сентиментальным отрицанием марксизма, *если бы* мы это *будущее* целиком перенесли *в настоящее* и проглядели классовую борьбу теперь, различные формы классовых трений между рабочими и крестьянами, диференциацию внутри крестьянства и проч. Но точно так же было бы отрицанием марксизма и ленинизма, если бы мы упустили из виду свою основную генеральную перспективу. Задача сложна и трудна, ибо конкретное развитие крайне противоречиво. Однако, нужно уметь и зацепиться каждый раз за конкретную действительность, и вести *свою* линию, которая определяется общей постановкой вопроса, общим стратегическим планом господствующей пролетарской партии. Вот почему *Ленин* говорил, определяя в апреле 1922 года нашу общую линию:

> «Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно *более широкой* и *мощной массой, не иначе, как вместе с крестьянством*, доказывая ему делом, практикой, опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед.
>
> Если найдутся в нашей партии голоса, которые будут против этого *архимедленного* и *архиосторожного движения*, эти голоса будут одиноки». (Заключ. слово на XI съезде. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 70).

2. ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СМЫЧКИ И ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА ОППОЗИЦИЕЙ. ТАК-НАЗЫВ. «ДИКТАТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ».

«Политика есть концентрированное выражение экономики». То, что мы проанализировали выше с точки зрения классовых соотношений, относится поэтому и к соответствующим хозяйственным формам, которые и определяют социально-классовые типы с их специфическими особенностями.

Нужно раз навсегда понять, что у нас есть сейчас некое, объективно существующее, экономическое «целое», так-наз. «народное хозяйство». Его части противоречивы; здесь есть много

антагонизмов. Эти антагонизмы идут по тем же линиям, что и антагонизмы трех классовых сил, соотношение между которыми мы рассматривали выше. Но в то же время есть и *взаимозависимость* этих частей, их «сотрудничество». Другими словами, они суть функции общественного целого, хотя и находятся во взаимной борьбе. Классовая борьба, классовое сотрудничество и классовые блокировки как-раз и проходят теперь в виде борьбы разных хозяйственных форм, живыми носителями которых выступают определенные общественные группировки. Удельный вес *крестьянского хозяйства* в общей экономике страны находит свое выражение в социальном весе крестьянства, но не «прямо пропорционально», ибо—опять-таки в силу хозяйственной структуры—крестьянство раздроблено по деревенским дворам. Пролетарская промышленность может добиться руководящей хозяйственной роли, лишь опираясь на *крестьянский рынок*. Накопление в социалистической промышленности длительно не может происходить *без накопления в крестьянском хозяйстве*. Одно зависит от другого. И основной проблемой нашей экономики как-раз и является проблема *наиболее быстрого взаимного оплодотворения обеих решающих половинок нашего народного хозяйства*. Поэтому заранее обречены на неудачу все попытки решить тот или иной крупный хозяйственный вопрос, если при этом исходят из *одного* круга хозяйства. Ибо важнейшие проблемы экономики *неизбежно выводят за пределы промышленности*. Точно так же, как основные, кардинальные, решающие вопросы нашей политики решаются пролетариатом, но не состоят в вопросах, так-сказать, «*внутрипролетарского* характера», так и решающие проблемы экономики лежат в соотношении между экономикой города и экономикой деревни. Именно поэтому проблема рабоче-крестьянского блока вполне соответствует проблеме *экономической смычки* между социалистической госпромышленностью и миллионами крестьянских хозяйств.

> «Надо помнить, что основная, решающая, все себе подчиняющая, задача новой экономической политики—это установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было, и ее нам надо прежде всего создать. Этому

соображению надо все подчинить» (Том XVIII, часть 2 стр. 28).

Так говорил Ленин на XI съезде партии. Нужно доказать крестьянину, что мы сумеем ему помочь.

> «Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям. Это совершенно неминуемо... Это надо знать и, получивши кредит (от крестьянина. *Н. Б.*), все-таки поторапливаться. Надо знать, что приближается момент, когда крестьянская страна нам дальнейшего кредита не окажет, когда она, если можно употребить коммерческий термин, спросит наличными» (там же, стр. 29).

Отсюда шли лозунги: «учитесь торговать». Ибо *через* торговлю и идет «смычка», взаимодействие между новой экономикой города и крестьянским хозяйством. И когда осенью 1923 года у нас остановился товарооборот между городом и деревней, то это было *кризисом смычки*.

Как же подходили к вопросу товарищи из оппозиции? Как хотели они решать мучительную проблему дня? Куда, в какую сторону они тогда глядели? Где искали ответа?

Вот как отвечает на этот вопрос резолюция, предложенная *оппозиционными экономистами* на собрании московского партийного актива:

> «Необходимо не только ставить вопрос об основном и решающем значении смычки национализированной промышленности и крестьянского хозяйства, но и разъяснить, почему эта смычка не наладилась за истекший период, и почему смычка деревни с кустарной частной промышленностью и торговым частным капиталом развивалась успешнее. Основными причинами являются: *отсутствие плана, объединяющего работу всех отраслей государственного хозяйства*» и т. д. («Правда», 1-го января 1924 года.)

Тов. Пятаков на XIII партконференции, разъяснив, что речь идет о плане по отношению *только* к госхозяйству, говорил

о том, что в центре стоят *два* вопроса: «как мы будем управлять нашим госхозяйством», и «как нужно проводить план».

> «Если мы,— продолжал он, — не выпятим со всей силой, со всей энергией, *именно эти* два вопроса, то мы не решим проблемы смычки». (Тринадц. конф. РКП (б.). Изд. «Красная Новь», 1924 г., стр. 23).

Тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК (от 8-го октября 1923 г.) определял «реальное экономическое содержание» лозунга смычки так:

> *«плановое хозяйство; жесткая концентрация промышленности; жесткое снижение накладных расходов промышленности и торговли».*

Перед XII съездом партии, где докладчиком по вопросу о промышленности выступал тов. Троцкий, была упорная борьба за вставку о значении крестьянского хозяйства. Тов. Троцкий возражал, указывая, что этой—самой по себе правильной—вставке—не место в резолюции по промышленности. После долгих переговоров вставка была сделана по настоянию большинства членов ЦК.

О чем говорят эти выписки и эти факты? *Все* товарищи на словах признают значение крестьянского хозяйства. Но *на деле* они этого вопроса не продумывают до конца, и именно здесь лежит корень большинства ошибок бывшей оппозиции.

В самом деле, разве не ясно, что оппоненты ЦК *искали решения вопроса, не выходя за пределы государственного хозяйства?*

Разве все их формулировки не показывают, что они проблему смычки «решали» «изнутри» госхозяйства, а иногда даже «изнутри» одной *промышленности?*

Разве не видно, что они эту промышленность брали *изолированно*, отрывая ее от крестьянского хозяйства?

Разве не видно, что «реально-экономическое содержание» лозунга смычки у них шло *мимо* действительного «реально-экономического содержания» этого лозунга?

В чем заключалась «размычка» между городом и деревней? *Высокие цены* на продукты промышленности; противоречие между

ними и *емкостью внутреннего (крестьянского) рынка;* падающая валюта при росте товарных отношений, крах денежной связи, которая есть *условие товарооборота* вообще, товарооборота между городом и деревней в частности; вместе с тем невозможность или крайняя затруднительность *накопления* в крестьянском хозяйстве (невозможность *продажи, покупки,* накопления в денежной форме),—полная размычка.

При *таких* условиях искать решения проблемы смычки в рамках госхозяйства или—еще хлеще—в рамках промышленности—это значит обнаруживать полное непонимание *сути* вопроса.

Разницу между позицией Центрального Комитета партии и «позицией оппозиции» можно примерно формулировать следующим образом:

Позиция ЦК: Болезнь — в *соотношении* между économie госпромышленностью и сельским хозяйством, т.-е., *главным* образом, в сфере *обращения* (невозможные цены, агония совзнака). Здесь гвоздь вопроса. Только сдвинув с места процесс обращения, мы сможем, как следует, лечить и госпроизводство (заставить снизить себестоимость, рационализировать производство и т. д.), что, в свою очередь, усилит «обмен веществ» («смычку») между городом и деревней.

Позиция оппозиции: Болезнь — в отсутствии плана, это, так-сказать, — госплановая болезнь. Она, следовательно, заложена в кругу госхозяйства, а то и в кругу госпромышленности. *Здесь* — суть вопроса. Вылечив промышленность через «госплан», мы затем само собой решим и задачу смычки.

ЦК шел, таким образом, от обращения (деньги, цены, торговля) к производству, оппозиция (как это «по-марксистски» звучит!) — от производства (рациональный план) к обращению.

Конечно, это разграничение не нужно понимать в плоском, абсолютном смысле слова. Речь идет лишь *о центре тяжести* всей проблемы в ее целом. С этой оговоркой, мы думаем, наша постановка вопроса является единственно правильной.

Если это так,—а это безусловно так, — то читатели увидят и своеобразную логику «оппозиционных ошибок»: она коренится все в той же «недооценке крестьянства», от которой — на словах — так открещиваются товарищи-критики.

Этот основной порок имеется и в концепции «диктатуры промышленности», которую защищал тов. Троцкий.

«...внутри государственного комбината, — писал тов. Троцкий, — «диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности. Разумеется, слово «диктатура», как я пояснял, имеет здесь очень ограниченный и условный характер,— в противовес той «диктатуре», на которую претендовали финансы. Другими словами: не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты должна быть строго соподчинена интересам государственной промышленности. Само собой разумеется,— продолжал тов. Троцкий, отвечая на удары критики,— что это нимало не направлено против смычки, т.-е. правильных взаимоотношений всего государственного «комбината» и крестьянского хозяйства. Наоборот, только при такой постановке дела «смычка» из области парадной фразеологии может быть переведена постепенно в область хозяйственной действительности». (Троцкий, «Новый курс», стр. 71—72).

Тов. Троцкий ссылается далее на факт, что он отнюдь не стоял за форсированный рост промышленного накопления. Факт этот верен: сам тов.Троцкий за этот форсаж не стоял,—другие стояли. Но эти «другие» лучше, как нам кажется, связывали концы с концами. Ибо из «диктатуры промышленности», даже в том виде, как тов. Троцкий излагает ее в «Новом курсе», вытекают не те выводы, которые делает тов. Троцкий.

В самом деле, посмотрите, как определяет тов. Троцкий отношение между Наркомфином и госпромышленностью. Он стоит за диктатуру промышленности над Наркомфином. Расшифруем, что это значит.

Прежде всего, одно небольшое замечание. Наш Наркомфин нельзя считать тем же самым учреждением, что министерство финансов буржуазных государств. Строение нашего государственного бюджета в корне и принципиально отличается от строения буржуазного бюджета, ибо наше «*государственное* хозяйство» принципиально отличается от «государственного хозяйства» классической «финансовой науки» любого из буржуазных университетов. Оно включает всю крупную промышленность, весь транспорт, госторговлю, советские хозяйства и т. д., т.-е. изрядную долю «народного хозяйства». Поэтому *такого* проти-

воречия между «интересами народного хозяйства» и «интересами *фиска*» у нас быть не может (мы не говорим уже о классовой характеристике бюджета, что само собою разумеется).

Итак, что же означает утверждение тов. Троцкого?

Во-первых, тов. Троцкий совершенно напрасно думает, что Наркомфин—такая же часть «госкомбината», как транспорт и т. д. (см. «Новый курс», стр. 71).

Во-вторых, тов. Троцкий упускает из виду, что Наркомфин обнимает своею деятельностью *не только всю госпромышленность, не только весь сектор госхозяйства, но и всю сферу частного хозяйства (хотя и «по-другому»)*.

В-третьих, тов. Троцкий не учитывает, что распределение финансовых средств для разных отраслей народного хозяйства (бюджет), а равно (косвенно, через Госбанк) вопросы кредитования идут через Наркомфин, т.-е. здесь и происходит в значительной мере (по директивам СТО и т. д.) реальная *увязка* между различными сферами народного хозяйства (а не только промышленности).

В-четвертых, тов. Троцкий недооценивает тот факт, что непосредственно в связи с Наркомфином стоит *денежная* система, эта элементарная предпосылка всей совокупности товарного хозяйства, которая имеет значение для всех звеньев народного хозяйства, а равно *система кредита* и банки.

Если говорить, что должна существовать диктатура промышленности *над Наркомфином*, это и значит не понимать реальных связей между этой промышленностью и внегосударственным хозяйственным кругом, т.-е. в первую очередь, крестьянским хозяйством.

Как рационалистически, общо, абстрактно ставит вопрос тов. Троцкий, видно из его рассуждений насчет валюты (это в самый «разгар» денежной проблемы).

Разумеется, «в конечном счете» все «соподчинено» проблеме развития крупной промышленности, ибо *она* есть база социализма, ведущее начало и т. д., и т. п. Опять-таки, не в *этом* дело, не в этих политико-экономических «*азах*». А дело в том, что в определенное, конкретное время, при определенных, конкретных условиях вопросы денежной системы могут стать «звеном». И тогда *этой* проблеме должно быть «соподчинено» все. Но это уже другая тема, которой нам придется коснуться ниже.

Итак, мы видим здесь основную ошибку («методологическую» ошибку) оппозиционных теоретиков-экономистов: они брали промышленность *изолированно*, «гвоздя» проблемы они не видели. Поэтому на основе своей постановки вопроса они и не в состоянии были предложить систему правильных мероприятий: они смотрели не туда, куда нужно было смотреть.

Интереснее всего — то, что эта ошибка по типу *буквально* повторяла профсоюзную ошибку Троцкого, Бухарина и прочих. В самом деле, как тогда рассуждали?

«Нэп», раскрепощение хозяйства и т. д.,—очень хорошо. Все это приемлемо. Но какое это отношение имеет к профсоюзам? И какое это отношение имеет к économie госпромышленности? Это — «особый вопрос» (как у Троцкого перед XII съездом «особенность вопроса» о промышленности была аргументом против абзаца о роли крестьянского хозяйства).

Так рассуждали тогда, и рассуждали, действительно, как *эклектики*, которые не видели общей связи крупных проблем, ставших на очередь дня.

Та же ошибка в виде изолированного анализа промышленности, ее, так-сказать, лабораторно-уединенного лечения, повторилась и в прошлом году. Нетрудно понять, что, — отрицают или не отрицают это сами авторы ошибки,—она связана с непониманием роли крестьянского хозяйства. Это подтвердится еще более в последующем изложении.

3. ВОПРОС О «ПЛАНЕ».

Вопрос о плане, как мы видели, играл в дискуссии совершенно исключительную роль. Оппозиция видела в «плане», «плановом начале», «маневренном плане» и т. д. универсальное средство от всех экономических, а следовательно, и всяких иных, зол.

Само собою разумеется, что никто и не спорил против планового хозяйства и плана вообще: мы уже в прошлом году настолько далеко ушли вперед от такой детски-примитивной постановки вопроса, что нелепо было тащить партию назад, к рассуждениям о «пользе стекла». Не в этом был вопрос. А вопрос был в том, как *реально* подойти хоть немножечко поближе к тому «плановому хозяйству», имя которому — «социализм».

Нужно еще раз вспомнить, как обстояло дело, какова была *конкретная* «хозяйственная конъюнктура» в широком смысле этого слова.

Основной факт—почти полная размычка промышленности с крестьянским хозяйством. Невозможность и бесперспективность товарооборота между городом и деревней. Крестьянин не может развивать свое хозяйство, так как он не заинтересован в росте его товарности; цены на продукты крестьянского хозяйства страшно низки, и ему невыгодно продавать; цены на продукты промышленности очень высоки, и ему невозможно покупать. Запродажи со стороны крестьянского хозяйства для покупок тоже, следовательно, перестают иметь смысл. Этакое положение невероятно обостряется катастрофически падающей валютой, совзнаком, который становится положительно опасно держать у себя,—он падает по своей покупательной способности не только со дня на день, но чуть ли не с часу на час. Денежное «накопление» становится исключенным, а следовательно, застопоривается и реальное накопление, вместе с ростом помех к расширению товарного хозяйства вообще. Становится невозможным даже ограниченный *индивидуальный* «план» крестьянского хозяйства, ибо нельзя даже элементарно рассчитать и подсчитать хозяйственные элементы, не говоря уже о налогах и т. д.

Так—в общем, в самых грубых очертаниях—обстояло дело с крестьянским хозяйством.

А с промышленностью? Прежде всего, невозможность сбыта. Промышленность уперлась в тупик, она натолкнулась на крупнейшее препятствие, а именно на слабость внутреннего крестьянского рынка. Процесс реализации застопорился. Застопорилось, следовательно, и воспроизводство, и накопление. Падающ валюта, бесконечное количество «индексов», судорожные попытки решить задачу квадратуры круга, т.-е. найти точные измерители при всеобщей неустойчивости хозяйственных элементов, делали и здесь невозможным точный расчет, калькуляцию, исчисление себестоимости, балансов и т. д. Элементарнейшая основа элементарнейшего плана отсутствовала даже для отдельного предприятия, треста или для любой еще более низовой производственной единицы.

Таким образом, по основной линии смычки между двумя громаднейшими частями народного хозяйства получилось пол-

ное и категорическое расхождение. А в любой из производственных ячеек и на стороне крестьянина, и на стороне госпромышленности отсутствовала элементарная возможность «плана» в условиях товарного хозяйства, ибо бился в агонии многострадальный советский знак.

Как же *в таких* условиях предлагали итти к плановому хозяйству оппозиционные товарищи?

В своем докладе на XIII партконференции тов. Пятаков говорил:

> «Если подходить к вопросу о плановом хозяйстве так, как подошел т. Рыков, т.-е. к созданию плана *всего* народного хозяйства Союза Республик, включая и крестьянское, то, разумеется, мы должны сказать: *такого* плана создать в настоящий момент, при наличии колоссальнейшего по размерам крестьянского хозяйства, нельзя... Когда мы говорим о плане и управлении хозяйством, то в первую очередь и в первую голову (а во «вторую»? *Н. Б.*) встает вопрос об управлении *государственным* хозяйством, о внесении сознательности и систематичности, т.-е. планомерности, в это управление» (протоколы, стр. 20).
>
> «Второй вопрос состоит в том, что, если мы построим такую систему управления государственным хозяйством (подчеркиваю: всем государственным хозяйством,—не крестьянским, не частным, а именно той частью народного хозяйства, которая находится в собственности у пролетарского государства), то совершенно ясно, что мы должны подойти к этому нашему хозяйству с каким-то планом работы» (там же, стр. 22).

К этим, невинным на первый взгляд формулировкам стоит присмотреться. В самом деле, казалось бы, что в них—вся бездна марксистской премудрости насчет плана. А вот при ближайшем рассмотрении мы увидим, насколько они *односторонни*, недиалектичны, мертвы, жизненно «подозрительны».

Тов. Пятаков издевается над планом *всего* народного хозяйства теперь. Но эта издевка годится лишь в том случае, если «план» понимать в соответствующем его «чистой» идее виде.

Но *такой* идеальный план исключен и для économie госпромышленности, взятой даже только «в себе и для себя», т.-е. *вне* всякой связи с частнохозяйственным кругом народного хозяйства. Мы и здесь имеем *известную* степень рационализации (внесения сознательности) хозяйственного процесса. Лежит ли *вне* этой тенденции вопрос о соотношении *между* крестьянским хозяйством и госхозяйством? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы увидеть, что и *этот вопрос включается* в вопрос о «плане», включается *уже* теперь. Возьмем дело конкретнее. Можно ли строить хозяйственный план, не учитывая налогов? Нет. Можно ли учитывать налоги, не учитывая вероятного урожая (хотя бы вчерне)? Нет. Можно ли строить планы в *промышленности*, не учитывая емкости крестьянского рынка? Нет. Можно ли ставить вопрос о емкости вне вопроса о ценах? Нет. И так далее, и тому подобное.

В отличие от тов. Пятакова, тов. *Троцкий* в одном месте *почти* подошел к верной постановке вопроса, но тотчас от нее отскочил. В «Новом курсе» он писал:

> «Разумеется, предварительный учет крестьянского рынка... ни в каком случае не может быть точным. Здесь неизбежны серьезные просчеты, уже хотя бы в виду колебания урожая и пр. Просчеты эти будут обнаруживаться через рынок же, в виде частичных и даже общих нехваток, заминок, кризисов. Однако же, совершенно ясно что кризисы эти будут тем менее острыми и длительными, чем *серьезнее плановое руководство проникает во все отрасли государственного хозяйства, сочетая их непрерывно между собой»* (стр. 70).

Тов. Троцкий поставил проблему «просчетов» в области (тоже «планового», поймите же, товарищи!) учета в *соотношении* между городом и деревней, но тотчас же убежал к рассуждениям об отраслях государственного хозяйства, взятого «само по себе».

Вся эта постановка вопроса смазывает *главнейшую* проблему нашей экономики и нашего *планового* (не в абсолютном, не в идеальном, а в конкретно-практическом значении этого слова) руководства. Разверните формулу нашего «плана», даже только в отношении к госпромышленности. «Что есть плж». Плана

состоит, по Троцкому, в «непрерывном сочетании» производственных отраслей между собою. На языке политической экономии это есть «уничтожение диспропорциональности», или «анархии». Но только Туган-Барановский и его сторонники не понимали, что в понятие пропорциональности входит и «сочетание» с *потреблением*, т.-е. в данном случае с совокупностью крестьянского рынка. По Троцкому выходит примерно так: ну, просчеты в отношении к крестьянскому рынку будут, но центр-то тяжести заключается в соотношении частей «госхозяйства». А реально? А реально дело обстоит так, что само это *соотношение* («сочетание») внутри госпромышленности *определяется соотношением с крестьянским рынком*. Тот «план», который бьет мимо этого соотношения, не есть план, ибо это *соотношение* и есть *база* всего плана. Вот что нужно продумать до конца, понять и усвоить раз навсегда.

Никакое самое «расправильное» «сочетание» между отраслями нашей промышленности не освободит от крупнейших потрясений, если будут ошибки в учете *основного* соотношения, т.-е. соотношения между госпромышленностью и крестьянским хозяйством.

В своей книжке «Хозяйство и цена» известный буржуазный идеолог П. Б. Струве говорил об основном «дуализме» хозяйства, т.-е. о том, что *во всяком* хозяйстве обязательны два «начала»: начало стихийности и начало сознательности («плана», «рационализации»). Он считал *исключенным* общую рационализацию хозяйства, т.-е. социализм. Мы этого отнюдь не считаем. Но в то же время мы видим, что рационализации есть *процесс*, что «плановое начало» *растет*. В известном смысле всякое наше государственное вмешательство в стихийный ход экономической жизни есть внесение этого рационального начала, этого «плана». Но нужно практически уметь делать здесь такие шаги, которые реально способствовали бы росту рациональных элементов общественного хозяйства. Тут есть разные типы: регулирование дробного крестьянского хозяйства (*очень* слабое, ибо только такое и возможно теперь) — это один тип; учет на основании статистики вероятной суммы урожая, как основы для построения суммы налога, — это, скажем, *другой* тип; более или менее точные производственные программы госпромышленности — это третий тип «увязки» и т. д. У нас дело с «планом» обстоит как-раз

очень сложно. Но при всей сложности построения плана все же, нам кажется, ясно, что вопрос учета *крестьянского рынка* есть одна из основных работ по построению плана.

Если это так, то да позволено будет спросить: ну, а может быть *такая* обстановка в экономике страны, чтобы этот вопрос вопрос о *соотношении* между городом и деревней, точнее— вопрос о *процессе обращения и условиях этого процесса*, всплыл как *решающий*, как ленинское «звено», как проблема, которая (в относительном смысле слова, конечно) *покрывает* собой все остальные вопросы, проблемы, задачи? Может это быть, или нет?

Конечно, может. И такую обстановку мы и имели осенью 1923 года. Именно *здесь* был заключен «гвоздь» нашей народнохозяйственной жизни, и именно *сюда* нужно было смотреть, чтобы увидеть правильный подход к лечению болезни.

Как иногда смутное сознание этого появлялось и у оппозиционных теоретиков, показывает, например, такое место в их резолюции («Правда», № от 1-го января 1924 г.):

> «Если развитие государственной промышленности совершается стихийно, не уравновешенно с развитием сельского хозяйства, то это является результатом отсутствия плана и руководства».

Это чересчур сильно сказано: «отсутствием». Но что просчет здесь был, — кто же это отрицает? Что были крупнейшие недостатки, — кто же против этого спорит? Но *где* — «здесь»? Где это «*здесь*»,—вот в чем гвоздь вопроса.

На это нельзя было ответить с кондачка. И если оппозиция говорила: план, план, еще раз план и еще раз госплан, то большинство партии утверждало: основа — *в неправильной политике цен* и в *отсутствии твердой валюты*; сюда смотри, здесь чини, исправляй и улучшай таким образом смычку. Это и будет *реальным продвижением к плану.*

Эти вопросы мы рассмотрим более конкретно ниже. А тут мы приведем еще одно место из резолюции оппозиционных экономистов, которое чрезвычайно наглядно и выпукло обнаруживает их ошибку

> «Резолюция (имеется в виду резолюция, предложенная Политбюро ЦК, *Н. Б.*) связывает возможность

планового руководства с введением устойчивой валюты и, таким образом, отсрочку выполнения решений XII съезда (!! *Н. Б.*) объясняет необходимостью предварительно провести денежную реформу. Такая постановка неправильна и опасна, ибо вне общего и непрерывного согласования финансов с другими элементами государственного и народного хозяйства *немыслимо обеспечить действительно устойчивое денежное обращение*».

Как странно выглядят все представления о «плановом руководстве». Сперва—его полное отсутствие. Потом, как deus ex machina, —его полное наличие. Никаких ступеней. Все абсолютно, категорично, «жестко». Но, ведь, теории проверяются жизнью. Не так ли? Что же мы видим под *этим* углом зрения?

«Плановые» предположения оппозиции не были приняты. Был принят другой «план». И что же? У нас улучшилось положение дел и вообще в народном хозяйстве, у нас укрепилась и твердая валюта, т.-е. «действительно устойчивое денежное обращение».

Позвольте, но, ведь, оно было «немыслимо»?

Да, оно было бы «немыслимым», если бы была «мыслимой» предпосылка о правильности взглядов оппозиции.

«Устойчивое денежное обращение» делает таким образом абсолютно неустойчивой экономическую платформу оппозиции и опрокидывает ее без всякого труда «на обе лопатки».

Таким образом, ко всем оппозиционным рассуждениям о плане можно было бы поставить эпиграфом следующее место из Ленина:

«Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством. У нас были и есть текущие продовольственные и топливные планы. Мы сделали явную ошибку и в тех, и в других. Насчет этого не может быть двух мнений. Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт, и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то. Дельный администратор, на основании подобного из-

> учения предложит или сам проведет перемещение лиц, изменение отчетности, перестройку аппарата и т. п. Ни того, ни другого делового и дельного подхода к единому хозяйственному плану у нас не видишь» (Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 86—87)

А в другом месте (в письме тов. Кржижановскому) тов. Ленин писал

> «О плане М. пишет вздор. *Самая большая опасность* (слушайте! *Н. Б.*)—это *забюрократизировать* дело с планом государственного хозяйства. *Это — опасность великая.* Ее не видит М. Очень боюсь, что, иначе подходя к делу, и вы не видите ее... Целый, цельный, настоящий план для нас теперь — «бюрократическая утопия». Не гоняйтесь за ней». (Г. М. Кржижановский. «Товарообмен и плановая работа». М. 1924. Изд. Госплана, стр. 16).

Эти слова нужно будет помнить еще долгое время, чтобы избежать той «великой опасности», о которой говорил тов. Ленин.

4. ПОЛИТИКА ЦЕН.

Выше мы видели, что промышленность натолкнулась на слабость внутреннего, т.-е. в первую голову крестьянского, рынка. (Другой вопрос, а именно о ценах на продукты крестьянского хозяйства и экспорте хлеба, как методе «лечения», ясен и без дальнейшего анализа.) *Следовательно, нужно было «в первую голову» посмотреть, в каком отношении стоят фактические цены к действительным нуждам промышленного развития.* В дискуссии не раз при обсуждении вопроса о характере кризиса некоторые товарищи с возмущением протестовали против «кризиса перепроизводства». Какой, мол, кризис перепроизводства, когда крестьянин до зарезу нуждается в таких-то и таких-то товарах, но не может их купить!?. В резолюции «четырех евангелистов» кризис был охарактеризован, как кризис, который «в значительной мере является кризисом несогласованности и непредусмотрительности». Точно не *всякий* кризис является кризисом несогласованности. Точно, если бы была полная «согла-

сованность» (т.-е. полная рационализация и всесторонний план), то можно было бы говорить о кризисах.

Эти протесты против «перепроизводства» основываются на весьма наивном представлении обо всем механизме рыночного хозяйства. Этак, ведь, нельзя было бы говорить и о кризисах перепроизводства во времена классического капитализма, ибо никогда насыщение продуктового спроса не являлось реальностью, и капитализм в этом смысле всегда *не допроизводил*. Когда речь идет о перепроизводстве, то всегда речь идет о *платежеспособном* спросе, всегда речь идет об *определенных ценах*. Только так и можно ставить вопрос. Но это, однако, не решает еще *другого* вопроса, а именно вопроса о *строении* цен в условиях монопольного хозяйства, о высоте картельной сверхприбыли, о возможности отказаться от части этой сверхприбыли или от всей сверхприбыли для того, чтобы ускорить товарооборот, расширить рынок и с *этого* конца вести политику промышленного подъема.

Этот вопрос в его общей формулировке был поставлен и проанализирован нами в статье, направленной против «основного закона социалистического накопления» тов. Е. А. Преображенского.

Поэтому повторять здесь всю аргументацию мы отнюдь не собираемся. Посмотрим лишь, как «подводили базу» экономические лидеры оппозиции против рекомендовавшейся Центральным Комитетом политики снижения цен.

Вот, напр., теоретическая предпосылка тов. *Преображенского*:

> «Мы не должны, товарищи,—усовещевал партию тов. Преображенский,— принижать теорию в нашей партии, и поэтому мы, вступившие в эпоху строительства социализма, должны осмыслить все тенденции в нашем хозяйстве, которые перед нами проходят... Уже теперь, на опыте нашего советского хозяйства, мы можем констатировать различие между законами социалистического накопления и законами капиталистического накопления. Сущность капиталистического накопления заключалась в том, что *каждое отдельное предприятие*, более крупное, технически более высокое, *в конкурентной борьбе* побивало ремесло и кустарную промышленность. *И потребитель-*

> *покупатель решал судьбы того и другого способа производства, покупая более дешовые товары.* Это происходило в обстановке чаще всего манчестерского отношения государства к этому процессу, хотя оно и поддерживало в других формах промышленность.
>
> У нас, товарищи, *другое положение*. Наши отдельные предприятия, даже отдельные тресты, в обстановке чисто-конкурентной борьбы могут подвергаться всем опасностям постепенного их перерождения и рассасывания в предприятия капиталистической формы. И их сила не в том заключается, что они *таким путем* (т.-е. путем конкуренции и дешовых цен, очевидно. *Н. Б.*) могут одержать победу, а в том, что все государственное хозяйство, весь его комплекс будет выступать, как единое целое. И весь, в целом, окажется сильней нэп'а». (Протоколы XIII конф., стр. 34; все курсивы наши. *Н. Б.*).

Как тут все «ядовито»! Даже «манчестерское отношение государства» припущено для тех, кто не согласен с точкой зрения тов. Преображенского.

В чем чудовищность его положения? Да в том, что он *противопоставляет* «плановость», т.-е. относительное единство нашего государственно-хозяйственного комплекса, политике дешовых цен. Вот что странно, вот что действительно чудовищно.

Вместо того, чтобы рассуждать:

> *так как* наша социалистическая промышленность имеет преимущество перед капиталистической, ибо она выступает или может выступать относительно сжатым, единым кулаком, то нам нужно *использовать* это обстоятельство для всемерного *удешевления* товаров, чтобы этой *дешевизной* бить частного промышленника, торговца и т. п.,—

вместо этого тов. Преображенский разводит такую «теорию»:

> *так как* частный капиталист действовал враздробь, конкурировал, бил конкурента, завоевывая покупателя *дешовой ценой*;

и *так как* у нас не должно быть индивидуализма, манчестерства и проч., то... давайте продавать *БЕ* дешево,—это, ведь, капиталистический метод.

Ну, и логика! Ну, и «метод»! Ну, и понимание задач социалистического пролетариата!

Оппозиция не только не видела того, что нужно было видеть: она *упиралась*, когда ее толкали на правильный путь. Суверенное презрение к крестьянскому хозяйству приводило к тому, что люди не могли «заметить» такого реального «слона» экономической политики, как возможность и необходимость *снижения цен*, без которого нельзя было приступить к оздоровлению промышленности по-настоящему.

Любопытна дальнейшая аргументация тов. Преображенского. На той же тринадцатой конференции он говорил:

> «Мы получаем ценности извне путем прямых налогов или путем определенной политики цен. Каждый, конечно, скажет, что путь прямых налогов — путь наиболее опасный, который ведет к размычке с крестьянством. Возьмем конкретный пример: если крестьянство дает возможность накопить 300 милл. путем налогов и, допустим, 200 милл. путем получения прибыли от économique госпромышленности, то мы таким образом накопляем 500 милл.
>
> А не ясно ли, что раз мы имеем эту сумму, как *определенно данную сумму*, не выгодней ли политически сделать так, чтобы крестьянство... дало 200 милл. путем налогов и 300 миллионов путем определенной политики цен». (Стр. 35 протоколов).

Эта, на первый взгляд, убедительная арифметическая выкладка страдает, однако, тем «маленьким» недостатком, что она предполагает какие-то раз навсегда данные величины.

А не слышал ли тов. Преображенский, что можно выиграть *на быстроте оборота?*

А не вспомнит ли тов. Преображенский, что при более низких ценах, но *большей массе* продаваемых товаров (т.-е. при расширении рынка) можно получить бóльшую сумму прибыли?

И где у тов. Преображенского *хоть тень* доказательства того, что быстрота оборота не может быть увеличена (что она «дана»), что количество сбываемых товаров останется *тем же?*

При такой простоте рассуждений, какая есть у тов. Преображенского, дело безвыходно. Но счастье в том, что одно дело — сознание оппозиционных экономистов, а другое—реальное бытие советской экономики. Тов. Преображенский находится в плену монополистских предрассудков,—вот в чем его беда.

А между тем, даже некоторые буржуазные экономисты видят, в чем суть проблемы. Так, например, в октябрьском № «Journal des Economistes» помещена статья Ива Гюйо (Yves Guyot. «L'augmentation du pouvoir d'achat par la baisse des prix») на тему об «увеличении покупательной силы путем низких цен», где этот либеральный автор выставляет положение (терминология не-Марксова, разумеется), что «снижение (réduction) цены единиц (продукта) увеличивает их общую ценность (la valeur totale), потому что оно вызывает спрос» (стр. 144). В этом г. Гюйо видит настоящее завоевание рынков. Не скажет ли тов. Преображенский, что г. Гюйо стремится подкузьмить французских капиталистов?

Ускорение *оборота*, расширение *рынка*, на этой базе расширение *производства*, отсюда — возможность дальнейшего снижения цен, дальнейшего расширения рынка и т. д.,—вот путь *нашего* производства. Эта политика для нас *обязательна*, ибо мы во что бы то ни стало должны осуществлять смычку с крестьянством. Эта политика для нас *возможна именно* потому, что мы имеем преимущество в относительной *плановости* нашего государственного хозяйства.

Тов. *Пятаков* на той же XIII конференции говорил:

> «Вопрос о смычке есть в значительной мере вопрос о соотношении цен (слава те, господи! *Н. Б.*)... И вот как мы подходим к вопросу о регулировании цен. Это чрезвычайно показательный пример того, как не нужно вести наше государственное хозяйство. Мы думали (и в резолюции это сказано), что просто соответствующим распоряжением мы цены понизим, заставим тресты снизить накладные расходы, снизить прибыль, улучшить

производство, — и цены падут. Я утверждаю, что так дело не выйдет потому что дело не только в этом, *а и в количестве товаров*, поступающих на рынок»... (стр. 25).

Указывая на то, что частный торговец продает по дорогим розничным ценам, даже если отпускные цены трестов низки, тов. Пятаков делал такой вывод:

> «Мы таким регулированием цен добьемся не смычки крестьянства с нашей промышленностью, а добьемся накопления частного капитала и смычки частного предпринимателя с крестьянством» (там же).

Если тов. Пятаков жаловался на малое количество товаров, то тов. *В. М. Смирнов*, в свою очередь, гневался на то, что к осени—

> «резко зажали кредит и заставили наши торговые органы выбросить на рынок *всю массу товара*, которая скопилась за лето, выбрсСить как-раз в тот момент, когда крестьянин сдавал максимальное количество сельскохозяйственного налога» (протоколы, стр. 70).

Итак, прежде всего вопрос о «количестве товара» и еще раз вопрос о характере кризиса.

Если говорить о *потребностях* крестьянского хозяйства, было *резкое* недопроизводство.

Если говорить с точки зрения платежеспособного спроса, го было перепроизводство.

Но как же кризис сбыта, так-сказать, *сам* не повлек снижения цен?

А очень просто: в силу стопроцентной *монополии* в промышленности, которая имела до тех пор гарантированный государственный кредит и поэтому *не* имела достаточных стимулов к завоеванию рынка путем более дешовых цен.

Это привилегированное положение, *ужв* породившее явления монополистского загнивания и застоя, и нашло своих апологетов в лице оппозиционных товарищей. Чтобы ликвидировать этот застой, нужно было разбить партийную оппозицию

с ее цеховой и узкой точкой зрения, мешавшей заглянуть за пределы госхозяйства и, следовательно, вредной и *для этого самого госхозяйства.*

Довод о наживе частного капитала являлся уж поистине жалким софизмом, придуманным для того, чтобы не снижать цен. Ибо именно, исходя из того, что разницу может класть в карман частный «посредник», и нужно было расширять *кооперативную агитацию и пропаганду*, срывая маску с частного посредника, как с грабителя, хозяйственно его разоблачая и строя свою торговлю, укрепляя кооперативную и т. д. Только так и можно итти вперед. А бояться *этой* борьбы значит «волков бояться,—в лес не ходить».

Ряд товарищей из оппозиции говорили, что из признания «перепроизводства» вытекает свертывание промышленности. Так было бы, если бы перепроизводство это не было связано с безумными ценами. *Эту* связь они упускали. Наоборот, совершенно правильная точка зрения ЦК, заставлявшая госпромышленность не жить на готовенькое, а зашевелиться и *поискать* рынка, привела к безусловному успеху. Сломлено было монополистское чванство, которое социалистическую добродетель видело не в усилиях по улучшению смычки с крестьянином, а в административных прерогативах, позволяющих брать что-угодно, как-угодно, а в случае затора и торгового главзапора итти в госкассу и получать кредиты за заслуги перед социалистическим отечеством.

Практика всецело оправдала политику снижения цен. Товарооборот увеличился, промышленность сдвинулась с места, началась гораздо более быстрая мобилизация хозяйственных факторов, более интенсивное использование капитала, *то-есть* создались условия для дальнейшего развертывания производства. Насколько можно было *с пользой* для промышленности снизить цены, показывает следующая сравнительная табличка. (См. таблицу на стр. 171).

Интересно отметить снижение цен на некоторые отдельные товары. Так, например, цена на гвозди была снижена на 47%, подошву—на 48, краски—52, сукно тонкое—61, махорку—71, продукты шерстяной промышленности — 46,5.

Погибла при таком снижении цен наша промышленность? Ничего подобного. Она впервые стала быстро развертываться,

СНИЖЕНИЕ ОТПУСКНЫХ ЦЕН

с 1/X 1923 г. по 1/X 1924 г.—30—35%.

	Цены в % к довоенным.		
	1/X—23 г.	1/X—24 г.	Снижение в %%
Кожевенная	322	218	33
Пищевая	325	211	35
Силик.-строит.	304	208	32
Металлическая	207	177	15 *)
Текстильная	271	177	35
Топливная	210	173	18
Электрическая	176	160	9
Бумажная	179	141	21
Химическая	175	124	29
Нефтяная	117	101	28
Вся промышленность...	247	177	29

Конечно, было бы нелепо приписывать это *только* снижению цен. Но эта политика безусловно дала толчок к *быстроте оборота*, устранила застойно-гнетущий момент монополистского *извращения* экономической политики нашей государственной промышленности, помогала справиться с «кризисом сбыта». Уже после первых ударов по высоким ценам и провинциальные, и Московская биржи отметили оживление товарооборота. А к осени 1924 года предложение отставало от спроса.

Развертывание товарооборота видно из следующей таблицы (по материалам ВСНХ; см. таблицу на стр. 172).

При снижении цен на 30% продукция промышленности увеличилась с 1.191 миллиона довоенных рублей до 1.548 милл., т.-е. уже на 30%. При этом сдвинулась не только легкая про-

*) Или 30—35%, если учесть снижение цен в октябре и ноябре.

ОБОРОТЫ СИНДИКАТОВ ПО ПРОДАЖЕ 1923/24 г.

(в тыс. рублей).

Наименование синдикатов.	I квартал.	II квартал.	III квартал.	IV квартал.	ВСЕГО.
ВТС	28.755,2	50.768,0	74.528,6	99.927,7	253.979,5
в %	100	176	259	347	
ВКС	9.166,9	9.941,0	11.014,0	14.407,9	44.529,8
в %	100	108	120	158	
Сольсиндикат	7.885,2	9.177,7	11.082,0	8.850,0	36.994,9
в %	100	116	140	112	
Нефтесиндикат (керосин)	7.562,6	6.873,4	3.218,8	9.293,8	26.948,6
в %	100	90	42	123	
Продасиликат	3.156,8	3.351,1	3.954,4	4.972,6	15.434,9
в %	100	106	125	157	
Металлосиндикат	1.654,1	3.294,9	5.393,5	7.749,5	18.092,0
в %	100	193	326	468	
Сельмаш	281,4	2.690,3	964,1	776,6	4.712,4
в %	100	960	344	276	
Расмаслосиндикат	861,7	280,0	618,5	1.205,3	2.965,5
в %	100	32	71	140	
Махорочный	397,7	855,5	1.597,4	1.975,2	4.822,8
в %	100	217	405	501	
Спичечный	855,9	52,4	—	—	908,3
в %	100	6	—	—	
Жировой	121,3	426,4	377,0	664,0	1.588,7
в %	100	352	311	548	
Крахмалпатбюро	44,1	26,7	—	—	70,8
в %	100	60	—	—	
Консервбюро	31,4	—	—	—	31,4
в %	100	—	—	—	
Уралмет	11.061,5	11.895,7	18.106,7	17.590,1	58.654,0
в %	100	108	164	159	
ИТОГО	71.832,8	99.633,1	130.855,0	167.412,7	469.732,6
в %	100	138	182	233	

мышленность, но стала подниматься и тяжелая, производящая в значительной мере основной капитал страны. Количество готовых хлопчатобумажных тканей (счет в продукте) увеличи-

лось на 43,8%, железной руды — на 109,5%, чугуна — на 121,5%, стали — на 69,7%, прокатка — на 51,9% *).

Это было сделано не «вопреки ЦК», а вопреки (в условном смысле) *оппозиции*, т.-е. при *поддержке* ЦК. Ибо его руководящее большинство видело проблему там, где ее нужно было видеть.

Теперь запоздало признается, кажется, почти всеми, что политика снижения цен дала сильнейший толчок и к реальному снижению *себестоимости*. В качестве иллюстрации этого процесса могут служить следующие цифры, взятые из области *текстильной* промышленности, где снижение цен было особенно значительно (разумеется, дело здесь не *только* в снижении цен, но никто не может оспаривать очень значительного влияния этого фактора).

Снижение себестоимости (за год) **).

Хлопчатобумажн.	промышл.	49%
Грубо-шерст.	»	40%
Гонко-сукон	»	70%
Камвольная	»	53%
Льняная	»	50%.

Этот процесс, в свою очередь, будет *облегчать* дальнейшее снижение цен и тем самым наиболее прочное завоевание рынка, в том числе, и в первую очередь, рынка крестьянского. Используя все *преимущества единства* нашего государственного хозяйства, используя все возможности того (не абсолютного, не «цельного», не совершенного) плана, который у нас имеется, мы должны и на этой основе удешевлять себестоимость и понижать цены, все мощнее и мощнее ускоряя товарооборот, все интенсивнее используя единицу капитала, все ускоряя темп хозяйственного взаимодействия между городом и деревней и *тем самым* укрепляя во много раз «смычку» между рабочим классом и крестьянством, а равно и развертывание нашей госпромышленности.

Нужно понять, что *наши* «казенные» фабрики и заводы не должны ни в коей мере страдать ни бюрократизмом «казенных

---

*) Предварительные итоги работы госпромышленности за 1923/24 операционный год. (Доп. к ежем. стат. бюлл. ЦОС ВСНХ, № 9).

**) Цифры взяты из докладной записки ЦУГПРОМ'а председателю ВСНХ тов. Дзержинскому.

заводов» буржуазного государства, ни иметь *ограничивающие* рост производительных сил тенденции, что есть у монополистического *капитализма*. Ибо наша задача — максимум развития производительных сил, покрытие потребностей широких масс, неустанное стремление к развертыванию производства. В условиях рынка метод дешовых цен можно в такой же степени считать «буржуазным», как метод гражданской войны в условиях пролетарской революции.

5. ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА.

Выше мы видели, как обстояло дело у оппозиционных экономистов с денежной реформой. Они, по сути дела, отвергали денежную реформу, как *необходимую предпосылку нарастания «плановости» хозяйства*.

Таковой она у них не являлась.

Если вдуматься в это обстоятельство и найти здесь самую глубокую причину такого отношения к делу, то и здесь обнаружится основной порок оппозиционной платформы: непонимание связи госпромышленности с крестьянским хозяйством. В самом деле, тут перед нами два момента:

Во-первых, *недооценка рынка*, типа рыночной связи и твердой валюты, как непременного условия здорового рыночного товарооборота, resp. товарного производства.

Во-вторых, желание, чтобы и *дальше нас «спасал» совзнак*. Это желание стоит в свою очередь в связи со всей теорией «социалистического накопления», развитой тов. Преображенским. Бумажно-денежная эмиссия есть, ведь, скрытый вид налогового обложения (кстати, совершенно напрасно тов. Преображенский в «Вестнике Комм. Академии» утверждает, что эту истину он впервые открыл). А так как социалистическое накопление должно в значительнейшей мере (и это есть, по Преображенскому, основа политики) итти именно таким путем, а уж никак не через «буржуазные» дешовые цены, то появляется великий соблазн удержать этот милый, добрый совзнак.

Можно сказать, что оба эти пункта стоят в связи с некоторыми пережитками военного коммунизма, с непониманием специфических *методов* нашей политики в условиях товарного хозяйства, где быстрота оборота должна быть величиной, прене-

брегать которой может только провинциальный скряга и скупердяй, а не расчетливый «хозяин».

Вся премудрость сводится здесь, следовательно, к такой вырисовывающейся «линии»: следует с денежной реформой потерпеть: государственное хозяйство вылезет на плане, ибо можно здесь прибегать к безденежному расчету, а с другой стороны, к расчету в червонцах; накопление же будет происходить за счет «третьих лиц»: 1) путем эмиссионного налога (для чего нужно сохранение совзнака), 2) путем политики высоких цен. Логика — правда, своеобразная — вскрывается, таким образом, и тут. И тут происходит «увязка» между общими взглядами на основы хозяйственной политики, с одной стороны, и частной проблемой, в данном случае — проблемой денежной реформы, — с другой. Если принять во внимание, что падение советского знака ударяло в первую очередь по крестьянскому хозяйству и благодаря своему общему воздействию (ибо советский знак гулял в деревне, а для крупных сделок уже был червонец), то картина становится еще более ясной и еще более яркой.

Таким образом, объективное положение и политика рабоче-крестьянского блока делали настоятельно необходимой денежную реформу, смелую попытку упорядочения денежного хозяйства. А в это время «плановая» логика оппозиционных товарищей тормозила проведение этой реформы и предрекала всяческие ужасы и напасти, если мы эту денежную реформу быстро и решительно стали бы проводить.

Следует вспомнить, как оценивал т. Ленин вообще вопрос о стабилизации рубля. На IV конгрессе Коминтерна (предпоследняя публичная речь Владимира Ильича) он говорил:

> «Что действительно важно, это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы, и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. *Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, стабилизировать этот рубль,— значит, мы выиграли»*. (Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 91).

Вл. Ильич говорил здесь о стабилизации соврубля. Вышло по-другому. Но это ни капли не опровергает ленинского утверждения. Для того, чтобы провести денежную реформу, требова-

лась, конечно, известная смелость: нужно было отгрызаться от «диктатуры промышленности», нужно было апеллировать к рабочим массам с призывом временно потерпеть, принести новую жертву, пока будет проходить наиболее острый период реформы. *Если* задача навязывалась всем ходом событий, то ее *нужно* было решить, и *этой* задаче, *ее* решению нужно было соподчинить все остальное. А наши оппоненты не только не понимали всей *важности* задачи, не только протестовали против подчинения ее решению решения других задач и проблем, но и идейно саботировали реформу, *пугая* партию и гибелью страны, и гибелью червонца, тогда еще маленького и ходившего «под столом».

Уже на сессии союзного ЦИК, при обсуждении доклада Наркомфина во фракции, тов. *В. Смирнов* говорил:

> «Когда, при таком тяжелом финансовом положении... наше денежное обращение стараются поставить на основу червонца, который нельзя эмиттировать произвольно... то это *вызывает величайшее опасение*... Когда осеннее оживление закончится... когда наступит обычное сжатие оборота, то оно прорвет тонкую оболочку советских знаков. Это будет *критическим моментом для червонца*». (Доклад т. Кржижановского от Госплана о «проблеме ножниц» и прения по докладам Госплана, Наркомфина и ВСНХ на заседаниях фракции РКП (б.) III сессии ЦИК Союза ССР, стр. 33).

11-го сентября 1923 года тов. *Смирнов* в записке, поданной в Политбюро, анализируя создавшееся положение, приходил к такому выводу:

> «Мы должны при таких обстоятельствах уже *сейчас* иметь в виду неизбежность ликвидации советского рубля и превращение *банкноты в падающую валюту со всеми вытекающими отсюда последствиями*»

В другой записке тот же товарищ говорит о *катастрофической* обстановке—

«в ближайшее же время для нашего советского рубля, а в дальнейшем и для самой банкноты», что,—как об этом говорится в другом месте той же записки,—«обозначало бы, конечно, величайшую катастрофу как для народного хозяйства вообще, так и для государственного бюджета в частности».

То же—в третьей записке тов. Смирнова. Словом, по всему фронту—«положение катастрофическое».

Основное соображение, которое выдвигалось, как деловой аргумент, товарищами из оппозиции, заключалось в том, что при *бюджетном* дефиците неизбежно *придется* прибегнуть к «ненормальной» эмиссии червонца и таким образом превратить его в новую падающую валюту, так-сказать, «другой манеры». Это соображение, конечно, имело довольно крупный логический вес. Однако, оно имело *сверх*-сильный логический вес *только* при некоторых оппозиционных предпосылках.

А именно: *если* справедливы были протесты против «диктатуры Наркомфина», т.-е. *если* справедливы были те, кто защищал «диктатуру промышленности» против «самодовлеющего», как это называл тов. Троцкий в своем первом письме членам ЦК и ЦКК, «характера нашей финансовой политики», — тогда, конечно, денежная реформа потерпела бы неизбежный крах.

Здесь нужно было, конечно, выбирать. Проведение денежной реформы предполагало «жесткий финансовый план», беспощадное «зарезывание» по отдельным сметам, сокращение до минимальнейшего минимума всех расходов и т. д. Против этого, естественно, поднимались протесты, как против финансового самоуправства. Но это «самоуправство» *предполагалось*, поскольку нужно было брать всерьез всю денежную реформу. Ибо иначе действительно осуществилась бы та самая перспектива, которую предрекал тов. Смирнов, а равно и товарищи Преображенский, Пятаков и другие. (В связи с этим стоит и производный вопрос об активном балансе, который мы здесь отдельно не рассматриваем; достаточно указать, что протесты против активного баланса в известной степени были связаны со взглядами на денежную реформу).

И здесь *практика* показала, что товарищи из оппозиции, вульгарно выражаясь, «сели в калошу».

Уже на XIII конференции, где оппозиция вообще давала отбой (стоит вспомнить, что тов. Пятаков говорил здесь в общем о *«правильной»* экономической политике ЦК, тогда как в записке 46-ти эта политика выглядела «совсем наоборот»), тов. Преображенский поспешно отступал.

> «Мы в дискуссии,—говорил тов. Преображенский—не выступали против финансовой реформы, ибо мы стихийно подошли к необходимости ее проведения» (Протоколы, стр. 37):

Не выступали *против?* А *за* выступали? А неизбежно провала не предрекали? А эти пророчества *как* можно было оценить? «Ни за, ни против»? Конечно, товарищи объективно были *против* реформы.

> «Еще летом,—продолжает тов. Преображенский,—ЦК был предупрежден целым рядом товарищей относительно того... что существование двух валют несовместимо, что червонец будет выпирать совзнаки, и мы можем стихийно (!) оказаться перед необходимостью перейти на твердую валюту тогда, когда у нас имеется бюджетный дефицит, что ставит под известный (!!) риск проведение реформы» (там же).

Дело, как видели читатели, шло *тогда* не об «известном риске», а о «величайшей катастрофе». А по существу: как же возможно было в тогдашних условиях добиться бездефицитного бюджета без жесткой *финансовой* политики, без преодоления кризиса, без начала оздоровления нашей промышленности и торговли? И как же можно было установить «нормальный» бездефицитный бюджет без проведения денежной реформы? «Ждать» тогда, когда мы подошли вплотную к новой размычке между городом и деревней,—это действительно означало бы *загубить* дело нашего хозяйственного возрождения *наверняка*.

Но тов. Преображенский еще на конференции все же не сдавался окончательно. Он еще утешал себя:

> «Может случиться, что события на нашем хозяйственном фронте развернутся таким образом, что мы выйдем

из этого затруднения и мы избегнем всех подводных камней. В основном (!) же риск перехода на твердую валюту при дефиците в бюджете остается» (стр. 37).

И уж, конечно,

«самый метод проведения денежной реформы показывает всю стихийность, бесплановость в нашем хозяйстве» (там же).

Теперь-то не осталось уж никакого утешения. Да не то что утешения, самого малюсенького *утешеньица* не осталось. Даже Уркарты, даже злейшие враги, «все отрицая», не могут отрицать *успеха денежной реформы в нашем Союзе*. Это теперь есть непререкаемый факт. Выходит так: «стихийная» политика ЦК привела к твердой валюте *на деле*, а «плановые» предсказания о катастрофе банкнот оказались настолько же верными, как и «плановые» предсказания о всеобщей гибели при поддержке «несводящего концов с концами» Центрального Комитета нашей партии.

В самом деле, коротенькая цифровая справка скажет нам довольно много.

На апрель 1922 г. золотая ценность всех советских денег равнялась всего-на-всего 40 миллионам рублей. На 1-е января 1924 г. было в обращении денег на 302 милл. рубл., на 1-е октября — на 622 милл. рубл. *). На 11-е декабря 1924 года эта сумма уже составляла 725 слишком миллионов **).

Рост денежной массы в связи с ростом товарооборота указывает на резко выраженный процесс хозяйственного оздоровления. Покупательная сила рубля не падает, отношение его к доллару и золоту стабилизовано, червонец является «нормальной» валютой и «нормально» котируется на иностранных биржах, и т. д., и т. п.

Расширение товарооборота, в свою очередь, дает возможность расширять эмиссию без подрыва «твердости» валюты. Вместе с тем происходит изменение во всех порах хозяйственной жизни. В сфере *промышленности* появляется возможность калькуля-

*) См. Сокольников. «Бюджет и валюта», изд. «Экон. Жизнь» 1924 г., стр. 52.

**) Конъюнкт. бюлл. совета съездов. № 9.

ции, вычисления себестоимости, прибыли, подведения балансов предприятия, смет, производственных программ и т. д.; исчезают потери на курсе, делается возможной действительная ориентация на хозяйственном поле; упорядочивается выплата зарплаты, и уничтожаются потери на курсе со стороны рабочих. В *крестьянском* производстве становится возможным точно так же учет всех факторов, дается стимул к расширению производства, ибо делается возможной дальнейшая «товаризация» крестьянского полунатурального хозяйства; крестьянство избавляется от эмиссионного налога. В сфере *обращения* перекидывается мост между городом и деревней. Впервые создается возможность нормального *кредита* всех видов и сортов; становится возможной деятельность *банков* и даже использование частно-капиталистических вкладов; подводится основа под будущие вклады со стороны крестьянства и форсирование процесса накопления под руководством пролетарского государства. Наконец, упорядочивается наш *государственный бюджет*.

В другой связи, при обсуждении вопроса о «плане», мы указывали уже на громаднейшую роль нормализации нашего *государственного бюджета;* именно потому, что у нас *особое* строение государственного бюджета, он и представляет своего рода центральную бухгалтерию народного хозяйства. *До* того времени, как мы не имели упорядоченного госбюджета (а мы его не могли иметь без проведения денежной реформы) нечего было и думать о действительном плане даже в том условном смысле, в каком мы его принимаем. Ибо какие бы производственные программы ни принимались, как бы они ни «увязывались» друг с другом, они неизбежно должны были «лететь», ибо их опрокидывал стихийный развал денежной системы.

Так мы, вопреки оппозиции, *устанавливая смычку с крестьянством, тем самым сделали и дальнейший шаг к плановому хозяйству*.

6. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ И БОРЬБА С ЧАСТНЫМ КАПИТАЛОМ.

При рассмотрении споров о политике цен мы уже касались отчасти и разногласий по вопросу о социалистическом накоплении. С другой стороны, этой же проблемы мы касались в статье,

направленной против «основного закона социалистического накопления» тов. Е. А. Преображенского. Этот вопрос *теперь* практически стоит не только в связи с политикой цен, но и в связи с проблемой *основного капитала*. Нетрудно видеть, что все эти проблемы связаны одна с другой, и их решение будет различно, если будут различны общие исходные взгляды на соотношение между государственным хозяйством и хозяйством индивидуально-крестьянским. Не подлежит сомнению, что в известной мере промышленность должна быть поддержана общегосударственной казной. Но даже если отвлечься от того, в *какой мере* это должно происходить, есть здесь основной спор о *стержне нашей промышленной политики*. Перед нами *два метода* социалистического накопления: оппозиционный и ортодоксальный. Здесь нам, прежде всего, и хочется дать их характеристику, ибо эти «методы» и выражают собой две *политические линии*. Можно сказать, что

1) оппозиция, в общем, ориентировалась на высокую прибыль на единицу товара; ЦК, наоборот, ориентировался на минимальную прибыль на единицу товара, что при расширении рынка дает бóльшую *сумму* прибыли в целом;

2) то же можно выразить и так: оппозиция ставила свою ставку на картельную сверхприбыль, тогда как ЦК заботился о низкой цене и расширении емкости крестьянского рынка;

3) то же самое можно формулировать еще иначе, а именно: можно сказать, что оппозиционная политика есть политика, переносящая центр тяжести на монополистско-государственную поддержку за счет, *вместо* мобилизации всех хозяйственных факторов, технических улучшений, развития производительных сил, тогда как позиция ЦК смотрела в первую голову именно сюда;

4) в области финансирования у оппозиции центр тяжести в государственных дотациях, у ЦК в переходе на банковый кредит;

5) у оппозиции ставка на возможность *немедленно* заполучить куш для промышленности на основе высоких цен; у ЦК— ставка на *мобилизацию* хозяйственных факторов, на *быстроту* оборота, на *интенсивность* использования капитала.

В этом разница двух «промышленных политик», которые боролись в прошлогодней дискуссии. Часто определяли, что

оппозиция стояла за высокую прибыль и за быстрый темп социалистического накопления, тогда как ЦК был за минимальную прибыль и за медленный темп социалистического накопления. Эти ходячие формулировки страдали тем недостатком, что они были и верны, и неверны: они были *вульгарны*, ибо не выражали сути дела, оставаясь лишь на поверхности явлений и рассматривая лишь то, что находится непосредственно под самым носом. ЦК стоял не вообше за минимальную прибыль, а за минимальную прибыль *на единицу товара*. ЦК стоял не вообше за медленный темп накопления, а за то, чтобы *не отрываться* от крестьянского хозяйства и *в конечном счете* получить более быстрый, максимально быстрый темп накопления.

Люди часто не отдают себе отчета в том, что задача стоит отнюдь не под углом зрения одного оборота капитала, а о *ряде* лет и целой цепи капитальных оборотов, где один оборот общественного капитала, или совокупного капитала господпромышленности, есть лишь звено этой цепи. Люди не понимают часто и того, что время оборота капитала, которое есть сумма «времени производства» и «времени обращения», не есть какая-то определенная, заранее данная, навек установленная величина. А из непонимания этих обстоятельств вытекает совершенно неправильное представление о мероприятиях, обеспечивающих, так-сказать, оптимум социалистического накопления. *Если* мы набираем высокую прибыль за счет высоких картельных цен и в то же время сокращаем емкость внутреннего рынка или тормозим его развитие; *если* мы тем самым тормозим ускорение оборота капитала или даже замедляем этот оборот (скажем: удлиняем время обращения, когда товар дольше, чем нужно, лежит на складах, ждет покупателя, увеличивает «издержки хранения» и т. д.); *если* мы опять-таки тем самым уменьшаем энергию, направленную на техническое улучшение и на поиски разнообразных методов снижения себестоимости,—то *в конечном счете*, как много ни загребли бы в начальную фазу наших экономических выступлений, мы бы *проиграли, ибо темп накопления неизбежно бы замедлился*. Наоборот, если мы берем на единицу товара меньше, но зато расширяем из года в год емкость крестьянского рынка, обратно влияющего на производство; если мы, беря меньше, в то же время всемерно ускоряем оборот капитала, сокращая и «время производства», и «время обращения»; если мы уско-

ряем таким путем взаимное влияние города и деревни, госпромышленности и сельского хозяйства, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства, то, идя вначале медленнее, мы с лихвой догоняем, перегоняем и *оставляем далеко позади* тот темп накопления, который предполагается первым («оппозиционным») вариантом нашей экономической политики. Но для того, чтобы увидеть это, нужно смотреть дальше своего носа, что не всякий, ведь, может. И нужно при этом выйти из своей «промышленной» скорлупы и видеть элементы всего народного хозяйства и в их *связи* и взаимозависимости, и в их взаимно обусловленном *движении*.

Эту мысль, в иной форме, выражал *Ленин*, когда на XI съезде нашей партии говорил:

> «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, *бесконечно медленнее*, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться *вся масса с нами*. Тогда *УСКОРЕНИЕ ЭТОГО ДВИЖЕНИЯ В СВОЕ ВРЕМЯ НАСТУПИТ ТАКОЕ, О КОТОРОМ МЫ СЕЙЧАС И МЕЧТАТЬ НЕ МОЖЕМ*. Это, по-моему, *первый основной политический урок новой экономической политики*» (т. XVIII, ч. 2, ст. 29—30).

Разве это не есть *политическое* выражение тех *экономических* положений, которые защищал, по сути дела, ЦК в прошлогодней дискуссии?

Так обстоит дело с «темпом накопления». В связи с этим вопросом стоит и вопрос о воспроизводстве *основного капитала*. И здесь прошлогодние споры уже прямо и непосредственно смыкаются с вопросами очередной практики текущего дня.

Но любопытно, что и тут мысль товарищей из оппозиции часто сбивается, путается, спотыкается «на эфтом самом месте».

Тов. *Пятаков*, напр., так формулирует общие рамки процесса восстановления основного капитала:

> «Скажу заранее: совершенно гладкое решение этого вопроса мы едва ли найдем, или, вернее, вполне гладкое решение его лежит в другой плоскости, — в плоскости включения СССР в *социалистическое* хозяйство *всего* мира.

При условии господства капитализма в других странах для нас остается только весьма тяжелое, трудное, полное внутренних противоречий решение поставленной проблемы своими средствами, своими силами» (*Ю. Пятаков.* «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», стр. 5. «Проблема основного капитала», сборник статей, изд. ВСНХ).

Что у нас решение проблемы будет трудным и далеко не гладким,—это верно. Но замечательная мысль, что при включении в социалистическую систему всего (обязательно сразу всего) мира дело будет совсем, совсем гладко, — эта мысль вполне соответственна теории перманентной революции т. Троцкого, который решает, что «в мировом масштабе» противоречия между рабочим классом и крестьянством сразу исчезают (см. нашу статью о теории перманентной революции).

Что-либо одно из двух: или речь идет об *укрепившейся* социалистической «системе» «всего мира»,—тогда самая *проблема* исчезает, ибо само «укрепление» предполагает, что эта проблема в общем уже решена; или речь идет о периоде, близком к захвату власти, т.-е. о периоде «молодой» диктатуры. Но тогда (т.-е. когда проблема *действительно* еще возможна) нужно было бы задуматься и о самой «загранице». А там, *для нее*, этот вопрос не будет стоять? А там не произошло разрушения основного капитала? А там не будет еще добавочного разрушения, в периоде гражданской войны?

Как тов. Троцкий по *социально-классовой* линии не додумывал вопроса до конца, так и тов. Пятаков *откладывает* вопрос, а не решает его, ибо всякому, ведь, ясно, что *смешно* говорить о «гладком», да еще «вполне», решении вопроса, как только упоминаешь о «мировом масштабе».

«Провал» в процессе воспроизводства основного капитала был и у нас, и, в меньшей мере, за границей. И «загранице» этот вопрос *приходится* решать. Упускать это—значит, действительно, витать в эмпиреях и прибегать к абстракциям от таких вещей, от которых никак не «абстрагируешься».

А все-таки социалистическая «заграница» нам помогла бы,— это не подлежит никакому сомнению. В чем *основа* этой помощи? В чем основа перспективы ускоренного роста социалистического

европейско-азиатского (а может-быть, и мирового) хозяйства? В том, что будет *более тесная смычка* между теми объективно дополняющими друг друга хозяйственными частями, которые были разделены, *разгорожены* буржуазным способом производства и его государственными организациями. Ускорение, облегчение *обмена веществ*, возможность ускорения экономического *оборота*,—вот на этом мы догоним старое, и перегоним его, и пойдем все быстрее и быстрее к мощному развитию производительных сил. Этому будут в высокой мере помогать элементы планового хозяйства, и, в свою очередь, это будет помогать росту плана и рациональных элементов хозяйственного процесса.

Но—увы!—до самого последнего времени оппозиционные товарищи не понимали именно этой стороны дела.

Характерно, что тов. Пятаков берет всю проблему чисто-*статически*.

У него есть четыре «мыслимых источника пополнения недостающей (ибо не производившейся; основной капитал, как известно, «проедался» в годы войны и революции. *Н. Б.*) ценности»:

> 1) Накопление амортизационных фондов на основе отчислений, не переходящих уровня обычной амортизации основного капитала.
>
> 2) Усиление производства и накопление прибавочной стоимости рабочего.
>
> 3) Присвоение прибавочной стоимости крестьянина.
>
> 4) Иностранный заем» (там же, стр. 7).

Другой оппозиционный хозяйственник, тов. И. Бык, присоединяясь к этим «четырем источникам», присовокупляет тут же:

> «Но совершенно прав тов. Преображенский, что у нас эти источники могут быть *меньше всего* на производственной основе (автор, очевидно, хочет сказать: «на производственной основе государственной промышленности». *Н. Б.*) и *больше всего* (курсив автора. *Н. Б.*) «вне комплекса производственного процесса» (опять та же чудовищная терминология, за которую мы, разумеется, не отвечаем. *Н. Б.*) (тот же сборник: *И. Бык*, «Контроль над фондом амортизации»).

Ни слова *о быстроте оборота!* Ни слова о более интенсивном использовании единицы капитала! Ни слова о самой важной,

исключительно важной, проблеме! Даже то, что социалистическая промышленность получает и будет получать со стороны, должно употребляться под углом зрения *интенсификации* использования капитала. Но авторы даже не замечают этой центральной проблемы!

Еще бы им заметить, раз у них—царство *статики* и *изолированной* промышленности. Они, черпая из «другого источника» и не подумают о том, что и этот «источник» нужно оживлять, что речь идет о *взаимооплодотворении*, и притом *нарастающем*, а не о простом дележе. Их точка зрения, практически вредная, целиком вытекает из их общей позиции. Удивительно, как до сих пор они этого не видят!

Ради справедливости, а также ради некоторого теоретического «профита», мы должны все же с радостью отметить, что наш друг Пятаков все же начал как-будто — наконец! — подходить к проблеме, которая для него сняла, по крайней мере, свою «шапку-невидимку».

Перед нами—стенограмма доклада тов. Пятакова на пленуме президиумов ВСНХ республик и областных промбюро. И вы знаете, читатель, к какому *«основному выводу»* приходит тов. Пятаков «на основании почти годового анализа»?

Этот *«основной вывод»* (*основной*—не оставьте этого без внимания!) состоит в том что у нас еще «очень и очень много» «скрытых резервов».

> «Первый резерв — это так-называемые неликвидные средства наших госпредприятий и второй резерв — это есть *недостаточная скорость оборота нашего капитала*».

Вот уж поистине «лучше поздно, чем никогда».

Тов. Пятаков приводит следующие иллюстрационные данные по поводу неликвидных оборотных средств:

По угольной	пром.	общ.	сумма	оборотн.	средств	29	млн.	р.,	живых	17	млн.	р.
» нефтяной	»	»	»	»	»	157	»	»	»	82	»	»
» электрот.	»	»	»	»	»	64	«	»	»	21	»	»
» лесной	»	»	»	»	»	43	»	»	»	16	»	»
» бумажной	»	»	»	»	»	18	»	»	»	16	»	»
» резиновой	»	»	»	»	»	52	»	»	»	32	»	»

и т. д.

По всей пром. общ. сумма оборотн. средств 1012 млн. р., живых 737 млн. р.

Теперь посмотрите, что говорит тов. Пятаков о быстроте оборота. Посмотрим и послушаем:

> «Второй момент, на который *наши хозяйственники* (гм! гм! опять-таки: лучше поздно, чем никогда! *Н. Б.) почти не обращают внимания...* это вопрос скорости оборотов нашего капитала... Я имею в виду не бумажный оборот капитала, а материальное движение самих ценностей, превращение ценностей из денег в средства производства, в рабочую силу, в готовые товары и превращение обратно в деньги. Этот период и скорость превращения денег обратно в деньги у нас недостаточно учитываются...
>
> Какого мы достигли успеха за этот год? (Это вместо гибели-то! *Н. Б.)* В прошлом мы имели скорость по всему хлопчато-бум. тресту 1,53, т.-е. капитал треста обращается в год 1,53 раза. В этом году мы достигли скорости оборота 1,85. Кажется—успех ничтожный: повышение скорости с 1,53 до 1,85. Какие это дает результаты?.. Я произвел соответствующий подсчет, который дал мне следующее: благодаря увеличению скорости оборота с 1,53 до 1,85 мы получаем прирост продукции... *на 113 милл. рублей...* т.-е. *мы фактически выиграли оборотный капитал в 75 милл. руб.*».

Все это как нельзя более справедливо. Все это действительно—*важнейший* вопрос. Все это, разумеется, ближайшим образом относится и к проблеме восстановления основного капитала.

Но... Но все это блестящим образом *бьет* по основам «позиции оппозиции». Все это *подтверждает* правильность политики ЦК, «не сводящего концов с концами». Ибо на самом деле, кто не сводит концов с концами, так это именно тов. Пятаков.

Плод годичных размышлений Пятакова, — что быстрота оборота имеет решающее значение. Но вот оказывается, что до сих пор на этот основной вопрос «*наши хозяйственники не обращают внимания*».

Почему «не обращают внимания»?

Почему сам тов. Пятаков еще совсем недавно, в своей статье «К вопросу о воспроизводстве основного капитала», статье, так-сказать, теоретическо-программной, *тоже* даже не заикнулся

об этом результате «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»?

Где *корень такой слепоты многих «хозяйственников»?* Ну-тка, поразмыслите, дорогие товарищи!

После всего нашего (не годового, впрочем) анализа нетрудно формулировать, где оный корень обретается: он в цеховой, *узко-промышленной* ориентации, которая мешает своим носителям выглянуть за промышленную околицу, и которая делает для них непонятной как-раз ту самую проблему смычки, о которой сейчас распинаются все, кому не лень.

Потому многие хозяйственники «не обращают внимания», что они не понимают соотношения между промышленностью и крестьянским хозяйством, полагаются излишне на казну и на свою монополию. Только разрыв с цеховой и ограниченной идеологией позволит им понять кое-что другое. Но прошлогодний кризис, связанный со стараниями «по части цен», все же «вдалбливает диалектику» и в головы «некоторых хозяйственников»...

Общий подъем нашего народного хозяйства и нашего *государственно-социалистического промышленного ядра* дал возможность продвинуть, в свою очередь, и *нашу торговлю, и кооперацию*. Этим самым в значительной мере определилась и борьба с *частным капиталом*, который, как известно, является в главнейшей своей массе капиталом *торговым*.

В оборотах *Московской товарной биржи* по *продаже* роль частного капитала упала с 12,2% от общего оборота (октябрь 1923 г.) до 5,5% (август 1924 г.). По *покупке* соответствующие цифры будут: для октября — 20%, для августа 1924 г.—10,7%.

По *70 провинциальным* биржам:

по продажам роль частного капитала за тот же промежуток времени упала с 13,5% до 7,1%;

по покупкам — с 17,2% до 10,1% *).

Ту же картину *вытеснения* частного капитала рисуют и *данные о кредитовании*. (См. таблицу на стр. 189).

Подчеркнутые цифры о «частных лицах» говорят сами за себя.

---

*) Внутр. торг. СССР в 1922/23 и 1923/1924 опер. годах. Сб. стат. мат. к докл. о внутр. торг. на II сессии ЦИК СССР. Изд. Наркомвнуторга. 1924 г., стр. 27, 28, 30.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ ЗАЕМЩИКОВ ПО 4-м БАНКАМ *).

(Госбанк, Промбанк, Роскомбанк и Мосгорбанк).

	1 октября 1923 г.			1 сентября 1924 г.		
	в тыс. руб.	в % к итогу	в % к сум. на 1 окт.	в тыс. руб.	в % к итогу	в % к сум. на 1 окт.
Госпромышленность . .	155565	46,6	100	391995	54	252
Госторговля	36753	11	100	75860	10,4	206,4
Прочие госорганы . .	14531	4,3	100	32380	4,5	222,8
Кооперация	58853	17,6	100	112197	15,5	190,6
Кредитные учрежд. .	21766	6,5	100	56269	7,7	258,5
Частные лица	**26963**	**8,1**	**100**	**10373**	**1,4**	**38,5**
Не распред. по видам клиентуры . . .	19704	5,9	100	47259	6,5	239,9
ИТОГО	334135	100	100	726333	100	217,4

Вряд ли найдется сейчас товарищ, который всерьез может утверждать, что частный капитал занял, по сравнению с прошлым годом, относительно более твердую позицию. И тут пророчества оппозиции оказались столь же удачными, как и во всех прочих областях. Практика истекшего года говорит скорее о том, что кое-где был перегиб в сторону излишнего «ущемления» частного капитала, когда от этого «излишества» получалась брешь, не заполняемая *нашей* госторговлей и кооперацией, а частный капитал частично перешел в области чисто-спекулятивного характера и бросился на хлебные и сырьевые заготовки. Но это указывает уже на проблему совсем иного порядка. Основ-

*) Совет госпромышленности и торговли в 1924 г. Отчетный сборник к пленуму Совета 10 дек. 1924 г., стр. 146—147.

ной урок и здесь говорит о необходимости сократить админи стративное усердие и центр тяжести перенести в область *эконо мического* воздействия.

* * *

Мы подошли к концу нашего разбора экономической платформы оппозиции. Как видим, отдельные моменты этой платформы вовсе не являются — и не являлись — более или менее «случайными» поправками, которые вызываются теми или иными конкретными ошибками, сделанными руководящими партийными инстанциями. Ибо во всех «поправках» оппозиции звучит одна и та же нота, видна одна и та же *линия*. Вскрыть эту линию, обнаружить ее, *показать* ее всем читателям — и было основной задачей этой статьи. Но мы старались не только *показать* эту линию, но и *доказать* как неправильность этой линии вообще, так и тех выводов, которые из нее делаются.

Из всего вышесказанного вытекает с неизбежностью, что оппозиция и здесь обнаруживала непонимание самой основной проблемы нашего строительства, *проблемы рабоче-крестьянского блока*. А это и есть основной порок всего троцкизма.

СОДЕРЖАНИЕ.

